

ДЕЛО ХОДОРКОВСКОГО

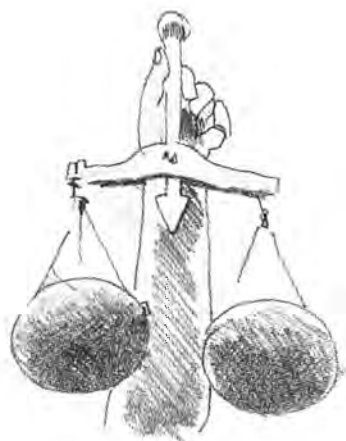
ДЕЛО №
ХОДОРКОВСКОГО

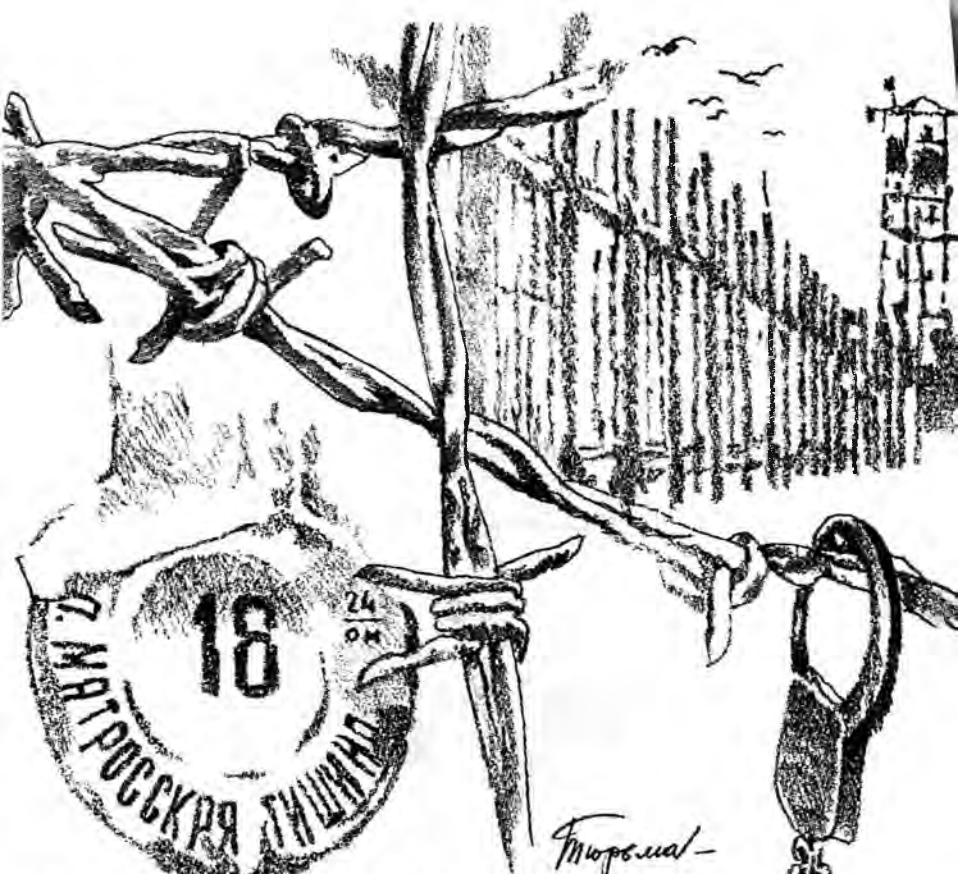
1^й этап. Читские обвинения.
Вопрос прокурорам:

"Где
о краже
нефти?"
Ответ:
"Не скажем."
2^й этап.

Читские доказательства.
Вопрос прокурорам:
"Где о краже нефти?"
Ответ: "Не скажем".

Недостаток простоты, возмущает и советом

Тюрьма -

время. А. Бродский

т. 44 09.

ДЕЛО ХОДОРКОВСКОГО

Александр Пумпянский

Сергей Ковалев

Борис Жутовский

САХАРОВСКИЙ ЦЕНТР

Зебра Е / Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П57

Оформление
Александр Щукин

Художник
Борис Жутовский

*Авторы благодарят «Новую Газету»,
журнал «Континент», общество «Мемориал»,
Д.Б. Зимина, М.М. Касьянова и Б.Е. Немцова
за содействие в работе над этой книгой*

Подписано в печать 14.02.2011.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44.
Общий тираж 30 000 экз. (1-й з-д 5000 экз.)
Заказ № 168.

Пумпянский А., Новалев С., Жутовский Б.

Дело Ходорковского / Александр Пумпянский, Сергей Новалев,
Борис Жутовский. — М. : Зебра Е, 2011. — 256 с.

ISBN 978-5-94663-312-3

ISBN 978-5-94663-312-3

© Пумпянский А., 2011
© Новалев С., 2011
© Жутовский Б., 2011

Судья Данилкин мог войти в историю. Вынеси он правосудный приговор, и это было бы доказательством того, что в России 2010 года есть независимый если не суд, то судья. Пусть даже один. Это совсем не мало. Мы даже не подозреваем, как общество жаждет такого примера — суда по совести, без оглядки на власть. Глоток живой воды способен творить чудеса.

Хамовническому суду выпал особый шанс. Как несколькими годами раньше Басманному суду, только с другим знаком.

Басманный, Мещанский, Хамовнический — рядовые московские районные суды, ничего выдающегося. Все дело в топографии. На территории Басманного района в Техническом переулке, 2 находится Главное следственное управление Генпрокуратуры. До 2001 года этот факт не имел судьбоносного значения, но с конца 2001 кое-что изменилось.

В тот год был принят новый УПК — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а в нем статья, по которой санкции на аресты, обыски и другие «активные следственные действия» должен был давать суд, а не прокурор, как ранее. Новшество вызвало яростное сопротивление со стороны генерального прокурора (тогда им был Устинов), но его не послушали. Обществу был послан знак, что система восприимчива

к демократическим нормам. Конкретно за санкцией на арест или обыск следователям Главного следственного управления теперь приходилось обращаться в Басманный суд. На практике это оказалось чисто технической процедурой. Все, чего их душеньке было угодно, они получали автоматом. (В любом суде они бы не знали отказа, но реально процедура разыгрывалась именно в Басманном.)

А Главное следственное управление Генпрокуратуры занимается только самыми важными, «резонансными» делами, каждое второе — «под личным контролем». Трудятся в нем только «первые ученики» системы, «важняки» — следователи по особо важным делам. Имеют слабость к спецэффектам — даже простая выемка документов оформляется как «маски-шоу» под телевидение и прессу. В миллионе других дел беспардонное давление, нарушения прав, бесцеремонное обращение с законом, все эти прелести — рутина за стеной. А тут порой зрителей — вся страна, о голосистых правозащитниках, своих и международных, и говорить нечего. Так родилось прозвище — «Басманное правосудие».

Хотя сам по себе Басманный суд виноват не больше, чем любой другой суд. Это явление такое.

У нас все свое и все непросто. Закон у нас не закон, а диктатура закона. Демократия суверенная. Ну а правосудие — «Басманное».

Топонимика такая. Калашный ряд.

Тюркское слово «басман» означает «казенный хлеб». Но у «Басманного правосудия» не хлебный дух. Здесь Русью пахнет, казенной, посконной, с невыветрившимся ароматом татаро-монгольского ига.

Нигде так ярко не проявило себя «Басманное правосудие», как в деле Ходорковского. И ничто так не содействовало вхождению этого ярлыка в обиход, как это дело.

ВЛАСТЬ ЕСТЬ СОБСТВЕННОСТЬ

«Вниманию всех желающих отправить посылку М. Ходорковскому!

Друзья! Убедительная просьба не посылать Михаилу Борисовичу посылки и бандеролей!

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ, «осужденным к лишению свободы в исправительных колониях общего режима разрешается получать шесть посылок или передач и шесть бандеролей в течение года» (ст. 121, п. 1)... Таким образом, количество предметов, которые разрешается передать М. Ходорковскому в течение года, строго ограничено по весу. Получив от вас посылку или бандероль, он лишится возможности получить передачу от родных, в которой будет, например, так необходимая в условиях Сибири теплая одежда (а уже в конце ноября температура в Краснокаменске составляет минус 31 градус по Цельсию).

Если вы хотите отправить какие-то продукты, вы их можете послать не лично М. Ходорковскому, а на адрес колонии с пометкой «гуманитарная помощь». А если вы хотите послать Михаилу Борисовичу книги — адресуйте их, пожалуйста, в библиотеку колонии. Поскольку, как говорят адвокаты, М. Ходорковский там единственный посетитель, он ее там увидит. Просьба при этом не ставить на книгу никаких дарственных надписей — иначе

она будет расценена как личная посылка, и вес этой книги тоже будет вычитаться из общего веса разрешенных передач.

Убедительно просим вас отнестись с пониманием к нашему обращению!»

Это обращение опубликовано на последней странице брошюры Михаила Ходорковского «Левый поворот-2».

«Левый поворот» — удивительное кредо для олигарха и миллиардера, неожиданный поворот в мировоззрении самого богатого человека России.

Впрочем, автор «Левого поворота» уже не олигарх и не миллиардер, а узник Краснокаменской колонии далеко в Сибири. Более резкий поворот судьбы трудно представить. Что он означает — торжество справедливости или высший произвол? И кто он на самом деле, Михаил Ходорковский, — репрессированный экономический гений или особо тяжкий преступник?

Словно вернулись манихейские времена. В российском обществе на арест в стиле шоу хозяина ЮКОСа и открывшийся над ним столь же показательный процесс в ходу обе точки зрения — едва ли не в равной пропорции. Правда, манихейская логика отличается не только контрастностью — черное или белое, ангел или дьявол, но и завидной простотой. А тут реальность раздваивается многократно.

Процессов не один, а два. В первом процессе Мещанский суд г. Москвы приговорил Ходорковского к 9 годам тюремного режима. Кассационным определением Московского городского суда от 22 сентября 2005 года срок был снижен до 8 лет. По закону после того как он отсидел более пяти лет, его могли отпустить условно-досрочно. Но его не отпустили — не освоил-де в колонии мастерство швей-мотористки. Напротив, возбудили второй процесс с новыми обвинениями, который грозил ему еще двадцатью годами заключения.

Вердикт Мещанского суда: ЮКОС виновен в недоплате налогов на немислимую сумму в 30 миллиардов долларов.

Обвинение, выдвинутое на втором процессе, проходившем в Хамовническом суде, еще оригинальной и масштабней. Ходорковский, Лебедев и организованная преступная группа украли всю добытую юкосовскими компаниями нефть на сумму в 45 миллиардов долларов.

До сих пор речь шла о юридическом процессе (можно сказать, в двух актах). Но ведь параллельно все это время идет суд общественного мнения. Там не только аргументы защиты, но и сами обвинения звучат совсем по-иному. И таких судов тоже как минимум два. У них разная, чтобы не сказать противоположная, повестка, не говоря уже о составе «присяжных заседателей». Один суд поддерживает справедливую карающую руку государства. Он явно организуется сверху, но он популярен и внизу. Второй — протестный, разоблачительный.

Своими действиями государство уничтожило лучшую компанию России с капитализацией в 40 миллиардов долларов, второго крупнейшего налогоплательщика в стране. Таков вкратце вердикт оппозиционной общественности. «Басманное правосудие» — по имени суда, который безотказно санкционировал следственно-прокурорский произвол, — вошло в язык, как «шемякин суд».

Одни и те же события и факты предстают совершенно в разном свете на разных процессах. Прислушаемся к аргументации каждой из сторон. Ярким примером раздвоения общественного сознания могут послужить два журналистских расследования: Владимир Перекрест («Известия»), «За что сидит Михаил Ходорковский» (разоблачительное произведение) — и Валерий Панюшкин, «Михаил Ходорковский. Узник тишины»

(произведение апологетическое). К цитатам из обеих книг я буду время от времени прибегать.

Легальное обвинение № 1 – налоги. То, что ЮКОС уклонялся от налогов, никем не оспаривается. Разница в том, что обвинение называет это воровством, а защита -минимизацией, в крайнем случае использованием дыр в законодательстве, что тоже неподсудно.

В книге Панюшкина это описывается так:

«...ЮКОС создавал посреднические компании в закрытых городах, где действовали налоговые льготы. Города эти назывались закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО). Посредническими компаниям, зарегистрированным в ЗАТО, ЮКОС продавал нефть на 20 % ниже рыночной цены, а посреднические компании потом продавали нефть по рыночной цене. Таким образом ЮКОС освобождал от налогов 20 % своих прибылей... Так утверждает прокуратура, и суд с прокуратурой соглашается. Защита же утверждает, что такой способ платить меньше налогов был тогда абсолютно законным. Все нефтяники продавали и продолжают продавать свою нефть через посреднические компании, освобожденные от налогов».

ЗАТО, подчеркивается, было абсолютно законным способом минимизировать налоги. Другим способом были инвалиды. Если в компании работают (или числятся) инвалиды, то налоги можно сократить еще на 10 %. Ходорковский – в отличие от конкурентов – этим трюком не пользовался. ЮКОС, можно сказать, еще вел себя «по-божески».

И еще один существенный аргумент приводит апологетический автор: «В конце девяностых годов налоги нельзя было заплатить полностью, не обанкротив компанию, хоть частную, хоть государственную, неважно. Налоги, если платить их целиком, составляли больше ста процентов оборота...»

Он описывает весьма парадоксальную сцену:

«Говорят, году в 1998-м Ходорковский ездил даже на совещание в министерство по налогам и сборам и показывал тогдашнему главе налоговой службы Букаеву, как именно и сколько именно денег уводит от налогов.

И так потом рассказывал об этом на совещании:

— Мы ему (Букаеву) показали, что деньги не по карманам тырим, а вкладываем в модернизацию нефтеперерабатывающих заводов, что модернизация заводов — это три-пять лет и миллионы долларов, но модернизировать заводы все равно надо, потому что по качеству бензина мы отстаем от Европы лет на двадцать.

Другой пункт легального обвинения — история мурманского предприятия «Апатит», крупнейшего производителя сырья для фосфатных удобрений. Согласно прокуратуре и суду, МЕНАТЕП в ходе инвестиционного конкурса, на который были выставлены принадлежащие государству 20 % ОАО «Апатит», обманным образом завладел ими, а потом преступным образом удерживал, не отдавая их государству. (Именно за «Апатит» оказался в тюрьме соратник Ходорковского Платон Лебедев.)

В этой истории действительно немало шокирующих подробностей. К примеру, по условиям инвестиционного конкурса, приобретатель должен был внести крупную сумму денег на счет предприятия. В нужный момент из МЕНАТЕПа перевод ушел, и соответствующая платежка была предъявлена. Однако когда все формальности были закончены, тот же платеж совершил обратный путь — со счета предприятия в банк... Тем не менее, обвиняемая сторона утверждает, что она выполнила свои инвестиционные обязательства — не по форме, а по существу. При участии МЕНАТЕПа предприятие вышло из простоя и успешно работало. Все необходимые

программы, включая социальные, исправно финансировались и были осуществлены.

История «Апатита» — это история-перевертыш. В том числе поэтому это — модельная история.

После тяжбы была заключена мировая, скрепленная решением суда. ЮКОС заплатил в казну назначенные отступные в 15 миллионов долларов. Конец — делу венец? Ничего подобного. Несколько лет спустя следствие, открытое против Ходорковского, обнаружило, что эта сумма якобы была занижена... благодаря сговору менатеповских руководителей с тогдашним руководителем РФФИ Владимиром Малиным. Уже после того как Ходорковский с Лебедевым были осуждены, самого Малина судили и приговорили к 4 годам условно.

В этой истории можно сделать разные акценты. Единственный вывод, который не подлежит сомнению, заключается в том, что решающим на каждом этапе является то, что называется «административным ресурсом». Показательность этой истории в том и заключается, что в ней «административный ресурс» гуляет, он то на одной стороне, то на другой. Пока он на его стороне, Ходорковский (или кто угодно) непобедим, и все его действия правомерны. Но горе ему (и кому угодно), если «административный ресурс» окажется против.

Вообще-то обвинение в хищении 20 % ОАО «Апатит», предъявленное Ходорковскому в реальном — Мещанском — суде, на удивление мелкий счет. На общественном суде олигарха и миллиардера обвиняют в куда большем преступлении — в том, что он завладел нефтяными недрами страны. Что фактически и подхватила прокуратура на втором процессе, выдвинув пародийный тезис: Ходорковский и компания (физические лица, лично) украли всю добытую (их компаниями) нефть.

В разоблачительном расследовании Перекреста это формулируется так:

«В итоге 45 % акций ЮКОСа досталось представляющей МЕНАТЕП подставной фирме за 159 млн. долларов – всего на 9 млн. долларов больше стартовой цены. Дальше МЕНАТЕП поступил с ЮКОСом как питон, неторопливо натягивающий свое тело на жертву. К первоначальному 45 % акций добавились еще 33%, полученные по инвестиционным торгам. Потом последовала дополнительная эмиссия акций, которая еще больше уменьшила долю государства в компании. К осени 1996 года МЕНАТЕП владел уже 90 % акций ЮКОСа».

Не уверен, что сравнение с питоном помогает восприятию социально-экономического смысла приватизации нефтяной индустрии в том виде, в каком она состоялась, но почему же «питон» действовал «неторопливо»? Поглощение ЮКОСа было весьма стремительным.

В апологетическом произведении Панюшкина приводятся другие цифры. «На залоговом аукционе Ходорковский приобрел 45 % компании ЮКОС за 250 миллионов долларов. Плюс к тому признал и выплатил 3,5 миллиарда долгов компании ЮКОС. То есть фактически купил меньше половины компании почти за 4 миллиарда».

Много это или мало? И сколько реально стоила в 1995 году эта нефтяная компания? Что она собой представляла в ту критическую пору?

«До прихода Ходорковского компания ЮКОС не выплачивала рабочим зарплату полгода, просроченная кредиторская задолженность составляла 3 миллиарда долларов. ЮКОС работал только в 9 регионах страны, добывая 40 миллионов тонн нефти в год, и добыча нефти снижалась». Себестоимость была порядка 13 долларов за баррель...

Это из апологетического произведения Панюшкина. Но и в разоблачительном произведении Перекреста признается:

«При очевидном высочайшем потенциале этой компании... на момент приобретения от нее было больше головной боли, чем прибыли».

Так было, и по логике вещей теперь надо сравнить с тем, что стало.

«Н 2003 году себестоимость барреля нефти, добываемой в компании ЮКОС, была доведена до 1,57 доллара, то есть сокращена в восемь раз... Зарплату рабочим платили регулярно: 7 тысяч рублей в месяц в Европейской России и 30 тысяч рублей — в Сибири. Тогда это были значительные деньги. Компания работала в 50 российских регионах... Компания добывала 86 миллионов тонн нефти в год и была вторым после «Газпрома» налогоплательщиком страны... В ЮКОСе... добыча росла вдвое быстрее, чем по отрасли».

Это из книги Панюшкина.

Известный экономист Евгений Ясин тоже приводит аргумент в пользу Ходорковского, но уже от противоположного. Он свидетельствует, что после того как ЮКОС был поглощен «Роснефтью», его производственные показатели ухудшились.

В Мещанском суде шел странный процесс. Прокуратура упорно и топорно подсчитывала налоги, которые можно было бы вменить ЮКОСу, набирая явно заданную цифру. Команда из очень хороших адвокатов отбивалась по пунктам ссылками на путаницу в законах и повсеместную практику. Суд пропускал мимо ушей доводы адвокатов и соглашался с прокурорами. Страна напряженно следила за этим процессом и не верила ни единому слову. Никто не мог поверить, что дело в каких-то налогах или конкретных нарушениях. Дело в политике, а не в экономике, в этом сходились все — и эксперты, и обыватели, что бы и кто бы ни понимал под политикой.

Не сразу, но Ходорковскому был предъявлен политический счет. Сначала это делалось полупрошестом, как бы доверительно, «для своих», потом в полный голос, в прессе — на публику. В самом общем виде он именно так и звучал: олигарх полез в политику.

Попробую перечислить конкретные пункты обвинения.

— Он субсидировал партии, прежде всего правые, но не только. В конечном счете депутаты от разных фракций, подпитываемые деньгами ЮКОСа, могли составить в Думе «фракцию ЮКОСа». То есть он хотел завладеть Думой!

— Он занимался благотворительностью с далеко идущими видами. К примеру, под Москвой он создал интернат «Коралово», которым руководил его отец, для сирот, чьи отцы погибли в Афганистане, Чечне и других войнах. Он создал благотворительный фонд «Открытая Россия», который проводил Интернет в школы, устанавливал модульные библиотеки, обучал учителей компьютерному делу... То есть он хотел сформировать будущее поколение под себя!

В моем изложении это невольно звучит гротескно. Поэтому я лучше процитирую разоблачительные тексты Перекреста:

«Открытая Россия» — это не что иное, как прообраз партии Ходорковского»...

«Если в Думе-99 было, по некоторым оценкам, около 100 подконтрольных ЮКОСу депутатов, то в 2003 году их число обещало быть намного больше. Во всяком случае, как говорили близкие к Кремлю источники, президенту доложили, что ЮКОСу «присягнули на верность» ровно 226 депутатов — количество, необходимое для обеспечения простого большинства»...

С учетом того, что многие юкосовские кандидаты планировали занять ключевые посты в комитетах и фракциях и, следовательно, получали рычаги влияния на депутатскую паству, у Ходорковского в кармане

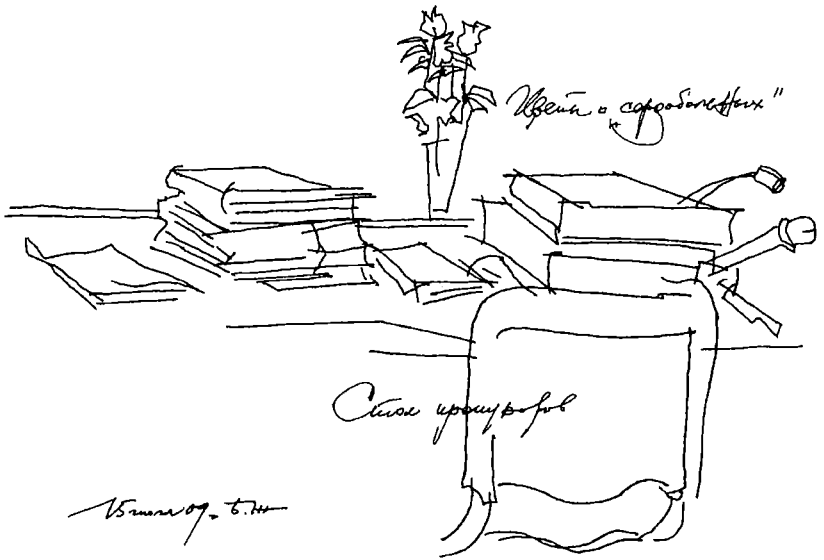
могло оказаться не только простое, но и конституционное большинство (300 голосов), необходимое для инициирования изменений в Конституции».

Заговор против Конституции — не меньше. Вот оно в чем дело! Перекрест красочно описывает конкретные очертания «заговора Ходорковского»:

«Вспомним: Ходорковский заявлял, что в 45 лет он намеревается уйти из бизнеса, и четко давал понять, что уходить он собирается в политику. 45 ему исполнялось 26 июня 2008 года — именно к этому времени он планировал переход в новое качество. А к выборам-2008 двенадцатилетние подростки, на кого была рассчитана программа «Открытая Россия», уже получили бы право голоса. Так что не нужно быть отличником матшколы, чтобы, сопоставив эти данные, догадаться, под кого именно намечалось формировать «демократическое» мировоззрение молодежи. Однако события, как известно, пошли совсем другим путем».

Не нужно быть отличником матшколы, чтобы подсчитать по головам этих продвинутых подростков и сообразить, какую долю в электорате России они могли занять. Безответственная журналистика? Гораздо хуже. Прежде чем попасть в книжку, все это печаталось из номера в номер в «Известиях», а эта газета с некоторых пор специализируется на том, что по-школярски транслирует в общество «месседжи», ласкающие слух президентской администрации.

В мае 2003 года Совет по национальной стратегии, обслуживавший «силовики» think tank, вбросил в бурлящее общественное мнение доклад под зловещим названием «В России готовится олигархический переворот». «В последнее время многие наблюдатели сходятся во мнении о предстоящей политической карьере Ходорковского», — говорилось в нем. Схема переворота самая. На ближайших выборах Ходорковский про-

Мусенин
попытки

водит в Думу своих людей по спискам «Яблока», СПС, коммунистов и «Единой России», а потом верные Ходорковскому депутаты изменяют Конституцию, передадут полномочия президента премьер-министру и назначат премьер-министром Ходорковского...

Некоторое расхождение не должно смущать. Ну да, в реальном Мещанском суде Ходорковского судили за налоги, а на суде общественного мнения из него лепили заговорщика и политического врага нации. Но такова давняя традиция этой страны: политическое двуличие как норма языка, правда вычитывается только между строк, одни ее скрывают, другие могут выразить лишь эзоповым языком...

В какой-то момент один из помощников президента (кажется, это был интеллигентный Игорь Шувалов) публично «признался»: да, в процессе Ходорковского есть некоторая политическая составляющая. Жесткий приговор вынесен в назидание всем предпринимателям — платите честно налоги... Характерно, что это «признание» было сделано перед западными корреспондентами. Это была версия на Запад — там этот аргумент должен был сработать. Но для родного общественного мнения довод не годится — слишком тонок. Тут в самый раз подойдет «известинский» автор, который рубит сплеча:

«Опасность покупки государственной власти за деньги, считавшаяся чисто теоретической, начала обретать вполне реальные черты».

«Создав «Открытую Россию», Ходорковский совершил то, о чем прежде никто и не додумывался: нарушил монополию государства на массовое формирование идеологии».

Вообще-то монополия на массовое формирование идеологии — зрta тоталитарного государства, фашистского или коммунистического. Но кого волнуют такие нюансы, когда Отечество в опасности! Вот как звучит в

изложении Перекреста полное политическое обвинение Ходорковского:

«Скупка» депутатских мандатов, претензии на формирование идеологии, очевидный, надо полагать, замысел взять под контроль правительство, а возможно и попытаться изменить существующий конституционный строй, пусть не прямо тогда, а через несколько лет, — все это не могло выглядеть иначе, как вызов. Не просто личный вызов Ходорковского Путину, а вызов сомнительно разбогатевшего магната всенародно избранному президенту».

К теории заговора добавлен первородный грех — коктейль убийственный, публику валит наповал. Поговорим о первородном грехе новорусского капитализма. К этой теме Михаил Ходорковский точно причастен.

Кто бы ни был Михаил Ходорковский — репрессированный экономический гений или особо тяжкий преступник, начинал он образцовым советским студентом. Учился в Московском химико-технологическом институте, интересовался экономикой — так, как можно было в ту пору: участвовал в олимпиадах в составе команды МХТИ, заработавшей немало призов. Был комсомольским вожаком. Институт закончил в 1986 году. Очень вовремя. В этом году Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев объявил перестройку.

Дальше корреляция того, что происходило в жизни личности и в жизни страны, будет на удивление тесной.

В 1986–1987 гг. в СССР приоткрылась форточка в наглухо задраенный до того мир частнохозяйственной деятельности, появились первые кооперативы. И в 1987 году Миша Ходорковский зарегистрировал свою первую структуру. Она называлась — центр «Межотраслевые научно-технические программы». Центр со столь социально значимым названием — ни намек на частный интерес — был зарегистрирован при Фрунзенском рай-

номе комсомола (сам Миша к этому моменту занимал пост заместителя секретаря Фрунзенского райкома комсомола) на пару с первым секретарем.

Позже это стало называться «крыша». «Крышеванием» занялись на конкурентной основе бандиты, милиция, силовики разных мастей... А в то стерильное позднекоммунистическое время «крыша» нужна была «идеологическая», чтобы не быть обвиненным в измене коммунистическим идеалам, в спекуляции и наживе, что было по определению уголовным преступлением. В данном случае «крышей» стал Ленинский комсомол, данная частная инициатива укладывалась в санкционированную сверху программу НТТМ — научно-технического творчества молодежи. Что имело отнюдь не только идеологический смысл.

Экономический смысл этой затеи был очень конкретен.

В народном хозяйстве СССР царствовал план и условные деньги — так называемый безнал. Планы были подробные, жестко регламентировались все статьи затрат, их нельзя было нарушать. Беда, однако, в том, что и выполнить их было невозможно, на безналичные деньги в реальности ничего нельзя было купить. Купить можно было за наличные деньги, которых у предприятий не было. Как обменять безналичные деньги на наличные? Это была главная головоломка для советских хозяйственников любого ранга, многие из них сломали себе голову на этом в буквальном смысле слова. А тут вдруг молодежным предприятиям типа того, что зарегистрировал Ходорковский, открыли счета и разрешили сделки с оплатой живыми деньгами. И нужно было только грамотно составить договор (чаще всего символический, «липовый») о сотрудничестве — естественно, научно-техническом, и безнал конвертировался в нал в очень разумной пропорции. Это было открытие сродни алхимии, оно приносило чистое золото.

Центр «Межотраслевые научно-технические программы» — выверенная формула для начальства, но как название для фирмы не годится — тяжело и неуклюже. Гораздо лучше, скажем, МЕНАТЕП. На самом деле МЕНАТЕП — это аббревиатура «Межотраслевых научно-технических программ». Так начинал будущий гигант. А вот несколько самых первых идей, которые родились в предприимчивой голове раннего Ходорковского и его столь же молодых соратников. (Цитирую по апологетической книге Валерия Панюшкина.)

«Идея первая — «Завтрак в дорогу». Если купить булочку за три копейки, кусок колбасы за три копейки, плавленый сырок за пять копеек, за две копейки помидор и за копейку бумажный пакет, то потратишь четырнадцать копеек. А если сложить булочку, колбасу, сыр и помидор в бумажный пакет, то это можно продавать на вокзале за пятьдесят копеек. Прибыль втрое.

Вторая идея называлась «Варенка». Тогда в моду вошли «вареные» джинсы. Можно было купить в магазине рабочей одежды отвратительно сшитые из дурного денима советские рабочие штаны, прополоскать их в ванне с камешками и специальным раствором (химиики же, химики!) — и продавать втрое дороже»...

Не спешите улыбаться...

«Третья идея называлась «Польская водка и армянский коньяк». Водка тогда в Советском Союзе была по талонам или втридорога на черном рынке. И наши герои завозили в Москву польскую водку и армянский коньяк.

Четвертая идея называется «Компьютеры», и вот уж эта идея принесла Михаилу Ходорковскому такие деньги, что даже и цифр таких не знал в Советском Союзе никто, кроме математиков. Во-первых, Госплан ошибся, посчитав, что электронные вычислительные машины народному хозяйству нужны большие и мощные. На самом-то деле выяснилось, что они нужны

маленькие и персональные. Во-вторых, спецслужбы, которые тшили с целью предотвращения самиздата учесть в стране каждую пишущую машинку, поскольку на компьютере можно было распространять диссидентскую литературу, и в результате компьютеров в стране не было. И ввозить их большими партиями запрещалось, а разрешалось только ввозить один компьютер для себя. Ну так надо создать большую сеть людей, едзящих за границу, или нарочно ездить за границу и каждый раз привозить компьютер. Прибыль 3000 %. А когда еще немного оттаял режим и разрешили ввозить компьютеры грузовиками, у Ходорковского уже западные партнеры образовались, и уже был налажен сбыт внутри Союза, и программисты были свои, и клавиатуры русифицированные, и программы на русском языке, и он обошел конкурентов.

Пятая идея называлась «Банк». Ходорковский начал строить частный банк еще до того, как был принят закон, разрешающий открывать частные банки. И к тому времени, когда закон был принят, банк уже фактически существовал...»

В 1991 году в Москве зарегистрировали Клуб молодых миллионеров, и Михаил Ходорковский со товарищи заняли законные места в нем. Ранее такой клуб мог быть зарегистрирован только при Бутырской тюрьме. Стране был известен один-единственный миллионер — Кореико, герой сатирического романа Ильфа и Петрова, но он был «подпольный», жил жизнью скромного совслужащего, стараясь ничем не выказать своего богатства, дрожал и ждал ареста.

На самом деле перед нами этапы первоначального накопления капитала. Путь от «Завтрака туриста» до своего банка — как от Земли до Луны. Он был проделан начинающими капиталистами в считанные месяцы и годы. Одаренные молодцы? Безусловно. Но это и время понеслось вскачь. Страна, как гоголевская птица-трой-

на, рванула, полетела сломя голову в новое и абсолютно не известное состояние. Из позднесоветского в новорусское общество. Из мертвенного коммунизма, где нет ничего и все запрещено, в капитализм, в потребительское общество, в вольницу частной инициативы — по полному бездорожью. Большинство еще даже ничего не поняло, кроме того, что наступают перемены, а эти уже почуяли нутром и включились со всем азартом в новую игру.

Как и какие платились с этой деятельности налоги?

Хороший вопрос. Он мог родиться только за границей. В России в ответ спросили бы: а по каким законам платить налоги? Таких законов в СССР просто не было. И как и где регистрировать эту полулегальную деятельность — в КГБ?

Валерий Панюшкин цитирует мать Ходорковского:

«Я спросила его, когда только он начал заниматься бизнесом, — вздыхает Марина Филипповна, — тебя не посадят? А он ответил, нет, дескать, времена изменились. Я с того самого времени как Миша стал заниматься бизнесом, каждый день встаю утром и первым делом включаю радио. И слушаю целый день, не случилось ли чего с Мишей...»

На самом деле акции Михаила Ходорковского растут. В переносном смысле слова. В 1990 году он становится советником премьер-министра РСФСР Ивана Силаева. В 1993 — замминистра Минтопэнерго.

Зачем ему это? Затем же, зачем раньше он активничал в комсомоле. В этой стране таков классический путь к успеху — в любой сфере деятельности, в том числе в такой совершенно новой, как бизнес и частное предпринимательство.

В прямом смысле акции растут тоже. Цитирую по разоблачительной книге Владимира Перекреста:

«Как только разрешили приватизацию, Ходорковский начал без разбора скупать акции различных

предприятий. Никакой системы не было: покупались заводы по производству минеральных удобрений в Воскресенске и печально знаменитый «Апатит». Приобретались металлургические предприятия — завод по производству чистовой меди Уралэлектромедь, Среднеуральский и Кировоградский медеплавильные заводы, Красноярский металлургический, Волжский трубный. И даже крупнейший в России производитель титановой губки АО «Ависма». А еще текстиль, лес, пищевая промышленность — в общем, целый гипермаркет».

Но почему этот «гипермаркет» достался именно Ходорковскому? Как вообще продавались предприятия?

В подавляющем большинстве — на инвестиционных торгах. Это означает, что часть (меньшая) платежей была реальной, а большая была виртуальной: то, что покупатель лишь обязывался инвестировать в развитие предприятия. По сути это был конкурс обещаний. Обещания можно было не выполнять. Это было совсем не сложно.

Во-первых, инвестиционная программа всегда была долгосрочной — скажем, на десять лет. Так что отчет как бы относился в отдаленное будущее, а все это время новый владелец был волен делать с предприятием все что угодно, включая самые решительные трансакции.

А во-вторых, кто должен был контролировать соблюдение инвестиционных обязательств? Чиновник. А чиновничье зрение так уж устроено, что он может и не заметить нарушений — при определенных обстоятельствах. И у него есть начальник, который в любой момент может приказать своему подчиненному сосредоточиться на других делах... Чиновничья вертикаль в России традиционно подчиняется начальству, а не закону.

Приватизация оказалась в руках у чиновничьего аппарата. Абы кто в конкурсах победить не имел ни

малейшего шанса. Тендеры составлялись под конкретного победителя, который определялся заранее. Одна из технологий выглядела так. Для участия в тендере регистрировались, скажем, три фирмы — А, Б и В. А предлагала за приватизируемый объект, скажем, 10 миллионов, Б — 5, а В и вовсе 1. Побеждала, естественно, фирма А. Правда, в последний момент А почему-то отказывалась от своего приза — юридически ничто не мешало ей это сделать. Следом выходила из игры Б. И приз падал в руки В, естественно, не за 10 миллионов, а за 1. Тонкость, не известная широкой публике, заключалась в том, что все три фирмы принадлежали одному и тому же собственнику БП — назовем его так — Будущему Победителю. Других претендентов отрезали от конкурса еще на предварительных стадиях.

Нетрудно представить, что вы подумаете о владельцах МЕНАТЕПа, если я скажу, что данная схема была использована ими при приобретении «Апатита». А что вы подумаете, если я добавлю, что это вообще типовая схема, ею пользовались все анулы новорусского бизнеса — большие и малые?

Не то чтобы тут вовсе не было конкуренции. Конкуренция была, и порой острейшая. Но она протекала совсем в иных формах — это была конкуренция «административных ресурсов». «Апатит» — как раз такой случай. Конкурентом Ходорковского и Лебедева в битве за «Апатит» был видный предприниматель Вячеслав Кантор, недаром он осенен титулом сенатора. Эту битву не на жизнь, а на смерть разоблачитель Ходорковского Перекрест описывает так: «Владелец комбината по производству минеральных удобрений «Акрон» Вячеслав Кантор мобилизовал четырех губернаторов на войну против Ходорковского и Лебедева, которые владели комбинатом «Апатит» в Мурманске. «Апатит» поставлял сырье Кантору на «Акрон». Но по

дорогой цене. И Кантору это не нравилось. Он хотел отвоевать у Лебедева с Ходорковским «Апатит». Он обвинил Лебедева в мошенничестве с акциями мурманского «Апатита»...

Другое дело, что в рукаве у могущественного олигарха были козыри посильней четырех губернаторов, так что до поры эти обвинения отлетали от его брони, как мелкая дробь. Но когда у него объявились противники повыше, старое обвинение пришлось очень кстати.

Владельцы МЕНАТЕПа не отличались от других акул новорусского бизнеса. И это чистая правда. Но не вся правда.

Подобные технологии возможны только при покровительстве и прямом соучастии властной бюрократии. И если подходить «реалистично», то есть признать, что законом является не закон, которого к тому же просто нет, а бюрократический порядок и «освященный» сверху обычай, то эту деятельность придется считать «нормальной». Именно такие нормы и были установлены в ту пору.

Главная схема, перед которой бледнеют все остальные, называлась «залоговые аукционы». Считается, что идея принадлежит олигарху Владимиру Потанину, одно время (и с немалой пользой для своего банка) занимавшего пост вице-преьера российского правительства. Правительство остро нуждалось в средствах. И российские банки дали средства, кстати, совсем небольшие — 2 миллиарда долларов, но под залог, которым стали акции очень интересных компаний России. Очень простая идея. Правда, потом выяснилось, что в казне нет лишних денег, и залог не выкупался. Никогда! В итоге компании переходили в частные руки.

Эlegantная схема приватизации, особенно если учесть, что Дума прямо запретила приватизацию нефтянки. И у нее был политический подтекст, который был важнее любого текста.

В 1996 году в России прошли президентские выборы. Больной, растративший всю свою былую популярность Ельцин (рейтинг популярности — 4 процента против 35 у его главного соперника коммуниста Зюганова) баллотировался на второй срок и, несмотря даже на инфаркт на финише, победил. Принято считать, что эту победу ему организовала крошечная группка олигархов, по крайней мере, так она себя подавала. Так что «залоговые аукционы» стали способом расплаты. С царской щедростью, как это водится в России, фаворитов одарили лучшими российскими угодьями.

Если вам не нравится традиционалистская версия, можно привести модернистскую. Идеолог молодой российской демократии и практик «залоговых аукционов» Анатолий Чубайс был озабочен угрозой коммунистического реванша. Ну да, на последних выборах ее удалось отразить, но он-то, возглавлявший избирательный штаб Ельцина, знал, какой это досталось ценой. Нет, единственной гарантией того, что коммунизм не вернется, может быть только создание настоящего капиталистического класса. При этом положиться на естественный ход истории невозможно. Некогда. Процесс нужно брать в свои руки. Вот его и взяли — таким специфическим образом. Самую большую собственность — недра — разделили в очень узком кругу по символической цене.

Действительно ли Чубайс верил в то, что говорил, или это была лишь версия для демократической ответственности? Очень скоро самому Чубайсу пришлось убедиться в том, что его глубокие социологические расчеты дают сбой. Как только правительство «младореформаторов» решило заменить нелегальный «залоговый аукцион» на реальный тендер, зачатый в пробирке «капиталистический класс» счел это отступничеством. Нарушители конвенции с Чубайсом во главе с позором были отправлены в отставку.

Эпоха первоначального накопления нигде — ни в Европе, ни в Америке — не отличалась особой эстетичностью. Но золотая лихорадка в России, бурно стартовавшая с таким опозданием в 90-е годы прошлого века, не имела себе равных ни по тому, что стояло на кону, ни по разбуженным в одночасье страстям и инстинктам. Богатством, которое подлежало разделу, были не просто дальние рубежи и неведомые прииски, это было в буквальном смысле «наше все» — все богатства страны.

И правил у этой игры не было.

Еще вчера частной собственности в стране рабочих и крестьян не было как таковой. Все, что имело отношение к производству, бессмысленно называлось «общенародной» собственностью. А назавтра эта ничейная собственность уже должна была обрести хозяев во плоти и крови — вот и полилась кровь. Таких масштабов и такой скорости трансформации бытия мир не знал. Плюс и минус поменялись местами. Гордо провозгласили институт «священной частной собственности», однако создавать его нужно было с нуля на том месте, где еще вчера за само это понятие арестовывали, а позавчера расстреливали.

После семидесяти лет коммунистического бесхоза и антиразвития площадна для реформации являла собой выжженное поле. И очень дикое поле, ибо не было ни законов, ни традиций, ни этики, без которых капитализм мало отличим от бандитизма.

Таков был генезис нового русского капитализма. Лихой, необузданный, хуже, чем криминальный, он действовал как бы вне любых законов. Кроме одного — необъявленного, но самого главного.

С момента зачатия нарождающийся новорусский капитализм был бюрократический капитализм. Секрет успеха заключался в расположении начальства, в руках которого находились ключи к богатствам страны, даже если оно не знало им цены. Состояния создавались

или могли быть разрушены в одночасье, по мановению административной руки. И что не менее важно, эта видимая рука администрации действовала абсолютно произвольно. Она не нарушала никаких правил, потому что сама их устанавливала. Она сама себе и была закон.

«Золотая лихорадка» по-русски вылилась в большую раздачу: приватизация была только по видимости продажа, а фактически раздача. Глубинным основанием для этого было то, что в стране просто не существовало таких капиталов, а продавать Родину иностранцам — непатриотично.

В этих условиях и родились миллиардные состояния и олигархический феномен Березовского, Гусинского, Потанина, Абрамовича, Алекперова, Фридмана — Авена, Дерипаски, Батуриной...

Феномен Ходорковского изначально той же олигархической природы.

Он свой в коридорах власти, в ельцинском окружении. Это видно по тому, что МЕНАТЕП становится уполномоченным банком компании «Росвооружение» и правительства Москвы — а это гарантированные денежные потоки. МЕНАТЕП гордо провозглашает себя «частным банком с государственным менталитетом» — неплохой слоган в падной на всякие идеологические кунштюки среде. Впрочем, для того, кто живет на государственную ренту, звучит вполне естественно. И, между прочим, в ту пору он делает все, чтобы не допустить прихода в Россию западных банков. Что тоже естественно — кому нужны заведомо более мощные конкуренты!

Когда прогремел гонг крупной приватизации, включая «залоговые аукционы», Ходорковский находился там где надо — в самом узком избранном круге БП, заранее назначенных Будущих Победителей.

Именно так Ходорковскому достался ЮКОС.

Такая же история, как все остальные. Но чуть-чуть другая. Распоряжение ЮКОСом было, по видимости, более умелым, во всяком случае, более результативным, чем у конкурентов.

Первое, что было сделано, — это отжали от компании бандитов. Прежний ЮКОС контролировала чеченская мафия и структуры известного криминального «авторитета» Отара Квантришвили. С некоторых пор они исчезли. Как это удалось? Боюсь, что всех подробностей того, что проходило при родовых схватках новорусского капитализма, лучше не знать. Мощная служба безопасности, которая появилась при ЮКОСе (как и при всех остальных крупных компаниях) и которой руководили выходцы из КГБ (тоже общее правило), никогда не раскрывала своих секретов...

Ходорковский занялся организацией производственных процессов, взяв за образец мировой опыт. Использовал современные технологии бурения и добычи, активно приглашал американских, французских, канадских специалистов. А в 2000 году и цены на нефть резко полезли вверх...

К приходу Путина капитализация компании бьет все рекорды, а у Ходорковского репутация самого успешного и богатого человека России. Он вводит в компании отчетность по мировым стандартам. Он меценат, политический спонсор, всегда на виду. Любит выступать на темы о будущем России: что нужно сделать, чтобы оно было не хуже, чем на Западе...

И он вынашивает грандиозные проекты. К примеру, строительство гигантского нефтепровода Ангарск — Дацин, по которому можно было бы прокачивать 20–30 миллионов тонн юкосовской нефти в ненасытное чрево китайского индустриального развития. Очень дерзкий проект. Девяносто три процента нефтепроводов в России принадлежат компании «Транснефть», а «Транснефть» принадлежит государству. А это возможность

А самое малое -
интервью. Не должен
воинский бы в казарме хоть
сказать флюиды человеческие
от флюидов с арестант -
Рыш... от не дажен
соответствовать заме-
самым, снейтой
покаль-словам,
правильно
свой темперекан
свободна.
И Перзот.

G. M. G.

чиновникам управлять доступом к экспортной трубе, манипулировать нефтяными доходами, давая или отнимая квоты. Как принято говорить, своим дерзким проектом Ходорковский посягнул на «монополию государства».

(Пока Ходорковский будет сидеть в тюрьме, строительством нефтепровода займется «Транснефть». Так что задним числом можно сделать кое-какие сравнения. Свой проект Ходорковский планировал реализовать за 5,6 миллиарда долларов и, естественно, на деньги ЮКОСа. В государственном исполнении он обойдется в пять раз дороже, и пусть налогоплательщик платит. А еще под это дело Сечин выпросит у китайцев кредит в 25 миллиардов долларов с обязательством России в течение ряда лет продавать Китаю нефть по фиксированной цене порядка 20 долларов за баррель — тоже редкостно удачная операция. Для кого персонально она так удачна, станет известно только после того, как сменится этот режим строгой экономии.)

Но вернемся в 2003 год. Ходорковский — автор самой сенсационной новости экономического мира: ЮКОС объединился с «Сибнефтью», превратившись в крупнейшую нефтяную компанию России. А во всех углах шепчутся, что это только начало, подготовка к главной трансакции — продаже одному из мировых нефтяных грандов.

Ничему из этих грандиозных планов не суждено сбыться. Вместо них был суд. Или, точнее, суд был способом разрушить эти планы.

Понимал ли Ходорковский, что ему угрожает? Правильный ответ — должен был понимать.

Все сходятся в том, что у Путина Ходорковский вызывал отторжение — всё, вплоть до водолазки, в которой тот приходил на встречи с президентом. И это при том что фирменный прием Путина — оболь-

щение любого собеседника (некоторые связывают это с профессиональной школой вербовки, которую он прошел).

Все аналитики и хроникеры называют час «4» этой истории — встречу в Кремле 19 февраля 2003 года.

Традицию посиделок с олигархами завел Ельцин. У них выработался свой ритуал, вплоть до «семейного фото на память» — для демонстрации стране, кто входит в клуб самых избранных и приближенных. Разговор в узком кругу шел широкий и, зная Ельцина, довольно свободный. При Путине это больше напоминает появление директора в школьном классе — олигархи сидят, как нашкодившие ученики, словно аршин проглотив. Но так стало не сразу, и переломной стала та самая встреча.

У нее была объявленная заранее повестка: президент, дескать, пригласил авторитетных промышленников и предпринимателей поговорить о коррупции. Первым выступил любимый олигарх Путина — председатель совета директоров ОАО «Северсталь» Алексей Мордашов. Заикаясь от волнения, он привел пару примеров коррупции на местах, от которой страдает мелкий бизнес, но больше напирал на возрастание роли государства и его институтов. Путин согласно кивал.

Вторым выступал Ходорковский. Он сделал обстоятельный обзор состояния коррупции в России с наглядной презентацией — с въедливыми цифрами, графиками и диаграммами. Картинка за картинкой складывались в социологический портрет катастрофы.

По опросу фонда «Общественное мнение» 27 % россиян считают коррупцию наиболее опасной для страны проблемой.

51 % россиян знают слово «коррупция», 39 % слышали это слово, 28 % россиян лично сталкивались с коррупцией.

49 % россиян считают, что большинство должностных лиц подвержены коррупции и больше всего коррупционеров — в милиции, на таможне, в правоохранительных органах, в судах, в ГАИ, в высших федеральных органах власти.

32 % россиян считают, что руководство страны хочет, но не может бороться с коррупцией. 29 % считают, что может, но не хочет. 21 % считает, что не хочет и не может.

Масштабы коррупции в России, по данным четырех независимых исследований, больше 30 миллиардов долларов в год (треть бюджета страны).

72 % россиян не обращаются в суды, потому что там приходится слишком много платить взятку. 78 % россиян не обращаются в суды, потому что там нет справедливости. Это результаты опроса населения фондом «ИнДем».

Даже дети в России готовы стать коррупционерами. В те институты, в которых готовят низкооплачиваемых госслужащих, конкурс больше, чем в вузы, где готовят высокооплачиваемых специалистов. Выпускник нефтяного института получает на первой своей должности 500 долларов, а конкурс в нефтяной институт — два человека на место. Выпускник налоговой академии получает 160 долларов в месяц, а конкурс в налоговую академию — 5 человек на место. Выпускник государственного университета управления получает 200 долларов в месяц, а конкурс — 10 человек на место. Зачем же дети стремятся получать такие профессии, за которые им будут мало платить? Или у детей какая-то другая арифметика?

Презентация раздражала президента, это видно по его репликам. Ну да, он сам определил тему встречи, но зачем же понимать так буквально! Ходорковский явно переступил черту. Говорить в лицо царю правду о его правлении в России не принято. И все же если

бы Ходорковский остановился на этом... Но он пошел дальше.

«Надо сделать коррупцию постыдным явлением. Вот возьмем, например, покупку «Роснефтью» «Северной нефти». Все считают, что сделка эта имела, так сказать, дополнительную подоплеку...»

Это был удар под дых.

«Роснефть» — госкомпания, опекаемая силовиками. «Северная нефть» — маленькая да удаленькая компания, некогда часть «ЛУКОЙла». История того, как изобретательный бывший замминистра финансов Андрей Вавилов, бравирюя поддержкой тех же силовиков, сначала безнаказанно увел ее из собственности «ЛУКОЙла», потом чудесным образом выиграл на торгах нефтяные залежи у грандов, включая ЮКОС, которые предлагали лучшие условия, и как он в конечном счете продал ее «Роснефти» за явно завышенную цену в 600 миллионов долларов, была притчей во языцех. «Дополнительная подоплека» — это уличение совершенно конкретных путинских силовиков в прямых махинациях с государственными средствами...

(Позже Вавилову будет предъявлено немало серьезных обвинений, но каждый раз его будет спасать сенаторский иммунитет и невидимая административная рука.)

...Ходорковский еще говорил — как выяснилось, исключительно для истории: «Да, коррупция в стране распространяется, и вы можете сказать, что с нас-то все и началось. Ну... когда-то началось, а когда-то надо и заканчивать...» Его уже никто не слышал. Все ждали грома.

Тихим голосом, но с нажимом президент сказал, что «Роснефть» купила «Северную нефть», потому что надо же государственной компании увеличивать свои запасы нефти. Тем самым он признался, что полностью в курсе темной сделки. Как и многого другого. Вопрос завы-

шенной цены он просто обошел как несущественный и нанес свой удар. «А некоторые компании, как ЮКОС, например, имеют свои сверхзапасы. И вот вопрос: как они их получили?» Президент сделал эффектную паузу и закончил: «У ЮКОСа тоже ведь были проблемы с налогами. Да, вы их решаете, но ведь почему-то они возникли».

Это даже не объявление войны. Это объявление вне закона. Камень — «проблемы с налогами» — у президента давно за пазухой.

Тем не менее до ареста пройдет еще несколько месяцев. 26 апреля 2003 года произойдет еще одна встреча Ходорковского с Путиным, на этот раз один на один. Вот как ее описывает Валерий Панюшкин со слов Бориса Немцова и Ирины Ясиной, которым, в свою очередь, рассказал об этом сам Ходорковский.

«Ходорковский так или иначе проинформировал президента о том, что собирается объединить свою нефтяную компанию с компанией Романа Абрамовича. И так или иначе получил одобрение. Еще, поскольку начиналась предвыборная кампания в Думу, президент попросил Ходорковского, чтобы ЮКОС был вне политики, не финансировал оппозицию. Ходорковский отвечал, что ЮКОС оппозицию не финансирует, а финансирует ее лично он, Ходорковский, из личных своих денег, с которых исправно уплачены налоги. Президент, кажется, согласился, что всякий гражданин России имеет право финансировать какую хочет партию из личных средств, и просил только, чтобы ЮКОС не финансировал коммунистов. Ходорковский ответил, что ЮКОС коммунистов не финансирует, а финансируют их некоторые акционеры ЮКОСа, и тоже из личных средств, и он, Ходорковский, совсем уж не может ничего поделаться с коммунистическими взглядами своих акционеров, тем более что всякий гражданин России волен фи-

нансировать из личных средств накую хочет партию. Президент согласился...

...Сотрудники ЮКОСа говорят, что Ходорковского насторожила эта встреча с президентом — президент был подозрительно благожелателен».

Если ощущения Ходорковского переданы верно, то это говорит о том, что в тот момент он был не слишком адекватен. Путин играл с ним, как кошка с мышкой, наслаждаясь неведением жертвы, ее сомнением. Он знал, что будет с этим человеком, который сидит перед ним, не понимая, что он под дамокловым мечом.

Адекватный человек понял бы, что у него есть только один выход.

Почему он сел, а не бежал, как его правая рука Леонид Невзлин и другие? В Лондоне из юкосовских беглецов можно составить улицу.

«Вероятность моего ареста девяносто процентов», — якобы сказал Ходорковский адвокату Дрелю заранее. На своей последней, состоявшейся за 20 дней до ареста пресс-конференции он действительно так прямо и заявил: «Я решил не уезжать из страны», — как если бы полемизировал с кем-то. А уже после ареста тот же Дрель спросил Ходорковского: «Вы не жалеете?». И тот якобы ответил: «Нет, хочется жить в нормальной стране. Но здесь».

Панюшкин так описывает дискуссию, происходившую во внутреннем круге.

«Приближенные говорили, что садиться в тюрьму не надо, что лучше, конечно, уехать, поскольку эмигрант может бороться за свое доброе имя, а заключенный не может. Ходорковский возражал, что уехать сейчас значило бы бросить своего товарища Платона Лебедева в тюрьме, а также признать себя виновным, тогда как он, Ходорковский, всерьез надеялся отстоять в суде свою правоту и, более того, считал, что дело его,

ежели его выиграть, станет серьезным прецедентом оправдания для всех людей, разбогатевших в 90-е годы прошлого века».

Может быть, и так. У него был имидж, над которым он долго работал, в который вложил столько сил и средств, и теперь он был заложником своего имиджа. Уехать за границу — именно этого от него ждали, к этому подталкивали его противники, чтобы раздербанить его компанию. Бежать — значит признать свое поражение, потерять все — не только деньги, но и саму роль, быть отлученным от российской сцены; примеры Гусинского и Березовского были перед ним. А он хотел выиграть. В глубине души, думается, он не верил, что Путин зайдет так далеко. Посадить в тюрьму фигуру его класса? Нет, это слишком большая потеря лица... И у Ходорковского были персональные гарантии — люди, работавшие рядом с Путиным. Этими людьми были глава президентской администрации Александр Волошин — всесильный визирь, доставшийся Путину по наследству от Ельцина, хитроумный зам Главы администрации Владислав Сурнов — он родом из МЕНАТЕПа, почти тайный агент, в своей первой книжке Ходорковский называет его членом «своей команды», и наконец, премьер Михаил Касьянов.

Панюшкин свидетельствует: «Люди, близко знающие Михаила Ходорковского, рассказывают, будто в ночь после ареста Лебедева Ходорковский принял премьер-министр Касьянов. Касьянов будто бы сказал, что ездил к президенту Путину и президент вроде бы велел передать: «Пусть Ходорковский не волнуется. Это не политический заказ. Кто-то из олигархов проплатил прокуратуре, чтобы она наехала на Лебедева. Олигархи между собой грызутся. Разберутся, выпустят». И Ходорковский поверил...

Задним числом ясно, что Ходорковский переоценил себя. И очень сильно недооценил противника — Путина.

И недели не прошло после его ареста, как Волошин был отправлен в отставку, и на его место назначен давно стажировавшийся на эту роль Медведев. Та же судьба вскоре постигнет и Касьянова. Ну а Сурков окажется на другой стороне. Тайные агенты имеют склонность быть перевербованными, особенно когда другие тайные агенты припирают их к стенке или предлагают хорошую мзду.

Дело ЮКОСа оказалось водоразделом. Для Путина на кону стояли вещи куда более значимые, чем репутационные потери или инвестиционный климат страны. Перед ним стояла задача оформления собственного режима! Главнее точно ничего не могло быть.

Нет, он не переоценивал угрозу политических помыслов олигарха — при всем своем конспирологическом сознании и даже опыте немыслимого чуда собственного преобразования. Захват власти через ничего не значащую Думу? Максимум что можно там сделать — это пролоббировать выгодный отраслевой закон... Заговор против конституции? Наивные, хотя и полезные, выдумки. Когда надо будет, Путин перетасует посты: изберет президентом верного адъютанта, а сам займет место премьер-министра, оставив за собой все властные полномочия. И никакого изменения конституции для этого не понадобится.

Продажа нефтяного суверенитета транснационалам? Но Фридману — Авену — Вексельбергу это было санкционировано — и никаких разговоров о предательстве. Чем принципиально отличается ТНК-ВР от состоявшихся ЮКОС — «Сибнефть» — «Шеврон» — «Тексако» либо ЮКОС — «Сибнефть» — «Роял Датч» — «Шелл»? Только тем, что Фридман — Авен — Вексельберг подчеркнута лояльны, они «свои».

Кстати, задним числом Ходорковского обвинили еще и в том, что он намеревался продать противнику ядерный щит родины. Я не могу отказать себе в том,

чтобы привести и эту оригинальную версию. Цитирую по разоблачительной книге Перекреста:

«Ходорковский и Невзлин, отвечавший в компании за внешние связи, контактировали со многими представителями политической элиты США и часто обменивались мнениями о бизнесе, политике и международных отношениях, — рассказывал мне политолог Станислав Белковский, ранее возглавлявший Совет по национальной стратегии, тот самый... — Например, я знаю из достоверных источников, что во время встречи с Кондолизой Райс Невзлин говорил, что на следующем витке политического цикла России, когда либо они с Ходорковским займут ключевые позиции во власти, либо их влияние на власть будет увеличено, то не исключено, что Россия может пойти на ядерное разоружение. Думаю, что эта позиция была согласована с Ходорковским».

Увлекательный детектив сочинил самый изобретательный политолог, которого только можно найти за деньги на российской арене. А от себя Перекрест добавляет, убедительности ради: «По оценкам экспертов, отправка российского оружейного плутония на переработку в США обогатила бы Ходорковского еще на 60 млрд. долларов». Правда, завершает он на грустной ноте: «Впрочем, сведения о таких намерениях МБХ другими источниками не подтверждаются».

Конечно же, это страшилки для черни. Путин знает цену этому заказному компромату. Но вина Ходорковского от этого не меньше.

Так в чем она? Что делает процесс, развязанный Путиным, самым важным политическим процессом в новейшей истории России? Но прежде: что все-таки делает Ходорковского в глазах Путина политическим преступником? Противником... Но это в данном случае одно и то же.

Защите удалось добыть очень важное свидетельство на этот счет. Бывший премьер-министр страны Михаил Касьянов дал следующие показания Хамовническому суду:

Вопрос:

«...Можете объяснить каким-либо образом начавшееся в 2003 году преследование этой компании, сначала как налогоплательщика, не выполняющего свои обязательства, а потом и уголовное преследование руководителей компании?»

Ответ:

«У меня лично есть однозначное понимание на этот счет. Когда после февраля 2003 года началось напряжение между президентом Путиным и компанией ЮКОС, когда в июле 2003 года был арестован Платон Лебедев, это было очень вредным с точки зрения экономической политики шагом по развитию предпринимательства и привлечению инвестиций в Российскую Федерацию. Поскольку к деятельности председателя правительства напрямую не относится взаимодействие с Генеральной прокуратурой, я обратился к президенту России Путину с просьбой пояснить, известно ли что-либо ему на этот счет и почему такие вещи происходят.

Президент Путин дважды отказывался поддерживать такой разговор, но потом он все-таки дал мне ответ. И он сказал примерно следующее: что компания ЮКОС финансировала политические партии — не только СПС и «Яблоко», которые он, президент Путин, разрешил им финансировать, но также и Коммунистическую партию, которую он, президент Путин, не разрешал им финансировать. Я не стал развивать этот разговор, потому что для меня этот ответ был чрезвычайно удивительным по двум причинам. Первое. Для меня было удивительно, что разрешенная законом деятельность по поддержке политических партий, оказывается, тре-

бует еще секретного одобрения президента Российской Федерации. И второе. Этот ответ о финансировании партий я услышал от президента Российской Федерации в ответ на вопрос, почему Платон Лебедев находится в тюрьме. После этого у меня сформировалось однозначное мнение о том, что арест Платона Лебедева является политически мотивированным. Уже осенью, после ареста Михаила Ходорковского, мои попытки поговорить с президентом Путиным о неприемлемости таких вещей наталкивались на его нежелание обсуждать. Ответ был простой: «Генеральная прокуратура знает, что делает». Безусловно, к концу 2003 года у меня сформировалось однозначное убеждение, что Михаил Ходорковский и Платон Лебедев арестованы и находятся под подозрением по политически мотивированным основаниям».

Это свидетельство очень весомо прозвучит в любом из международных судов по делу ЮКОСа. Президенту Путину не нравился факт финансирования одной из партий! У этих западных маньяков формального права волосы на голове встанут дыбом от столь откровенного признания. Но мы-то живем в этой стране и лучше представляем местные политические нравы. И потому я позволю себе выразить сомнение. Не в том, что президент Путин говорил премьеру Касьянову. А в том, что премьеру Касьянову, которого он не считал своим, которого он опасался и которого он очень скоро отправит в отставку, он говорил настоящую правду.

Высказывание Путина явно не слишком искреннее. Финансирование компартии никогда не было для него предметом особой заботы или тревоги — ни по идейным, ни по практическим причинам. Ни до, ни после описываемых событий. Это мы хорошо знаем. Несколько миллионов долларов, которые перепали коммунистам от симпатизантов — акционеров ЮКОСа, просто несопоставимы с многомиллиардными параме-

трами грядущего, далеко не мирного атомного взрыва. Как выражается наш заказной летописец, не надо быть отличником матшколы, чтобы понять это. Тут совсем иной диамат.

Я даже позволю себе высказать гипотезу, что это была такая разводня противника — Касьянова, а через него и всех статусных либералов. Дескать, я поручил поддерживать либералов, а он, такой-сякой, коммунистов вздумал продвигать... Мутьна, вуалирующая истинные намерения и очень далеко идущие планы. На сносях была перетряска всей власти, никак не меньше. Конец операции «Наследник» и начало новой династии. Принц-консорт милостью царя Бориса становился царем милостью... — нет, не будем гневить имя Божье, скажем, «национальным лидером». Приемный сын Семьи, Мальчик-удачник выросстал в Крестного отца и обрастал собственным Семейством, которому отныне перепадут все несметные богатства Земли Русской.

«Операция ЮКОС» послужила запальником куда более грандиозной операции фактической смены режима. Вот в чем состоял ее истинный политический смысл.

Новые властители — фундамент режима, путинская мафия опричников, «питерские силовики» — ненавидели старых олигархов, но еще больше завидовали им. Они проиграли им первый раунд вчистую — проморгали, прошляпили первый раздел главных богатств. Но теперь-то власть в их руках.

Ходорковский раздражал их вдвойне. Тем, что стал олигархом в лихую пору «бури и натиска», когда они почивали на советской печи. И тем, что возжелал похоронить эту пору, стать респектабельным «западным» капиталистом. Тогда как они грезили новым переделом. Патриотизм казенных хлебов сменился безудержным духом наживы.

В разгар путинской эпохи станет модно говорить — естественно, осуждающе — о «лихих 90-х». Парадокс в

том, что реальный план, как поправить действительно лихую пору приватизации, предлагал именно Ходорковский. Вот его идея:

«Нельзя сказать, что приватизация 90-х годов была абсолютно неэффективна экономически. Да, многие крупнейшие предприятия России были проданы за символическую стоимость. Но не надо забывать, что главной целью той приватизации было вовсе не немедленное пополнение бюджета за счет доходов от продажи объектов, а создание института эффективного собственника. И эта задача была в целом решена...

Тем не менее, приватизация была неэффективной политически и социально. Потому что более 90 % российского народа не считают ее справедливой. А значит, результаты приватизации не признаются нашими согражданами, и в таких условиях перманентный и бесконечный передел собственности неизбежен.

Я предлагаю не изобретать колесо и воспользоваться весьма успешной схемой легитимации приватизации, которую в конце 90-х годов использовали британские лейбористы — кабинет Тони Блэра — в отношении инфраструктурных компаний, разгосударственных еще в 80-е годы. Схема состоит в применении так называемого налога на неосновательные доходы от благоприятной конъюнктуры. Сумма налога в наших условиях может равняться реальному годовому обороту, который был у компании в год ее приватизации, и чтобы учесть средства, разворовываемые тогдашними директорами через подставные компании, надо умножить объем производства на рыночные цены, не обманываясь абсолютно непригодной отчетностью по российским стандартам.

Я знаю, как это сделать, мне, как и многим другим, пришлось разгребать горы криминальных схем, обрушивших экономику в 1993–1995 годах. Этот пара-

Не сомневайтесь о математике.

Скажите, что случилось
Нужно дать
правильную оценку
С.Е. Левин

Б.Е. Левин

В книге всякого рода
Нужно революцию
процесса парализовать
какой-нибудь
Наполеон Бонапарт.
Фрэнк Харкер

Варшавский
Знаешь о человеке
- архив
тайной полиции.

Б.Е. Левин

метр четко отражает состояние российских компаний именно в период их разгосударствления с учетом всех параметров, определявших тогда их капитализацию: мировых цен на сырье, качества управления, уровня политических рисков в России того времени и т. п.

Иными словами: каждый, кто хочет снять с повестки дня вопрос о легитимности (справедливости) своей крупной промышленной собственности, должен заплатить в федеральный бюджет России либо целевые специальные фонды (например, фонд стимулирования рождаемости, из которого будут выплачиваться пособия на новорожденных) налог в размере оборота компании в год ее приватизации. С момента выплаты собственник получает от государства и общества бессрочную «охранную грамоту» — его собственность считается законной и честной.

Легитимация должна явиться результатом осмысленного пакта между государством и собственниками, крупным бизнесом. Бизнес, который собирается жить и работать в России долго, должен пойти на такой пакт, руководствуясь непреложным принципом: лучше отдать сегодня часть, чем завтра — все. Схема единовременного налога и простота его расчета делают легитимационную процедуру прозрачной, исключают коррупцию и избирательное применение нормативных актов в этом процессе.

По моим предварительным подсчетам, качество которых ограничено условиями общей камеры и краснокаменной зоны, легитимация приватизации принесет \$ 30–35 млрд. в течение трех-четырёх лет».

Цифры стоило бы «перетереть», как выражаются сегодня. Да и идею стоит додумать до конца. Это идея расплаты с государством, то есть отделения олигархов от государства. Ее смысл не просто в легитимации сложившихся капиталов, он в стратегической задаче устройства респектабельного капитализма.

По гамбургскому счету это развилка. Но только надо понимать, откуда мы идем и куда.

Позади «лихие 90-е»? Безусловно. Главная их лихость заключалась в том, что рухнул казавшийся вечным тоталитарный строй, в безжизненной атмосфере появился воздух свободы, над страной задули ветры перемен. Что породило множество надежд. И столько же разочарований.

На утро вырос капитализм – оскорбительно плохой, младомонстр в стадии бешенства денег. Его беда не в том, что он незаконнорожденный. Законнорожденный капитализм (с относительно человеческим лицом) появляется только во втором, третьем и далее поколении. Его беда в том, что он крайне неэффективен.

Вопрос в том, куда дальше?

От «лихих 90-х» можно двигаться к устойчивым демократическим институтам, а можно к новому авторитаризму, примораживая и удушая один за другим демократические институты, раз уж они такие кособокие и неустойчивые. В Спарте хилых мальчиков-младенцев тоже бросали с утеса.

От дурного неэффективного капитализма можно двигаться к производительному конкурентному капитализму. А можно и не двигаться.

У существующего нашего капитализма два расхожих прилагательных: бюрократический и бандитский. Может показаться, что это противоположности. Ничего подобного, весь могучий эпос рейдерства блистательно иллюстрирует торжество конвергенции между ними. Бандитский капитализм пользуется государственными «крышами». Бюрократический капитализм ведет себя как главный бандит. Оба действуют без оглядки.

(Никогда не забуду... 17 сентября 2003 года рейдеры захватили наш дом – известное всей Москве здание редакции еженедельника «Новое время» на Пушкинской площади. Ни меня, главного редактора,

никого другого не пускали внутрь, на наши яростные стуки в собственную дверь просто не отвечали. Только к вечеру по требованию депутатов Владимира Лукина и Николая Гончара на сцене появился подполковник милиции из ОВД Центрального округа. Он-то и произнес историческую фразу: « Ну что вы волнуетесь? Приходите завтра утром. За ночь разберутся, *чья крыша выше...*» И ведь прав оказался подполковник. Разобрались. С нами. У «Нового Времени» просто не было «крыши», и редакция оказалась на улице.)

Новый авторитаризм принял форму вертикали власти. Вертикаль власти на поверку оказывается универсальной системой «крыш». Высоко над ними гордо развевается государственный штандарт — трехцветный или красный неважно. Глубоко под ними Голубой Поток — горизонталь врезок в газово-нефтяную трубу и во все остальные трубы, через которые истинно патристичным ртам так удобно отсасывать национальное достояние...

Идею легитимации бизнеса Ходорковский приносил Путину. Тот ее сразу оценил. Это то, что прямо противоположно интересам его вертикально-интегрированной компании, состоящей из опричников и олигархов. Ставить под угрозу пакт между ними — что за прихоть? Пусть бизнес будет криминальным, лишь бы был послушным. Пусть бизнес будет послушным, государство расплатится за его неэффективность.

А того, кто выдвигает столь вражеские идеи — с раската! Четвертовать вражину!

Самая успешная компания России будет раздербана самым демонстративным способом.

Жемчужина ЮКОСа, верней, ее становой хребет, «Юганскнефтегаз» (половина нефтедобычи) была выставлена якобы на открытые торги и... куплена фирмой-фантомом, зарегистрированной в Твери. Когда журналисты пришли по ее юридическому адресу, они

нашли лишь грязную рюмочную «Лондон». Один президент Путин бесстрашно заявил, что знает людей, владеющих компанией, они, мол, давно работают в энергетике. С названием он, правда, замешкался и так и не смог его выговорить. «Байкалфинансгрупп»... Никому не известная фирма без малейших следов предыдущей (и последующей) деятельности выложила из неведомого кармана 9,3 миллиарда долларов за покупку, и это никого не удивило. И уж совсем никого не удивило то, что две недели спустя невидимка — гигант из рюмочной продал свое удачное приобретение компании «Роснефть» — той самой, из-за которой и разгорелся сыр-бор. «Роснефть» — государственная компания, руководитель — Сергей Богданчиков, куратор (председатель совета директоров) — зам главы президентской администрации и негласный лидер «партии силовиков» Игорь Сечин, по путинскому определению, люди, давно работающие в энергетике.

Невооруженным глазом читалась типовая схема, многократно отработанная в ходе рейдерских операций. Силовой захват чужой собственности оформляется как покупка на т. н. юридическое лицо — без рук, без ног, без головы, то есть на подставную фирму-пустышку, с которой нечего взять, с последующей перепродажей реальному выгодополучателю, который в дальнейшем может выступать как «добросовестный покупатель». Особенность ситуации заключалась лишь в том, что рейдером выступило само государство, а операцию прикрывал своим авторитетом лично президент Путин.

Нет, все-таки эту цитату надо привести полностью. Она откровенна донельзя, при том что предельно зашифрована.

«Как известно, акционерами этой компании (той самой, названия которой он не смог выговорить. — А.П.) являются исключительно физические лица, но

это лица, которые многие годы занимаются бизнесом в сфере энергетики. Они, насколько я информирован, намерены выстраивать какие-то отношения с другими энергетическими компаниями России, которые имеют интерес к этому активу. (После фиктивной покупки фиктивная продажа через неделю. — А.П.) И в рамках действующего законодательства участники этого процесса имеют право работать с этим активом дальше после проведения аукциона. (Схема «добросовестного покупателя». — А.П.) С нашей стороны важно только одно: чтобы все эти действия, как я уже говорил, находились в строгом соответствии с действующим в России законодательством. (Эта мантра будет кочевать из речи в речь — рекорд лицемерия.) Надеюсь, что так это и будет».

Так оно и было.

Некоторое время спустя в интервью испанским СМИ Путин оказался еще более откровенен — ну кто его тянул за язык! «ООО «Байкалфинансгруп», — сказал он, — было задействовано в сделке по приобретению «Юганскнефтегаз» на аукционе в декабре 2004 года для снижения правовых рисков нового собственника нефтяной компании».

А чуть позднее — это просто какое-то недержание — он окончательно прояснил суть откровенно фиктивной сделки:

«Будущие собственники должны были подумать о том, как они будут работать, как, возможно, будут в судах отвечать на иски, которые могут быть им предъявлены. И когда «Байкалфинансгруп» купила соответствующий пакет, она стала собственником. Все, что происходило дальше, происходило на вторичном рынке. Таким образом, претензии к тем, кто потом приобрел эту собственность, практически свелись к нулю...»

По сути и стилю это речь консьюлиери — юридического советника мафии, выстраивающего хитроумные

схемы, как обойти закон. Путин нимало не стесняется этого.

Первый закон нового режима: власть обладает монополией на политику. А самая ценная часть политического пакета — право бесконтрольно распоряжаться богатствами. Во всем остальном народ и личность могут быть свободны... Ходорковский нарушал эту монополию самым зримым образом. Он вел себя подчеркнуто независимо. И у него появилась своя программа. Такое не прощается.

Все политические решения президента Путина, большие и малые, проводились в режиме секретных операций. Это его фирменный стиль. Дело Ходорковского — рекорд жанра, особо секретная операция, которая проводилась на глазах у всей страны. Дымовые завесы расставлял сам Путин. Чего стоит одно его заявление: «Может создаться впечатление, что государство хочет прекратить работу компании (ЮКОС)... Вряд ли государство может стремиться к тому, чтобы разрушить ее деятельность...»

Классика!

До поры замысел Путина был неясен. Он вознамерился покарать одного неугодного олигарха? Или он сражается с олигархами как явлением?

То, что олигархический капитализм возмутительно несправедлив, неэффективен, рожден государственной коррупцией и сам ее щедро питает, не вызывает сомнений. Но что дальше, как избавиться от этого проклятья? Гильотина тут не поможет. Лишь медленное — по мере строительства институтов гражданского общества — преодоление. Воспитание конкурентной среды, пересадка мировых норм, демонополизация, разгосударствление и общественный контроль, постепенное введение закона и порядка, общее облагораживание нравов... То есть глубинная эволюция, трансформация, реформация... Так или иначе это не акт, а процесс.

Огромной сложности социально-экономический процесс. То, что вместо этого Путин дал команду провести показательную карательную операцию, чисто политический судебный процесс, говорит о том, что задача, которую он ставил перед собой, была иной. Ему и его «силовому» окружению нужна была демонстрация силы. Показательный пример, после которого все остальные олигархи склонят выю.

Никакой деприватизации и тем более национализации! — много раз клялся Путин. И действительно. Просто маленькая победоносная война с максимальными аннексиями и контрибуциями и полной капитуляцией.

Отныне олигархи будут чураться «политики» как черт ладана. Финансировать партии — только по разнарядке из Кремля. Покупать газеты — по команде, чтобы ввести правильную цензуру. Никаких собственных игр — только с санкции сверху. А по собственной инициативе — богоугодные дела. Патриотически скупать яйца Фаберже, как это сделал Вексельберг, выкупив коллекцию у Стива Форбса, возвращать на Родину колокольные звоны (он же выкупил у Гарварда колокола Свято-Данилова монастыря, ранее проданные большевиками), строить горнолыжные трассы, зная эту маленькую слабость спортивного лидера страны. Лозунг дня: частно-государственное партнерство и социально ответственный бизнес. Что означает — раскрывать кошелек по первому требованию. Оброк. Или откат.

Одного олигарха показательно четвертовали. Олигархический режим не пострадал, он мутировал. Он встроился в систему авторитарной власти механизмами допусков и откатов.

Авторитарная власть не реформировала бюрократический капитализм, созданный в «лихие 90-е», она им овладела.

«Силовики» не отменили олигархов. Они их крышуют.

Олигархи не отторгли «силовиков». Они их впустили в свои капиталы с заднего крыльца.

Старые олигархические имена — Абрамович, Дерипаска и Ко — никуда не делись, они все так же мозолят глаза своими дворцами, яхтами и футбольными клубами. Но состав бенефициаров от их капиталов явно модернизировался за счет лучших людей режима, что и было его главной целью.

«Силовики» добились вождя, они стали новыми олигархами. Их родовое отличие в том, что это профессионально законспирированные, как и полагается этой касте, олигархи. Целый клан как «анонимный олигархат», который стрижет купоны, надежно укрывшись под псевдонимами Абрамович, Дерипаска и брендами помельче — в прямом соответствии с чинами и званиями тех, кто к ним присосался. То, как живет-поживает и добра наживает эта каста «государственников», — самый строго охраняемый секрет путинской эры.

Все аннексии и контрибуции состоялись. Война закончилась триумфально.

Помните, как демонстративно Путин швырнул ручку Дерипаске, чтобы подписать соглашение в голодном Пикалеве? И олигарх, выплативший себе дивидендов на 8,2 миллиарда долларов только за 2005–2008 гг., покорно поставил свою подпись. О чем, кстати, оно было — это соглашение? О том, что из своих дивидендов Дерипаска раскошелится на несколько сотен миллионов рублей, чтобы его предприятие заработало? Ничего подобного. Промотавшийся магнат нижайше согласился взять дополнительный кредит от государства. А еще — получать сырье по сниженным ценам от поставщиков. Все это ему в такой безусловно оригинальной форме с телеспектаклем на всю страну устроил всесильный Путин.

Режим победил олигархов. И теперь, слившись с ними, стал их заложником. Покрывает безудержное и циничное финансовое распутство в будни и праздники. Спасает от долгового похмелья в кризис.

«В наши планы не входит передача страны в распоряжение неэффективной коррумпированной бюрократии». Узнаете фирменный стиль? Это из послания президента Путина Федеральному собранию, апрель 2005 года. Нет, на суде он не сможет сказать, что не ведал, что творил. Ни на каком.

ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!

...Что-то происходит с Хамовническим судом. В четверг 12 августа довольно поздно вечером заседание еще продолжалось. В пятницу, когда мы в 10.31 поднялись к залу № 7, двери его уже были закрыты. Кажется, они торопятся — где-то в полях созрел приговор?

«Не страшно, — попытался я утешить Сергея Адамовича Новалева, обескураженного необычайной точностью суда, — на втором этаже есть комната для прессы с трансляцией, где все хорошо слышно и видно». Но нас ждала еще одна неожиданность. Комната для прессы с тремя телевизорами в ряд оказалась разгорожена пустыми стеллажами. Два телевизора без звука транслировали процесс, по третьему на полную громкость шел совсем другой сериал. За загородной вольготно устроились свободные от вахты приставы. С нашим появлением они выключили «свой» телевизор, но не живой звук за стенкой. «Разбуди меня без четверти!» — отчетливо произнес голос из-за новодельного деревянного занавеса. Звука на наших телевизорах не прибавилось. «Нельзя ли включить звук», — попросил я. «Как я его вам включу!» — агрессивно ответил крепкий парень в черной форме с воки-токи в руках. «Спросите начальство», — посоветовал я. «Как вам его включит начальство, — стоял на своем пристав, — когда звука нет уже неделю!»

Сюрпризы на этом не кончились. Цокая каблучками, мимо нас куда-то за телевизоры и направо прошла прокурор Ибрагимова. Статная дама, она эффектно смотрится в процессе — Афина Паллада или Родина-мать с карающим мечом...

Оказывается, то, что мы считали комнатой прессы, таило еще один секрет. Мало того, что на одну треть она превратилась в «приставную» — место роздыха парней в черном. За экранами была еще одна дверь, совсем как в комнате Папы Карло, и она вела, по-видимому, в прокурорскую, куда и зашла прокурор Ибрагимова. Без доспехов она оказалась высокой красивой женщиной... Когда через минутку она вышла, раздосадованный бессмысленной полемикой с приставом, я спросил ее: «Скажите, а у вас там тоже идет все так же — на немую?»

Прокурор Ибрагимова оказалась молодцом. На экране мы увидели, как она села на свое место и в первую же паузу что-то сказала судье Данилкину. В ответ судья Данилкин развел руками. Звук не прибавилось. Похоже, немота была обстоятельством непреодолимой силы.

Тут я добавлю, что суд временами одолевали и приступы слепоты. Профессиональная болезнь Фемиды? Возможно, но симптоматика у нее своеобразная. Телетрансляцию для журналистов требовала прикрыть прокуратура. Причина сугубо процессуальная. А вдруг в комнату прессы проникнет враг (процессуальный) — будущий свидетель и подслушает чего не надо... Судья Данилкин принял эту логику. Защита вступалась за гласность, но судья не соглашался на видимость. При этом ссылался на технические причины. В какой-то момент, однако, экраны ожили. Решение о возобновлении телетрансляции из зала № 7 на третьем этаже в комнату прессы на втором этаже приняла глава Мосгорсуда Ольга Егорова. Также, думается, не сама. Так, во всяком случае, выяснилось, где находится пульт управления.

А вот радиотони оказались совсем неуправляемы.

...Все так же без звука говорил адвокат Ключевант. Затем слово было предоставлено Ходорковскому, мы это увидели. В какой-то момент он, видимо, сказал что-то особо изысканное, потому что вскочил прокурор Лахтин. Жаль, что мы не услышали, что он выкрикнул, хотя потом, уже слыша прокурора Лахтина, я подумал, что этому исполнителю как раз больше подошло бы немое кино. Так или иначе, после его интервенции был объявлен короткий перерыв, и мы наконец смогли покинуть это единое пространство прессы, приставов и прокуроров и переместиться в зал.

В этот день обсуждался вопрос исключительно принципиальный, тем более что он принципиально не влиял на судьбу обвиняемых, — новое продление их пребывания под стражей. С таким очередным ходатайством выступила сторона обвинения. Что а) противозаконно — только что по инициативе президента Медведева была принята норма закона, запрещающая применение ареста в качестве меры пресечения к обвиняемым в преступлениях в сфере предпринимательской деятельности; и б) бессмысленно — отбывающие первый срок Ходорковский и Лебедев и без того под стражей. Хотя свои тонкости есть и в кулачном праве: ограничение прогулок и отсечение встреч.

В возобновившемся действе Михаил Ходорковский продолжил свое выступление. Физически это выглядит так. В стеклянно-стальном аквариуме на двоих он подходит к щели, где установлен микрофон, и говорит, словно в щель. Из этой щели сидящим в зале как бы и доносится его голос. Глуховатым тихим голосом Ходорковский говорил именно это: «Ваша честь, закон должен соблюдаться, нельзя допустить, чтобы закон так откровенно игнорировали, а судом так нагло манипулировали. Вам надо оставить нас в СИЗО, так подумайте хотя бы о том, как сделать это не

нарушая закон...» Следом место у щели занял Платон Лебедев: «Здесь в этом суде и с этим судом проводится эксперимент по особо наглому манкированию законом и манипулированию из-за кулис, беззастенчивым орудием чего и являются прокуроры, представляющие обвинение. Та сторона не способна доказать свое выдуманное абсурдное обвинение, ее аргументы облыжны либо подложны. Она не останавливается перед прямым нарушением законов. Вы не можете не видеть этого, ваша честь...»

Я поймал себя на кощунственной мысли, что в который раз в этом зале являюсь свидетелем потрясающего хэппенинга — торжества свободной мысли. Социальная мудрость, ее высота и даже ироническое высокомерие и кинжальная острота юридико-политического анализа. И общее бесстрашие — мосты сожжены всемогущим противником и наводить их надо не с ним, а с обществом, которое и есть главная жертва этих произвольных, блатных, по сути преступных отношений с законом. После того, чему мы были свидетелями все эти последние годы, нет сомнений, что если наше бизнес-сообщество родило две по-настоящему крупные, независимые личности, которых обществу стоит послушать, то это Ходорковский и Лебедев. И их приводят к микрофону в наручниках.

~~Скороговоркой судья Данилкин распустил суд до «приблизительно 11 часов в понедельник», а я подумал, что в этот горячий сезон, когда русское политическое поле окончательно превращено в выжженную землю, одно место, где можно встретить высший пилотаж социальной мысли, а не водяные бочки политического пиара, у нас все-таки осталось. Это Хамовнический суд. Странное, конечно, место, но уж какое есть.~~

А следом пришла другая мысль. Как же надо бояться любой конкуренции, и прежде всего интеллектуальной, чтобы свести полемическое ристалище к щели

аквариума. И как надо не уважать все вокруг, чтобы выставить прокурора Лахтина вместо себя.

В понедельник обстоятельство непреодолимой силы явно не рассеялось, как смог. Ходатайство прокурора Лахтина о продлении срока пребывания под стражей было утверждено без звука.

Так выглядел этот день. От других дней второго процесса, тянувшегося год и восемь месяцев, он отличался деталями процедуры, но не давящей атмосферой обвинения и не вольным духом двух людей в железной клетке.

Итак, второй процесс.

Наглядности ради напомним. Первое дело было «чисто налоговое». Даже политика, которой в нем совершенно не было, была тоже чисто налоговая: олигархи, платите налоги и спите спокойно! Ради этой чистой цели Мещанский суд с подачи следствия впаял ЮКОСу недоплату налогов на сумму в 30 миллиардов долларов, компанию как бы отписали в казну, а Ходорковский и Лебедев налегке сели на восемь лет. Такова предъявленная обществу легальная логика первого процесса. Неважно, что ЮКОС был крупнейшим налогоплательщиком — до 4 % бюджета страны, уступая порой по этому показателю лишь «Газпрому»... Шесть лет спустя, когда забрезжило окончание срока, выяснилось, что налоги ни при чем. То же следствие на том же материале выдвинуло Ходорковскому и Лебедеву другое обвинение — хищение в составе организованной группы нефти на сумму в 45 миллиардов долларов. Это и стало содержанием второго процесса.

Первое, что бросалось в глаза, — гротескность обвинения. Ходорковский, Лебедев и организованная группа похитили не ведро, не цистерну, не эшелон или танкерный флот нефти. Они якобы похитили всю нефть, добытую юкосовскими компаниями, и ни каплей меньше. Как они это сделали? Врезались в трубу? Умыкнули

самую трубу со всем ее текущим содержимым за данные годы? Куда они, интересно, ее дели? Между прочим, эта труба монопольно государственная, оперируется госкомпанией «Транснефть». В нее вливалась нефть и других компаний, там внутри она текла и течет до сих пор единой рекой — не-разлей-нефть. Так что для того, чтобы украсть свою нефть, нужно было сначала отделить ее, скажем, от нефти «Лукойла» и прочей нефти. Но как? Раскопай следствие это удивительное ноу-хау — и ему стоило бы поставить памятник. Но нет, памятник, во всяком случае за это, следствие не заслужило. Да и сама труба вроде бы на месте, лежит не шелохнувшись, как бы над ней ни колдовала «организованная группа».

На этом своем тезисе — хищение всей добытой нефти — обвинение стояло как скала в течение всего процесса. Но к концу дрогнуло. Когда пришла пора окончательно сформулировать обвинительное заключение, появилась поправка. Оказывается, организованная группа похитила не всю нефть (350 миллионов тонн), а только ту ее часть, которая пошла на экспорт (220 миллионов тонн). Чем ввергла в не меньшее изумление. А в чем природа этого трюка? Как удалось отделить экспортную нефть от той, что шла на страну? На вкус и цвет они неразличимы, и вообще в трубе это одно и то же.

Не решив основополагающей первой теоремы — не доказав даже, что инкриминируемое преступление физически возможно, следствие героически посягнуло на то, что невозможно уже юридически. Обвинение № 2, предъявленное в Хамовническом суде (второй процесс), вошло в неразрешимое противоречие с обвинением № 1, отлитым в приговор Мещанского суда (первый процесс). Потому что нельзя недоплатить налоги с того, что украдено. Так же как нельзя украсть то, с чего плачены налоги (недо- или полностью — в данном случае

значения не имеет). Не говоря уже о том, что нельзя за один и тот же состав преступления судить дважды.

Выясняется, что можно. Если нужно. И никакой закон не указ. И нормы международного правосудия не указ. И вообще ничто не указ, когда есть политический заказ и приказ.

Прокурорские — все как на подбор в полковничьих погонах. Их поведение заслуживает отдельной статьи.

Язык, на котором они изъясняются, неизвестный, но точно не русский. Казенный до невозможности, намеренно грубый новояз. Дескать, с нами разговор короткий... Это не язык дискуссии, когда нужно доказать свою правоту. Это язык подавления, язык команды, подлежащей исполнению любой ценой. Неважно, что его не принимает публика, даже судья порой его не понимает...

Дни напролет сменяя друг друга, прокурорская команда зачитывала какие-то документы — юкосовские контракты, финансовые распоряжения, глотая слова, путаясь в цифрах. «Объясните, зачем вы это делаете? — тщетно взывал судья. — Что вы хотите этим сказать?» — «Когда надо будет, объясним», — отмахивался прокурор и продолжал бубнить как ни в чем не бывало. Состязательность процесса предполагает убеждение суда, публики — на то и публичный процесс. Но королей бубнения, похоже, это не волновало вовсе.

Откровенная глупость их нисколько не смущала. Мало того что они отводили всех свидетелей защиты, они пытались отвести даже переводчика. Усомнившись в квалификации Юрия Сомова — синхрониста с 30-летним стажем, который переводил и Рейгана, и Путина, прокурор Лахтин задал ему вопрос в лоб: «В чьих интересах вы переводите?» И получил ответ: «В интересах русского языка».

Невольным украшением фирменного прокурорского стиля были ляпы. Фантасмагорические ляпы! Занизить

стоимость компании в миллион раз... — раз плюнуть. Этим отметились и прокурор Шохин и прокурор Ибрагимова. Рекорд принадлежит, однако, следователю Наримову, который инкриминировал Ходорковскому с Лебедевым хищение 60 триллионов долларов — именно эта цифра красовалась на сайте Генпрокуратуры. Впрочем, что считать рекордом. Когда прокурор Лахтин, видимо, мысленно находясь не в зале суда, а на трибуне стадиона, слово Oil (нефть по-английски, вообще-то ключевое на этом процессе) прочитал как O:1 (было такое ощущение, что он видел страницу в первый раз, читал чужую незнакомую заготовку), зал грохнул и долго не мог успокоиться. С этой поры Платон Лебедев будет именовать его не иначе, как «всемирно известным нефтяником». С того как с гуся вода.

Эту манеру — предельно затемнять омут — адвокат Каринна Москаленко охарактеризовала следующим образом:

«Все эти годы обвинение совершает одно серьезное злоупотребление — оно всегда скрывает от обвиняемых суть того, в чем их обвиняет. Более того, оно долгие годы скрывает от обвиняемых даже сам факт расследования против них дела. Потом в один момент все, годами накопленное за спиной у будущей жертвы, «вываливается», и всего за несколько дней заканчивается следствие объемом в сотни томов. Это, по их разумению, — добросовестное ведение следствия... Обвинение уклоняется от обязанности разъяснить существо предъявленного обвинения. Обвинение упорно не отвечало на конкретные вопросы по сути предъявленных обвинений, а суд как ни в чем не бывало продолжал слушание дела, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В итоге наши подзащитные были вынуждены защищаться от всех возможных версий обвинения, столь лукаво разлитых по всему семитомному обвинительному заключению. А теперь суд, по-видимому, сможет выбрать

максимально правдоподобную, минимально опасную и удобную версию и предмета, и способа так называемого хищения, и всего остального».

Действительно, а что именно похитили злостные юкосовские похитители? И каким образом? Это самый первый, очевидный и основополагающий вопрос. Без четкого определения предмета и способа хищения весь процесс становится каким-то жидким, превращается в бессмыслицу.

Ходорковский, пройдясь по обвинению, обнаружил целый букет вариантов.

«Версии предмета хищения:

– нефть (на многих страницах обвинительного заключения) — это вещество, жидкость, которую можно украсть, переместить и что-то еще, как сказала уважаемая г-жа Ибрагимова в прениях, и с чем я абсолютно согласен;

– право собственности на нефть — имущественное право, которое перенести и украсть нельзя, тем не менее в обвинительном заключении оно упоминается минимум 4 раза;

– нефтепродукты... — это вообще вещество, полученное в результате использования нефти в технологическом процессе;

– нефтедобыча (по крайней мере дважды встречается и, к слову, в прениях повторено) — это вообще процесс извлечения сырья из недр;

– денежные средства, то есть выручка от реализации нефти и нефтепродуктов, — упоминаются минимум пять раз.

И это я беру только формулу обвинения, я не беру все обвинительное заключение.

Версии способа хищения:

– изъято — трижды говорится (и одновременно говорится, что отгружено непосредственно производителем и поступило потребителям);

— переводом на баланс — минимум 5 раз (бухгалтерский баланс составляется как минимум через месяц, а то и через три, если говорить про годовые балансы, приведенные в качестве доказательств, после того как нефть использована на НПЗ);

— по договору — много раз (однако договор — это соглашение двух юридических лиц, заключаемое до того как нефть добыта);

— под видом договора (четыре раза нашел) — непонятно как, но не по договору.

Ваша честь, и вот со всем этим мы подошли к прениям. Видимо, от вас ожидают того, что вы проведете «селекцию»... Но вообще-то суду этим заниматься не положено. И защищаться после того, как вы произведете выбор в совещательной комнате, от того, что вы выберете, я уже не смогу».

Не состав преступления, а Состав Преступление! Игра такая.

Столь навороченное предложение обычно предъявляют заказчику товара — выбирай, дорогой покупатель, что тебе больше по вкусу. Обвинение, представленное в суде, не опцион, оно должно быть абсолютно недвусмысленным. Что это — неграмотность прокурорской стороны или остаточные следы подготовительного версификаторства? По-видимому, и то и другое.

~~— Более важных преступлений в стране, видимо, не было.~~ Мощная целевая группа годами, не покладая рук, разрабатывала версии всевозможных обвинений, которые бы удовлетворяли привередливости высшего госзаказа. Высшего — в том смысле, что он поступил с самого верха, и в том, что он требовал неких высших мер наказания. Так родилось первое дело. Оно полностью соответствовало заданным параметрам: все отнять, расплющить неугодного олигарха в слякоть. Отняли, расплющили... Но вот незадача: бывший олигарх оказался не слякотью... Творческая работа по

Фашизм - это все горит
 Теи би Урака,
 И возмодельна Зева!
 Омиши,
 И все равно с трамвоном,
 Но шашок -
 где беспристрастности

В Хизибиреском
 суде, но в Работ
 своим истинным
 сейчас?!
 Пусть мерзят.

РЕСПУБЛИКА
 ХИЗБИРЧЕСКИЙ
 РАЙОННЫЙ СУД
 1989

Oleg

уничтожению неугодного закипела с новой яростью. Обвинения на любой вкус — чего изволите? И весь прилавок вывалили во второй процесс.

Механизм политического процесса описал адвокат Юрий Шмидт:

«Для меня несомненно, что существует некий **центр принятия решений**, полагаю, под **оперативным** руководством господина Игоря Сечина, который **ставит** конкретные незаконные задачи, а потом **прикрывает** исполнителей, обеспечивая поддержку и круговую поруку. Этот же центр **координирует** действия различных правоприменительных структур и даже формально независимых **«ветвей власти»**, включая законодательную и судебную...

Можно сказать, что в деле расправы с Ходорковским и разрушении ЮКОСа вся репрессивная машина государства работала как единый механизм. Откровенно незаконные действия следствия и оперативных служб приобретали **«легитимный»** характер после вынесения **судебных решений**. Когда этого было мало, на помощь услужливо приходила Государственная дума, весьма оперативно *изменяя действующий закон или принимая новый*, а также **Верховный** и даже **Конституционный** суд Российской Федерации».

Адвокат Вадим Клювгант проанализировал посвоему титаническую работу следственно-прокурорских органов:

«По нашим подсчетам, над фальшивкой под названием «дело ЮКОСа» работали и продолжают работать поныне в общей сложности не менее восьмидесяти следователей, не считая надзирающих и обвиняющих прокуроров и не поддающихся подсчету «сопровождающих» оперативных работников различных ведомств.

Мы считаем, что страна должна знать своих «героев», хотя бы основных. Особая лидерская роль в расправе принадлежит генералу Каримову из Генеральной

прокуратуры. Руководителями следственной группы, помимо Каримова, в разное время являлись Туманов, Безуглый, Хатыпов, Дрыманов, Алышев, членами следственной группы – Русанова, Ганиев, Ибиев, Иоган, Тютюник, Михайлов, Акимов и ряд других.

Это они, входя в состав следственных групп по всем юкосовским делам одновременно или «перетекая» из одного дела в другое, прикрываясь своими полномочиями, превышая их и злоупотребляя ими, попирали права наших подзащитных.

Так называемое материнское, оно же «основное», дело № 18/41-03 было возбуждено 20.06.2003 г. и расследуется до сих пор... По имеющимся у защиты сведениям, срок следствия по нему составил уже около 112 месяцев и... его расследование продолжается.

Первое известное нам упоминание о том, что в отношении Ходорковского существует некое уголовное дело по «отмыванию денег», восходит к 15.08.2003... Ходорковский еще на свободе, и никаких криминальных претензий ему не предъявлялось. Лебедев хотя и арестован за месяц до этого, но совсем по другому обвинению, в котором про отмывание денег не было ни слова. А в Швейцарию летит запрос Генпрокуратуры об оказании правовой помощи «в отношении дела Ходорковского по отмыванию денег». Самим же Ходорковскому, Лебедеву и их защитникам об этом стало известно только весной 2007 года, то есть через четыре года почти, при ознакомлении с материалами якобы законченного расследованием дела, вот этого. Так всё начиналось с большого, системного и многоуровневого притворства и фальсификаций. Так и продолжается до сих пор: говорят одно, пишут другое, на уме же третье, и главное – расправа любой ценой! Факты подтасованы, подогнаны под нужную цель или просто придуманы.

В январе 2004 г. Каримов снова пишет, уже на Кипр, про «...**орггруппу лиц, в которую входят Хо-**

ддорковский, Лебедев и другие лица... «отмывают» денежные средства, незаконно полученные на территории России»... Обвинение в этот момент уже предъявлено, но никакого отмывания в нем нет. Одновременно, 21.01.2004, тот же Каримов выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого Невзлина Л.Б., в котором пишет: **«Невзлин... в составе орггруппы, в которую входили... Ходорковский М.Б... завладел акциями ОАО «Томскнефть» и ОАО «Ачинский НПЗ»...»...** Эта свежая мысль неоднократно повторялась в различных процессуальных документах того периода без каких-либо упоминаний о легализации, а Ходорковский узнал о том, что он обвиняется в совершении этого притворного преступления с акциями только в феврале 2007 г. — через три с лишним года. Лебедев же в составе притворной орггруппы... впервые упомянут только в момент предъявления ему обвинения в том же феврале 2007 г., когда его назначили на роль похитителя вместо совсем другого лица.

Дальше — больше. Постановление Безуглого от 21.06.2004 всё по тому же бездонно-безразмерному делу 41–03: «Орггруппа под руководством Ходорковского М.Б., в которую входили... Лебедев П.Л... похитила денежные средства, полученные от реализации нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий ОАО «НК «ЮКОС», которые ... затем «отмывались» в легальный бизнес»... Вот и еще статьи нашлись для хороших людей! И тоже в 2004 году — за три года до предъявления этого обвинения. Но заметьте, в тот момент, когда Ходорковский с Лебедевым пытаются в Мещанском суде защищаться совсем от другого обвинения, связанного с той же нефтью, но несовместимого ни с хищением, ни с отмыванием!

В июне 2004 г. первое дело направляется в суд, и притворщикам нужно было сделать вид, что следствие закончено. Поэтому фамилии Ходорковского

и Лебедева из документов следствия исчезают, вместо них появляются «не установленные следствием руководители ОАО «НК «ЮКОС». Руководителями ЮКОСа являлись, помимо самого Ходорковского, его заместители, в разное время разные, например: Лебедев (до 1999 г.), Бейлин, Бычков, Невзлин, Брудно, Шахновский, Трушин, Темерко, Мизамор, Сублен. Ходорковский очень подробно об этом рассказывал суду дважды, характеризовал отношения с каждым из этих людей, описывал структуру управления компанией, полномочия менеджеров по уровням управления, порядок делегирования полномочий. Поэтому суду, несомненно, понятно, что круг этот руководителей ОАО «НК «ЮКОС» весьма ограниченный, и следствию в 2004 году он уже очень хорошо известен. Так что никаких «неустановленных руководителей» ЮКОСа быть, разумеется, не могло. Но для притворного обвинения это удобная находка — вместо имен писать про «неустановленных руководителей». Это сначала позволило не доказывать ничьи действия и ничью вину, а потом каждый раз, когда нужно, заявлять, что всюду имелись в виду и Ходорковский с Лебедевым, и любые другие из списка...

...Несмотря на яростное сопротивление и неприкрытый шантаж со стороны прокуроров, в данном процессе достоверно выявлено около полутора десятков фактов, когда под прикрытием «основного» и других юкосовских дел в Следственный комитет вызывались свидетели перед их допросом в суде.

Вызывались они понятно для чего: для освежения правильных, с точки зрения обвинения, сегментов их памяти. Других свидетелей допрашивали по «другим» делам, чтобы потом, даже не вызывая их в суд, просто вбросить в это дело некоторые выгодные прокурорам копии протоколов их допросов и попытаться их огласить в суде как доказательства.

Каков же результат этой колоссальной активности целой следственно-прокурорской армии? Гора родила не просто мышшь, мышшь-уродца. Одно большое притворство, необходимое для прикрытия фальсификаций и истинной цели расправы — вот и весь их результат. Как притворная сделка прикрывает собой другие, истинные, намерения ее сторон, так притворным доказыванием притворной вины заведомо невиновных обвиняемых и притворного ущерба притворным потерпевшим пытаются прикрыть истинное намерение — сломать жизнь людям, заранее назначенным преступниками, любой ценой не дать им выйти на свободу».

Адвокат Карина Москаленко дала квалификацию этой методе:

«Как известно, и сегодня НИ НА МИНУТУ не прекращается «расследование» (а по сути — фабрикация) того «резинового» дела, из которого до сих пор, как из табакерки, «выныривают» все новые и новые обвинения... Во время рассмотрения дела в суде — это было и в первом процессе, и, мы подозреваем, во втором процессе — Генпрокуратура ведет параллельное расследование. То есть налицо весь комплекс того, что Европейский суд называет «недобросовестным или несправедливым обращением с доказательствами»...

Таким образом, в деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона. Собираение доказательств в период расследования уголовного дела сторона обвинения подменила копированием выгодных ей материалов «иных» дел. Все представленные стороной обвинения по рассматриваемому делу доказательства, собранные как до, так и после 3 февраля 2007 года, представляют собой копии материалов иных уголовных дел и являются недопустимыми».

Политический заказ, в котором уже содержится приговор. Обвинение, свободное от законов логики,

необходимости доказывать свою позицию, не противоречить фактам и самим себе... Вам эта парадигма ничего не напоминает? Это реальное советское право.

Конечно, нет былой скорострельности внесудебных троек и завидной простоты выбивания царицы доказательств с помощью пыток. (Хотя дела Алексаняна и Магнитского ставят под вопрос и это допущение.) Однако в принципе стиль и методы прокуратуры, как и ее назначение, мало изменились с советских времен. Это орган приказного права, ориентированный на карательные цели. Дела не расследуются, они создаются. Если надо, обстоятельства подгоняются, фальсифицируются, сочиняются под требуемый приговор.

Столу с четверной голубых мундиров в полковничьих эполетах противостоял стол адвокатов, которые, однако, и не думали тушеваться перед прокурорским напором. Хорошо образованные, эрудированные в разных областях права, уверенные в своей правоте, с острой реакцией. Не смущаясь Власти, они апеллировали к Праву. Отстаивали факты, настаивали на нормах и вообще вели себя так, как если бы дело слушалось не в Москве, а в Лондоне или Стокгольме. Любой фальшак тут же выволакивался на свет, все белые нитки, которыми шито дело, наглядно распутывались. Сочетание обвинений на двух процессах называли «околесицей о мирном сосуществовании налоговых правонарушений и хищений». Ретивых следователей могли запросто окрестить наперсточниками. На Божий суд наперсникам разврата не ссылались, но о Европейском суде напоминать не стеснялись.

В зале № 7 Хамовнического суда, вмещающем от силы несколько десятков человек, словно сошлись лицом к лицу две эпохи. Гласность и 1937 год. И оттого, что эти реальности совершенно не совмещаются, как топор и Интернет, казенный сценарий трагедии с позором провалился. Точнее сказать, он проваливался

каждый раз заново, на каждом заседании, каждый день, что шел процесс. То, что должно было быть страшным, становилось смешным, не переставая быть отвратительным.

Главными действующими лицами процесса были двое обвиняемых. Скованные одной цепью — буквально (их приводили в зал суда и уводили в наручниках, прикованными друг к другу), запертые в одну клетку, они стали как бы двумя половинами единой личности. И эта двуединая личность коллег и друзей, сиамских кандалников, побратимов несправедливой судьбы притягивала как магнит.

Я почти не смотрел на прокуроров, среди которых тон задавал Лахтин — прежде всего своей взвинченностью. Не очень следил я и за печальной мимикой судьи. Так поступал не только я. Все внимание было на железную клетку — стальной аквариум, за пуленепробиваемым стеклом которого на наших глазах проживали свою жизнь эти два таких разных человека с одинаково бледными лицами — многие месяцы они не видели солнца. Один как ртуть, всегда готовый к рукопашному бою. Никакой нюанс происходящего не проскочит мимо него, ни единое слово обвинителей или реплика судьи. Тут же следует саркастический запрос, жесткое заявление, протест — в десятку. Платон Лебедев — это реактор, от которого жди взрыва. Полная противоположность ему Михаил Ходорковский — всегда спокойный, погруженный в свои записи и мысли. Он поднимает голос реже, говорит тихо, но не услышать его невозможно. Разные темпераменты и ролевые функции — и совершенно неотразимый дуэт. Глубина и безупречная эрудиция, в том числе юридическая, само собой. Но тут еще все краски живой человеческой речи — юмор, пафос, убийственный сарказм.

Лексика Платона Лебедева предельно резка. На грани фола, сказали бы в приличном обществе. Но он

и не старается сделать вид, что находится в приличном обществе. Обращаясь к своим гонителям, он не выбирает выражений. Или наоборот: он их выбирает с особой тщательностью:

«Индивидуумы типа Каримовых и Лахтиных, паразитирующие на государственной службе».

Картинка с натуры:

— Ваша честь! Уважаемая защита и Михаил Борисович! Глубоко презируемые члены преступной группы — подставные прокуроры Лахтин и Шохин! Уважаемая прекрасная прокурорская половина, незнакомки — Ковалихина и Ибрагимова, еще не до конца понимающие, в какую мерзость и глупость они вляпались, а также и липовые потерпевшие и гражданские истцы...

— Ваша честь, это переход на личности! — очнулась до того молчаливая Валентина Ковалихина.

Мужчины-прокуроры честь дам не отстаивали и уткнулись в бумаги. Лебедев продолжил:

— Это вовсе не обвинение. Это полная шизофрения, противоречащая не только закону, но и здравому смыслу фальшивка, изобретенная ОПГ (организованной преступной группой) Бирюкова–Каримова для легализации преступлений и злоупотреблений власти, совершенных по так называемому делу ЮКОСа, по которому была уничтожена и разворована разной политической и уголовной шпаной лучшая нефтяная компания России...

На любой вопрос следует прямой ответ:

— Как вы относитесь к действиям власти в отношении юристов ЮКОСа Василия Алексаняна и Светланы Бахминой?

— ...Это бесчеловечно в XXI веке, это возврат к гестапо. На этих безвинных людях «шпана» тренируется и, возможно, готовит себя к новым «подвигам»...

— Как вы можете охарактеризовать сегодняшний политический строй в России?

— ...у нас сейчас правящий режим похож на режим политической и уголовной шпаны...

— Почему власть так опасается вашего освобождения и пытается сфабриковать новое обвинение?

— ...В том числе потому, что меняться местами не хочет...

Перед судьей он тоже не испытывает ни малейшего трепета.

«— Я вам вынужден предложить давать показания, — перебил судья Лебедева, — поскольку это никак не заявление.

— Я обращаюсь к суду с заявлением! — объяснял Лебедев.

— Вы анализируете выступление прокурора. Вы можете говорить об этом в прениях или в своих показаниях, — настаивал судья.

— Еще раз. Я обращаю сейчас ваше внимание на то, что государственный обвинитель Смирнов вас просто обманывает. Это пока еще не заявление о его отводе. Я всего лишь показываю суду, каким образом вас нагло обманывает государственный обвинитель, делая заявления, которые заносятся в протокол судебного заседания!

— Платон Леонидович! Я уже сегодня говорил о необходимости соблюдать статью 9 УПК. Я прошу вас воздержаться от подобных высказываний, иначе я лишу вас возможности говорить!

— Прокурор, когда обращается к суду, должен подкреплять свои доводы какими-либо доказательствами!..»

Сколько раз мы были свидетелями таких перепалок.

И еще одна цитата, более развернутая, чтобы лучше оценить стиль и прочувствовать личность. Из лебедевского блога.

«Тупость (в обычной, повседневной жизни) — это когда настаивают на очевидной глупости. Каждому из

нас в разное время приходилось с этим встречаться в своей жизни. Просто сейчас (наверное, время такое) я столкнулся еще и с тупостью отечественного судопроизводства.

А вот тупость стороны обвинения в уголовном судопроизводстве — это преступление и злоупотребление властью...

Среди откликов, которые появились после моего первого поста в блоге, был и такой вопрос: «Вам доставляет удовольствие ловить на ошибках следствие и прокуроров? Или в этом есть какой-то юридический смысл?»

Для меня слова «следствие» и «прокурор» в так называемом деле ЮКОСа уже давно (седьмой год) являются синонимами слова «шпана»... Несоответствие формы и ее содержания, на мой взгляд, очевидны. Отмечу только, что намеренные (т. е. преступные) «ошибки» так называемого «следствия» и «прокуроров», которые наложились на их явное невежество, это не просто банальное преступление против правосудия. Невежество придает преступлению явный шизофренический характер.

Я уже высказал суду свою позицию (точнее, позицию моего любимца Мишеля Монтеня, которую я полностью разделяю), как должны добросовестные люди относиться к ошибкам. В «Опытах» «Великий француз» в таких случаях советовал своим ученикам:

«...Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться, что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их — свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным

душам, и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора — качества редкие, ценные...»

Поскольку у нас случай иной, то это не «ошибки», это — преступление власти и фикция законности.

А юридический смысл как раз и заключается в том, чтобы общество в итоге понимало, что это не так называемые «ошибки», а преступление шпаны.

P.S. Профессионального удовольствия от ловли невежд на «ошибках» получить нельзя. Они мне не оппоненты. Это не поза, это — факт.

Мое отношение к т. н. «российскому правосудию» в ходе второго процесса не изменилось — правосудия нет. Есть специальная система уголовного судопроизводства (а не правосудия), которая, манипулируя нормами процессуального и уголовного права, старается услужить власти.

Фактически гражданское законодательство, в соответствии с которым строятся жизнь общества и экономика страны, не имеет никакого значения для профессионально деградировавших следователей, прокуроров и судей.

Примитивное и вульгарное понимание уголовного права и его соответствующее применение этими «оборотнями» от права — самый большой удар по государственности России. Относительно коррупции, клановости и семейственности в прокурорско-судейском бизнесе примеры, полагаю, приводить не надо — они хорошо известны.

Другая проблема так же очевидна — это отсутствие реальной независимости судей, их зачастую прямое неподчинение Конституции РФ и закону, а подчинение власти.

Я пытаюсь помочь нашим судьям стать более профессиональными и независимыми. Если в том же самом будет заинтересована высшая власть, то институт

правосудия (особенно в уголовных процессах) появится достаточно быстро. Если общество и власть в этом не заинтересованы, правосудия не будет никогда...

Но я уверен, что нашей стране, нашему обществу необходим институт правосудия, поскольку без него мы мало чем будем отличаться от варваров и о цивилизованном мире будем только мечтать, а риск превращения остатков гражданского общества в толпу резко увеличивается, вплоть до развала страны.

Это мои короткие тезисы, которые я сообщаю адвокатам во время кратких перерывов в процессе, так что если где-то не до конца понятен смысл и небезупречна стилистика, заранее прошу извинить».

«Платон мне друг, но...» Но попробуем проникнуть в логику обвинения — «без гнева и пристрастия».

Как все-таки осуществлялось по представлению прокуратуры это грандиозное преступление, хищение всей юкосовской нефти?

Прежде всего, она не юкосовская, утверждает обвинение. А чья? Тех, кто ее добыл! «Юганскнефтегаз» и другие добывающие компании извлекли ее из недр Земли, и потому вся выручка, полученная от конечной продажи ее по мировым ценам (цена Роттердамской нефтяной биржи), должна принадлежать им, и никому иному. Иное распределение прибыли — и есть то, что фактически инкриминируется Ходорковскому, Лебедеву и организованной группе.

Формальная логика немедленно начинает брыкаться, как норовистая лошадь. Даже если это так, то как можно говорить о «хищении всей нефти»? В крайнем случае — об отчуждении части прибыли... Но приструним логику, даже если для этого придется огреть ее кнутом.

Как выглядело движение нефти от вышки до Роттердамской вешки — физически и финансово-экономически?

«Юганскнефтегаз» и другие компании ее добывали и доставляли до трубы «Транснефти», по которой она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом) или до портовых терминалов, где перегружалась на танкеры, на которых она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом). В такой констатации это выглядит просто, почти как дубинушка, которая сама пойдет, или Илья Муромец, на 33-м году жизни отправившийся в мир, не слезая с печи. Но хотя нефтяной бизнес не принадлежит к числу высокотехнологичных, с печи приходится слезть, чтобы решить транспортные, логистические, торгово-финансовые задачи — заключить оптимальные договора на продажу и на прокачку, заплатить налоги, уплатить экспортные пошлины и т. д. В вертикально интегрированной компании ЮКОС (как и в любой другой — частной или государственной) это обеспечивали профильные фирмы.

Каждый занимался своим делом. Добытчики добывали и добытую нефть продавали ЮКОСу для дальнейших операций. Законная ли это операция? Настолько, что это даже подтверждено судом. Предыдущим — Басманным. Тот постановил, что ЮКОС, как законный собственник всей купленной у компаний-добытчиков нефти, недоплатил налоги. Доплатил или недоплатил — другая тема. Но то, что он добросовестный покупатель и законный владелец, суд зафиксировал черным по белому.

— По какой цене покупал ЮКОС нефть у своих добытчиков? По средней цене, которая складывалась в местах добычи (общепринятая практика). Реально это означало для компаний-добытчиков работу с заметной прибылью, обеспечивающей расширенное производство (самое динамичное в стране) и приличные зарплаты. Производством нефтепродуктов, маркетингом, сбытом занимались другие юкосовские фирмы. ЮКОС в этом сложном организме был мозгом или, если хотите, Госпланом.

Лучшая ли это организация? Хороши ли вообще принципы, на которых строится транснациональная

РЕЖИМНЕ ЯГ-14/10
ПО ПУКАВАНИИ

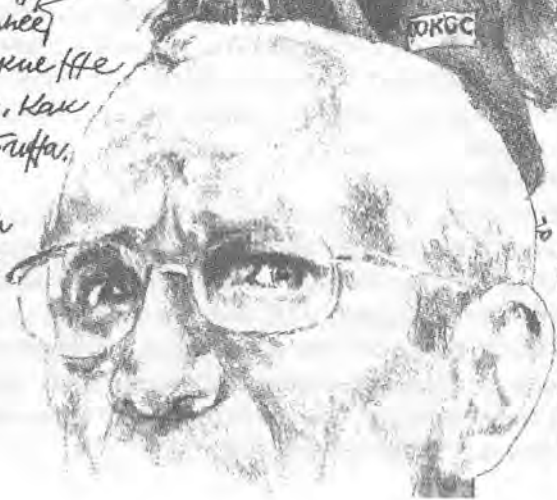

Невозможно навязать
большому социальному
организму гарантии
функции законодатель-
ства и свободы.
Фомберн Райх

Свобода отходы
не означает, что
в зале суда
ишь ишь

Также не
права, как
исступал.

Фомберн Райх

Дег!

вертикально интегрированная корпорация? Философы-моралисты, жители фаланстер или фавел, доктринеры равенства в диапазоне от Совка до Савонаролы, монахи-схимники, дервиши, пинейные бронезилеты, прокурорские работники — да кто угодно — могут иметь по этому поводу самые разные идеи. Что никак не отменяет капитальной реальности. Все эти трансакции и управленческие решения принимались в рамках одной системы. Все компании — добывающие, производственные, инфраструктурные, торгово-сбытовые — принадлежали ЮКОСу (стопроцентные «дочки»), и Ходорковский был его основным владельцем.

Суд может объявить эту практику вне закона. Без сомнения. Но только в одном случае. Если первым пунктом своего высокого решения заявит: «Суд постановил, что на территории, ему подведомственной (бывший СССР, РФ, Москва и Московская область или хотя бы Хамовническая округа) право частной собственности, ошибочно полагавшееся священным, вновь объявляется преступным». В последнем случае Хамовники придется объявить еще и офшором.

Пора предоставить слово самому Ходорковскому. Почитайте. Не знаю, на что рекомендовать обратить внимание — на стиль или на суть. Решайте сами. Сам Ходорковский просит только об одном: «Я прошу ~~общественность в ходе процесса сравнивать понятность и открытость моей позиции с закрытостью и непонятностью сути обвинения~~».

«Ваша честь, я буду исходить из обвинения в том, что я похитил всю нефть. Как звучало первичное обвинение: «Похищено 350 миллионов тонн нефти». Сделана корректировка: «Похищено 218 миллионов тонн нефти».

Как могла пропасть вся нефть, передаваемая производителем в государственную трубопроводную монополию, да так, чтобы десять лет этого никто не заметил?

Почему я говорю про всю нефть?

«Подсудимые совершили действия, направленные на хищение путем присвоения всей нефти, добываемой указанными акционерными обществами». «Ходорковскому было заведомо известно, что своими действиями по изъятию по трансфертным ценам всей добываемой нефти...». Это уже после отказа от части обвинения, поэтому я и говорю про «всю нефть».

Вся нефть ЮКОСа — это 20 % общероссийской добычи. Это железнодорожный состав, трижды огибающий Землю по экватору. После корректировки — дважды, если это кажется более реалистичным. Что с этим делать суду? Сказать: «Да, похищено»? Как?

У нас пока — включая прения — одни отрицания. Что они говорили? «Не канистрами», «не бочками», «не по договорам». А как? Ответа нет. Никаких практических действий, которыми можно было бы похитить нефть, не названо. Куда дели? Ответа нет.

Каким образом столько лет скрывали от 150 тысяч сотрудников компании, от отраслевых аналитиков, от аудиторов, от Минобороны, ФСБ, прокуратуры, МВД, которые покупали топливо, изготовленное из этой нефти? Причем миллионы тонн.

Откуда у ЮКОСа огромная выручка — 55 миллиардов долларов (она, к слову, равна по цене произведенной и проданной нефти)? Откуда эта выручка, если нефть похищена?!

Почему с ЮКОСа истребовали дополнительно более 30 миллиардов долларов налогов, если нефть похищена? Как смогли получить с ЮКОСа эти налоги, если все похищено?

Вопросы простые, а ответов нет.

Как, не потеряв лицо, вынести обвинительный приговор? И что вы думаете — что прокуроры это не понимали? Да всё они прекрасно понимают.

В любом суде, руководствуясь презумпцией невиновности, отсутствие в обвинительном заключе-

нии ответов на такие простые и очевидные вопросы означает полное оправдание».

Это фрагмент из выступления Ходорковского в Хамовническом суде.

Кажется, иногда они просто развлекались.

Среди прокурорских перлов был и такой. Они опротестовали термин «скважинная жидкость», заявив, что его придумал лично Ходорковский — естественно, в воровских целях. Возражение, что это матушка природа рождает смесь нефти, воды и примесей, требующую переработки, отлетало как от стенки горох...

В один прекрасный момент из-под стола защиты были торжественно извлечены две банки — литровая с черной маслянистой нефтью и трехлитровая с «несуществующей» черно-прозрачной скважинной жидкостью. Банки не просили приобщить к делу, и так все было ясно.

Физическая презентация органично перешла в финансово-экономический практикум для несмекалистых. Обвинение постоянно занимается фокусами с «объектом хищения», подменяя понятия: в одних случаях это «нефть», в других — «право собственности». Но пусть тогда оно скажет, как именно совершалось хищение. Ведь это совершенно разные действия! Право собственности передается по договору — без передачи самой нефти. Его не нужно ни переливать, ни перекачивать.

— Посмотрите, как это делается, ваша честь!

Прямо в суде Ходорковский и защитник заключают сделку — один продает другому право собственности на этот самый литр нефти, при этом сама банка остается на столе...

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто чтобы вы обзрели это.

— Да уже обзрели! И понюхали!..

Недовольный судья распорядился прекратить «пожароопасный эксперимент». Приставы забрали банку

и вынесли из зала. Зал рассмеялся: вот теперь произошло физическое «хищение нефти», «собственник» остался с пустой распиской. Приставы логично довершили презентацию.

Еще одно выступление Ходорковского:

«Хочу сделать суду и государственному обвинению предложение. Это предложение не будет соответствовать ст. 90 УПК. Но данный процесс вообще слабо соотносится с УПК. Предложение, как говорится, «по понятиям», как говорят теперь не только в местах лишения свободы, но и в правительстве РФ.

Обвинение утверждает, что нефть у «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти» похищена. Похититель я. Законный собственник нефти в период совершения преступления — «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть». В то же время существует 61 судебное решение, где установлено, что нефть у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефти» куплена. Куплена ЮКОСом. Собственник ЮКОС. Законный. Незаконных собственников не бывает. Собственник ЮКОС или действующие в его интересах торговые «дочки». Именно данное фактическое обстоятельство, что ЮКОС собственник нефти, оно не проходное, оно не просто так установлено судами, послужило основанием ряда выводов этих судебных инстанций на общую сумму более 30 миллиардов долларов, заплаченных в бюджет.

Кроме этих более 50 судебных решений существует аналогичная позиция РФ в Страсбурге и в Гааге. Там тоже утверждается, что «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Томскнефть» продали, ЮКОС купил, должен был налоги заплатить, именно в связи с этим его обанкротили...

Предлагаю государственному обвинению продемонстрировать свою последовательность — показать, что господин Чайка, наш уважаемый генеральный прокурор, понимает последствия того, что предлагается сделать в Хамовническом суде, и публично берет от-

ветственность на себя. Чтобы потом Хамовнический суд не склоняли как образец наряду с некоторыми другими московскими судами.

Принесите прокурорские представления (когда будете выступать со своим словом) на отмену всех судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, где ЮКОС, его торговые «дочки» определены законными покупателями продукции у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза», «Томскнефти», а они, соответственно, определены ее законными продавцами и собственниками, обязанными именно в связи с этими обстоятельствами платить налоги. Наиболее важных решений по суммам пять. О налогах ЮКОСа за 2000, 2001, 2002, 2003 годы и, конечно, о банкротстве ЮКОСа. Принесите представление! Еще не отменил Верховный суд ничего. Только представления.

Вы демонстрируете, что ваша позиция не жульническая, а последовательная, а я отказываюсь от участия в прениях и прошу о том же своих адвокатов.

Ваша честь, я, конечно, не смогу признать себя виновным в хищении нефти, поскольку сторона обвинения не смогла изложить в обвинительном заключении механизм такого события, а я не способен его придумать, не прикидываясь идиотом. Но я готов оставить все это на усмотрение суда!

Вот такое предложение! Вносите представление на отмену судебных решений, а я и мои адвокаты отказываемся от участия в прениях. Спасибо, ваша честь!»

И наконец, третий фрагмент. Это выступление Ходорковского в конце прений.

«Уважаемый суд, уважаемые оппоненты, адвокаты и присутствующие!

Начну свое выступление с перечисления того, что доказали наши оппоненты в ходе прений.

Они доказали, что я и мои коллеги владели компанией «Group Menatep Limited». Эта компания существует

по сей день, ее легальное существование признано судами.

Доказали они и то, что компания «Group Menater Limited» владела контрольным пакетом акций ЮКОСа, а мы – акционеры этой компании – обсуждали свои деловые интересы на заседаниях, и даже с ведением протокола. Эти протоколы наши оппоненты продемонстрировали.

Также они доказали, что ЮКОС владел сначала контрольными, а потом стопроцентными пакетами акций дочерних добывающих компаний и «Восточной нефтяной компании»...

Оппоненты доказали, что добывающие предприятия ЮКОСа, а также собственно «ВНК», продавали нефть, продавали акции (причем делали они это с согласия ЮКОСа – своего основного, а затем и единственного акционера), получали выручку, прибыль, расширяли производство.

Также доказано (и оппоненты подтвердили это в прениях), что компании, входящие в торговый блок ЮКОСа, покупали и продавали нефть и нефтепродукты, получали выручку, размещали временно свободные средства, использовали их в хозяйственной деятельности (то есть вкладывали в производство, новые активы), выплачивали акционерам дивиденды.

Доказано и то, что я руководил ЮКОСом, сотрудники компании подчинялись мне, а также своим непосредственным руководителям, и действовали в рамках своих должностных инструкций...

Также оппоненты доказали, что решениями судов, вступившими в законную силу, установлено – ЮКОС становился собственником всей добытой нефти, покупаемой им у своих дочерних предприятий.

Таким образом, обвиняя меня в «присвоении с использованием служебного положения», оппоненты одновременно презюмировали, что я – законный

владелец акций ЮКОСа, имеющий в ЮКОСе исполнительные полномочия, что ЮКОС — законный владелец акций добывающих дочек, включая «Томскнефть», а их исполнительный орган — «ЮКОС ЭП» — законно назначен и законно вверил полномочия своим представителям, подписавшим договоры, которые и есть способ распоряжения вверенным имуществом. Юридическая логика однозначно говорит, что это именно так. Иначе обвинение в присвоении с использованием служебного положения в принципе было бы невозможно.

Должен сказать, что я согласен с доказанными фактами. Если в этом прокуроры видят мое признание, то это признание в обычной, нормальной хозяйственной деятельности, которую в виде обвинительного заключения можно представить только по заказу.

Были в выступлениях моих оппонентов и определенные шероховатости. Главное — они призывали вас, ваша честь, признать решения других судов, установивших ряд фактических обстоятельств, принятыми под влиянием обмана или неполного анализа ситуации.

Я был бы согласен, чтобы Хамовнический суд поддержал наших оппонентов в этой части. Я даже, если вспомните, перед переходом к прениям просил оппонентов внести так называемое представление на отмену упомянутых судебных решений. Почему? Экономически мне выгодна отмена судебных решений, приведших к банкротству компании ЮКОС, потому что в этом случае, как ее бывший акционер, я имею право рассчитывать на весьма значительное возмещение.

Но наши оппоненты не стали писать представление...

...Я просил бы обратить ваше особое внимание на господина Ковраева — заместителя руководителя управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры... «Часть от полученной при реализации нефти выручки направлялась также на создание определенной доли прибыли с целью ее ис-

пользования для получения еще большей прибыли». Вот в этом я обвиняюсь. Нормально, да? На двадцатом году существования в России рыночной экономики...

Что говорится в обвинительном заключении?

«Изъятие нефти у нефтедобывающих предприятий по трейдерским сделкам приводило к занижению прибыли предприятий»...

...Вот теперь давайте посмотрим, что же происходило с прибылью. Наши псевдо-потерпевшие прислали вам справки. Я их позволил себе отразить графически.

Сверху — это выручка по годам трех наших псевдо-потерпевших. Красная линия — это затраты на производство, себестоимость или фактическая стоимость, как я ее называю. А зеленая линия — это разница между ними, валовая прибыль. Так вот, эта прибыль — 2 миллиарда долларов.

Я в дополнительных показаниях говорил о том, что численность добывающих подразделений ЮКОСа была 18 тысяч человек... Общая численность сотрудников компании на 2001 год была порядка 110 тысяч человек. Компания получила прибыль, и это признано стороной обвинения, — 15 миллиардов долларов за эти годы. Сколько должно было прийти на 18 тысяч работающих? Пропорция простая — порядка 2 миллиардов.

На этом слайде показан среднесуточный объем добычи по годам, с 2000 по конец 2002 года, дальше данных в материалах дела нет. В ЮКОСе, «Юганскнефтегазе», «Томскнефти» и «Самаранефтегазе», у всех — добыча растущая.

Цитирую господина Смирнова, 15-го числа он об этом говорил в прениях: «Цена устанавливалась организованной группой в целях воспроизводства похищаемой продукции».

Судя по графику, скорее речь идет о расширенном воспроизводстве, во всяком случае, в курсе политэкономии нас учили именно так... Спасибо г-ну Смирнову,

подтвердившему очевидный фант: если предоставлялось денег достаточно хотя бы на воспроизводство нефти, то это значит, что реального ущерба не было.

Следующий график не имеет отношения к делу, но столько раз нас укоряли в грабительской добыче, что я не мог смолчать в прениях. Грабительская добыча — это та добыча, которая ведет к тому, что нефти остается в земле больше, чем при нормальной добыче. В этом случае при добыче часть нефти добывается, а остающаяся часть падает. Если добыча грабительская, то запасы падают более резко, чем при нормальной добыче.

Обратите внимание — объем доказанных запасов растет по всем трем подразделениям компании ЮКОС и по компании ЮКОС в целом. Что это означает? Эффективность добычи растет.

Теперь посмотрим на тему с точки зрения здравого смысла. С точки зрения здравого смысла и права невозможно объяснить, почему нефть и выручка или прибыль у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефти», являющихся стопроцентными дочками ЮКОСа, — это их собственность, а не собственность ЮКОСа. То же самое у «Ю-Мордовии», «ЮКОС-М» и других предприятий, которые у них покупали и которые названы «инструментами» похитителя, а они — стопроцентные дочки ЮКОСа или действовали в его интересах.

Однако судом утверждается, что это не их собственность и не собственность ЮКОСа, а обращено в мою пользу, а в другом месте обвинительного заключения... эта же самая нефть считается не просто обращенной в мою пользу, но еще и «отмытой».

Вот как эту логику вы себе представляете, ваша честь?..

...Было бы странно, если бы ЮКОС покупал нефть у своих добывающих дочек по ценам Роттердама, потом нес все затраты и продавал, в лучшем случае, опять по ценам Роттердама, а 60–70% — гораздо дешевле, на

внутреннем рынке. Ведь всю нефть, и даже ее половину, экспортировать невозможно, а покупать ее в России по цене Роттердама желающих точно не нашлось бы. Ну, разве что господин Лахтин поспособствовал бы.

И напомним: в добывающих «дочках» работало 18 300 человек, в ЮКОСе — 110 000. Как суду решить, что 18 тысяч должны были быть в большом плюсе, а все остальные 100 тысяч — в столь же большом минусе? Непонятно.

Но самая интересная картина, ваша честь, разворачивается, если посмотреть на все это безобразие в совокупности. Обвинение предъявлено в хищении нефти, и только. Это значит — безвозмездное, противоправное завладение жидкостью черного цвета против воли собственника...

Однако псевдопохищенная нефть, оказывается, получена потребителями. Вся. Те, кому псевдопотерпевшие ее непосредственно отравили. Факта преступления нет...

...ЮКОС... оплатил ее потерпевшим, то есть продавцам, по договорам купли-продажи... Цены равнялись средним ценам других производителей. Потерпевшие полученной выручкой от реализации псевдопохищенного полностью компенсировали фактическую стоимость нефти, то есть свои затраты на производство, и получили прибыль, что ни они не отрицают, ни сторона обвинения не отрицает, ни эксперты, ни решение Басманного суда.

И это заявляют мои формальные оппоненты сами, по доброй воле, без сговора со мной. Басманный и Арбитражный суды города Москвы это подтверждают. Спасибо им всем...

Если это — хищение, то, ваша честь, оцените как хищение и свои собственные действия.

Вот вы сегодня завтра пойдете обедать в зависимую от вас, как от председателя суда, столовую. За обед

вы, конечно, заплатите. В версии стороны обвинения — несомненно для того, чтобы обеспечить возможность последующего хищения обеда. Столовая не понесет ущерба и даже, вероятно, получит прибыль, но не максимально возможную. Любопытно сопоставить цены в судейской столовой с ценами в гостинице «Рэдиссон-Славянская». Я думаю, ни один судья по тем ценам не купил бы обед. Я уж не говорю о Роттердаме. Если вы оплатите обед своему знакомому, то хищение будет, видимо, уже в организованной группе. Приятного аппетита.

Где в обвинении хоть слово про продажу нефти за рубеж по внутренним ценам? Наоборот, говорят — цель была продавать дороже.

Где про яхты и дворцы, приобретенные мной или организованной группой за счет ЮКОСа? Где про переводы на мои личные счета?

Ничего этого в обвинительном заключении и в материалах дела нет.

Я весьма признателен стороне обвинения, что все вызванные ею в суд свидетели обвинения фактически стали свидетелями защиты.

Я не упрекаю следователей и государственное обвинение в том, что они не оказались героями и не смогли отказаться от выполнения преступного приказа — ценой любой фальсификации посадить Ходорковского и Лебедева навсегда. Но я высоко ценю их усилия по подготовке обвинительного заключения, из которого более чем ясно вытекает наша с Платоном Леонидовичем Лебедевым полная невиновность. А также за выступления их свидетелей и поведение государственного обвинителя Лахтина в суде.

Валерию Алексеевичу — особая благодарность. Его удачные репризы навсегда войдут в сокровищницу российского искусства. А каким гражданским мужеством нужно было обладать человеку, взявшему мишенью

своей многомесячной пародии внешне суровую фигуру государственного обвинителя. Спасибо ему.

Именно благодаря оппонентам в нашей невинности убедились, кажется, все, кто интересовался ходом процесса. И в России, и за рубежом. Следствие и обвинение сделали всё, чтобы у суда не осталось ни единого законного шанса не оправдать нас. Спасибо вам, уважаемые юристы, я вам этого не забуду.

Уважаемый суд, я понимаю, оправдательный приговор в московском суде – событие почти фантастическое. Но мои оппоненты очень старались. Оцените их усилия по достоинству.

Иначе в следующий раз они могут просто плюнуть на пустой лист бумаги и со штампом «Генеральная прокуратура. Копия верна» прийти к вам за 14-летним приговором. Собственно, сейчас в суде фактически происходит то же самое.

Большое спасибо за внимание».

Спасибо Ходорковскому.

Спасибо за его слово. Это такое слово, что веришь и в дело.

Спасибо за несравненное удовольствие, которое получаешь как слушатель и зритель.

Может быть, это звучит цинично – как благодарность публики идущим на смерть гладиаторам. Но зал № 7 – пусть не Дворец правосудия, но все-таки и не Колизей. Кстати, цезаря сюда вызывали – в качестве свидетеля, но тот постарался уклониться. Некоторые близкие к персоне цезаря фигуры пришли и дали показания (Христенко, Греф), но не Сам. (Не потому ли, что его присутствие здесь и без того ощущалось сверх всякой меры?)

Ходорковский с Лебедевым не гладиаторы.

Их выступления – блистательные презентации по социэкономике – в умной стране показывали бы по телевидению. Как лекции, которые с некоторых пор показывает канал «Культура», честь ему и хвала.

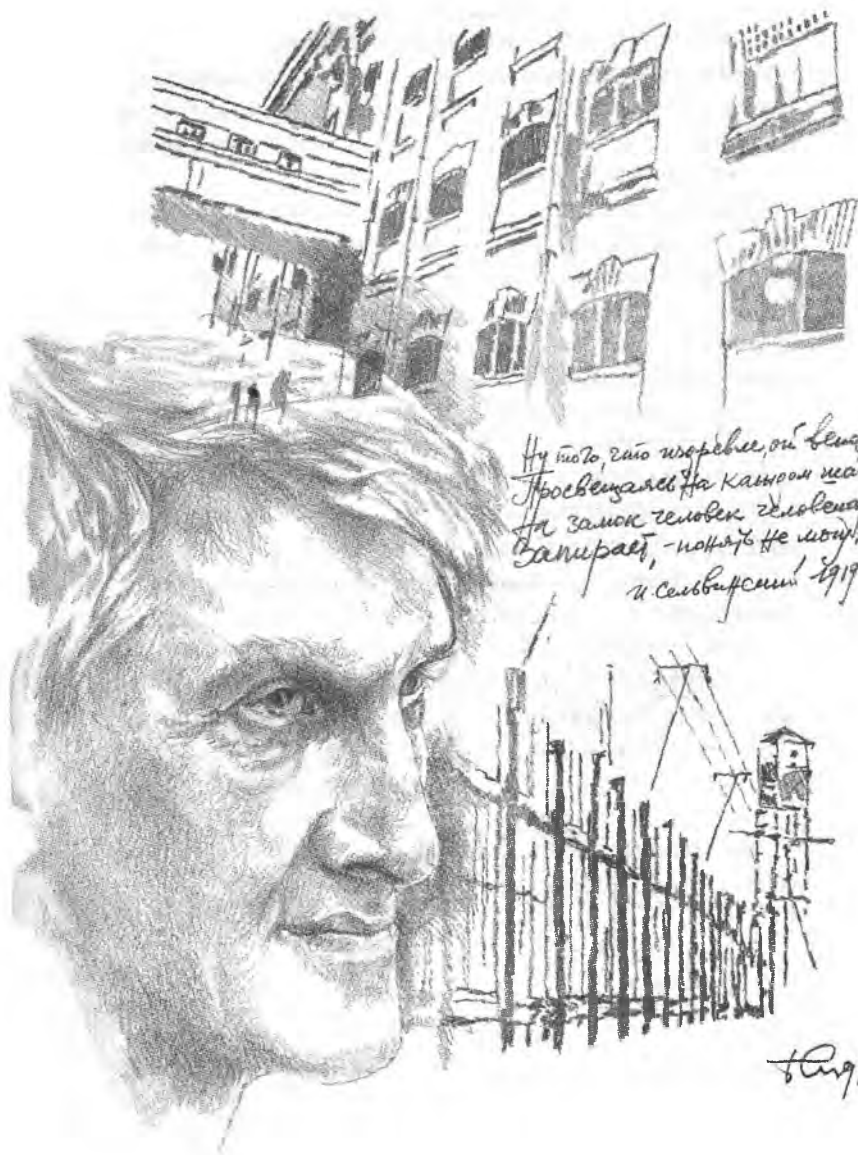
Искрящийся интеллект, богатство знаний, житейская мудрость... И внутренняя свобода. Это речи абсолютно свободных людей — вот в чем их неотразимое обаяние.

Смысл процесса — затеянной против них жестокой игры на уничтожение — заключался в том, что у них отнимали — одну за другой — все степени свободы. Дело, собственность, положение в обществе — все, чего они достигли в этой жизни. Чтобы подавить личности, с вершины мира их опустили на дно. Итог — с точностью до наоборот: свобода от страха и иллюзий.

На пике успеха они были функцией власти и собственности. «Приходилось на многое закрывать глаза, со многим мириться — ради собственности, ее сохранения и приумножения. Не только я управлял собственностью — она управляла мною», — признается Ходорковский. Теперь у них есть только то, что они представляют. Только то, что внутри, что выстрадано и оплачено по высшему счету. Заказчики сильно просчитались. Личности, распрямившиеся во весь рост, с неограниченным кругозором, демонстрирующие ущербность бесконтрольной и произвольной власти, обрели совершенно иной социальный статус.

Возможно, водоразделом стала черта между первым и вторым процессами. Про первый процесс еще можно сказать, что в нем была какая-то рациональность, хотя и в сильно извращенном смысле. Как рационален государственный переворот, который оправдывает полученная власть, или разбойное нападение, наградой которому служит захваченная собственность. Второй процесс не имеет и такого оправдания. Это чистый произвол, упертость властной дубины. Пусть все видят: она занесена, и в любой миг может опуститься на любую голову.

Олигархи — неугодные — политические заключенные — узники совести — властители дум... Такой сегодня

Ну что, это шорелес, ой влад,
Просветалес на камнои меду,
на замок человек человека
запирал, - ночью не шод!!
и сельвирский! 1919

Стар.

крестный путь. Это не был их выбор. Точно не их. Но то, что не было их выбором, им стало. Свой судный час они приняли как высшую миссию, которую им нужно нести. Не их вина, что единственное место, куда и откуда им дозволено ее нести в 2010 году, это Хамовнический суд, казенный зал №7.

Первый процесс уже был политическим. Таковым его сделали своим заказом его инициаторы и организаторы. Второй стал политическим не только «сверху», но и «снизу». Обвиняемые осознали себя политическими узниками. Они понимали, что их защита есть акт политической борьбы и может быть только таковой.

Тут надо оговориться. Слово «процесс» многозначно, в естественных науках оно означает одно, в юриспруденции другое. Точно так же слово «политика» в открытом обществе означает одно, а в авторитарном совершенно иное. В тоталитарном обществе ее просто нет, политикой там являются химические реакции, протекающие в мозгу одного человека. Что это за процесс и какие процессы он может порождать, мы знаем по 1937 году. Это была патология — по-видимому, медицинская и, безусловно, социальная, оставившая свой след и через многие десятилетия.

В деле Ходорковского тоже присутствует некая патология. А потому поговорим о властной химии — о взаимоотношениях Ходорковский–Путин. Это можно назвать «третьим процессом».

ПЛЯСКИ С ТОПОРОМ

Защита вызывала Путина в Хамовнический суд в качестве свидетеля. В суд Путин не явился, но свои свидетельства дал. Не отходя от трона. Сначала шепотом, как бы на ушко доверенным слушателям. Потом очень громко.

...«Разговорсародом». Я бы писал это словосочетание слитно, как «Околоноля». Это регулярное официальное телешоу уже даже не жанр, это парадигма. Лицом к лицу субъект и объект власти. Субъект в телецентре, как в центре мироздания, что в данном случае одно и то же. Сидит. Организованный, притом без всякого ОМОНа, объект построен и стоит — во всех городах и весях необъятной страны. Объект строго по очереди вопрошает, субъект великодушно отвечает. Виртуальное действие единения и благодати катится час за часом от пояса до пояса, от рекорда к рекорду — как по писаному. Самые главные ответы точно были писаны раньше, чем вопросы. По-иному, впрочем, и не может быть в системе, где все импульсы исходят от субъекта. Это демократия вертикали в самом наглядном виде. Идеальная модель взаимоотношений национального лидера со своими подданными. Познавательная ценность «разговорсародом» — «околоноля». Хотя нет, кое-какая информация — психологическая по преимуществу — просачивается помимо воли. Это ведь един-

ственное ток-шоу не в записи, живьем. Задействованы все пиротехники и пиартехнологии, личность на экране упакована по всем законам должного и желаемого, но так хочется при этом быть живым и сексапильным. А самое главное, личность ведь остается сама собой, что и проявляют порой крупный план и остаточная спонтанность действия.

«По-моему, Фридрих Великий, один из прусских королей, сказал: «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак», – блеснул Путин. Это ему задали вопрос про животных. И очень удачно добавил: «Но это никак не связано с моими отношениями ни с министрами, ни с моими друзьями, с коллегами...»

И чему я это? Я ведь собираюсь прокомментировать пассаж про Ходорковского, а он уж точно не входит в число министров – коллег – друзей.

Вот эти злосчастные вопрос – ответ.

«Э. МАЦНЯВИЧЮС: Когда отпустят Ходорковского?»

В. ПУТИН: Я когда во Франции был, мне тоже этот вопрос задавали. Известный фигурант находится в местах лишения свободы по приговору суда. И проблема не в том, когда и кого отпустят, а проблема в том, чтобы преступлений подобного рода у нас больше не повторялось.

Речь идет в данном случае о хозяйственных преступлениях. Кстати говоря, процедуру банкротства компании «ЮКОС» инициировали западные кредиторы, западные банки. И это банкротство было осуществлено в полном соответствии с российским законодательством.

Я об этом никогда еще публично не говорил, но сейчас скажу: реализованные от продажи активов компании «ЮКОС» средства поступили в бюджет, но не просто в бюджет. Когда это произошло, а основная масса средств поступила в 2006 году, я тогда убедил своих коллег в том, что мы не просто должны погрузить эти средства в бюджет и там растворить или отправить

их в резервы, хотя и резервы нам сейчас пригодились бы, но использовать их на тех направлениях, которые являются наиболее острыми.

Если когда-то эти деньги были украдены у народа, надо отдать их напрямую этому самому народу. Причем не просто какой-то массе людей, а конкретным людям — тем, которые оказались в наиболее сложных жизненных условиях в результате тяжелых, я бы сказал, даже трагических экономических событий начала и середины 90-х годов; наименее обеспеченным категориям граждан Российской Федерации. Из этих средств, вырученных от реализации активов компании «ЮКОС», мы сформировали Фонд жилищно-коммунального хозяйства, в который направили 240 млрд. рублей.

Результатами работы этого фонда воспользовались уже 10 млн. человек, которым отремонтированы дома и квартиры, 150 тыс. будут переселены в новые дома из трущоб. Фонд будет функционировать и дальше. Эти средства пошли также на благоустройство в городах и поселках Российской Федерации.

Что же касается другой составляющей, а именно криминальной составляющей, то здесь мы тоже будем действовать исключительно в рамках российского законодательства.

Никто не вспоминает, к сожалению, о том, что в местах лишения свободы находится один из руководителей службы безопасности компании «ЮКОС». Вы что думаете, что он действовал по собственному усмотрению, на свой собственный страх и риск? У него не было конкретных интересов. Он не главный акционер в компании. Ясно, что он действовал в интересах и по указанию своих хозяев. А как действовал? Там только доказанных убийств — пять.

Нужно было им присоединить к своему офису в Москве рядом магазин «Чай». Женщина возглавляла это коммерческое малое предприятие. Вызвали, потребова-

ли отдать. Не отдала — киллер застрелил ее прямо на лестничной площадке на глазах у собственного мужа.

Мэр города Нефтеюганска, где осуществлялась основная производственная деятельность компании «ЮКОС», — что он требовал от компании? Налоги платить. Убили.

Те люди, которыми пользовались руководители службы безопасности для организации убийств, семейная пара, начала шантажировать их, требуя себе долю в бизнесе. Убили.

Это доказанные преступления, доказанные в ходе следствия и судебного разбирательства. Давайте не будем забывать и об этом.

Но, разумеется, судьба каждого человека, находящегося в местах лишения свободы, в любом случае должна быть подчинена действующему в России законодательству. В соответствии с этим законом государство и будет действовать».

Это из «Разговораснародом»-2009. Цитируется по сайту правительства РФ «www.government.ru».

Феноменальное знание подробностей... Диву даешься: и как только можно было хранить в себе так долго такое... Это самый развернутый, самый продуманный, самый далеко идущий ответ Путина по самому острому, самому болезненному для Путина вопросу.

Давно замечено, что одно только имя Ходорковского вызывает у Путина какую-то совершенно чрезвычайную реакцию. Имидж, который пестует национальный лидер, — взвешенность и благоразумие, обеспечиваемый исключительно гладкой речью, когда каждое слово трижды взвешено и дважды уравновешено — этот имидж вдруг дает сбой. Такое ощущение, что премьер-президент теряет контроль над собой. Так повелось с самого начала.

Осенью 2003 года, вскоре после ареста Ходорковского, я опубликовал в старом еженедельнике «Новое

время» статью «Олигархи-преступники и президент-скала. Попытка расшифровки президентских слов как наскальных надписей». Она была как раз про это — про путинские оратории и стиль личности, что в них проявляется. Позволю себе процитировать ее как некое свидетельство времени.

«...Речи политика от человеческого языка отличаются две особенности. Всегда немножко (или множко) лицедей и заговорщик, политик свято верит в то, что публику надо обольщать и держать в неведении по поводу своих истинных намерений. И потому он либо недоговаривает — не хочет или не может сказать чего-то существенного, часто самого главного, либо говорит лишнее — под влиянием эмоций, в сердцах. Убедая в чем-то одном или оправдываясь за что-то другое, он проговаривается — в третьем... Так или иначе, речи политиков, подобно языкам иных цивилизаций, требуют дешифровки.

Попробуем понять, что происходит с ЮКОСом, по речам президента. У него в последние дни было несколько высказываний на эту тему. Вынужденные разными обстоятельствами, в разной степени подготовленные, они — во всяком случае, некоторые из них — были на удивление эмоциональны. Взятые вместе, они поразительно противоречивы. Что, кстати, совершенно не в ладу с его привычками. Обычно, когда, не дай бог, происходит нечто критическое, президент выжидает — как бы ни волновалась публика, как бы остро ни нуждалось общество в немедленной оценке. Непосредственная реакция исключается. Нет, он благоразумно даст ситуации устаканиться, после чего произнесет нечто средневзвешенное, безошибочное, что можно сразу заносить на первую попавшуюся скрижаль. Не то сейчас. Впрочем, кризис с ЮКОСом отличается от кризисов, скажем, с «Курском» или «Норд-Остом», тем, что он рукотворный. И что за руки его натворили, президенту хорошо известно. Как, по-видимому, и собственная позиция.

Тут не было неведомого хода стихии, если не считать за таковую общественную реакцию. Тем не менее, из президентских уст вылетали очень уж разные слова.

Первая реакция разразилась словно гром среди ясного неба. Или не очень ясного. Не успел РСПП устами Чубайса высказать протест против картинной посадки Ходорковского, как президент отреагировал:

«В связи с арестом главы компании ЮКОС ко мне есть обращения руководства РСПП, а также некоторых политических деятелей с просьбой о встрече. Однако никаких встреч, никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет, если, конечно, эти органы действуют в рамках российского законодательства... — выразительно читал он из блокнота написанные от руки фразы. — В связи с рассматриваемым делом никаких обобщений, аналогий, прецедентов, тем более связанных с итогами приватизации, не будет. Поэтому все спекуляции и истерики на этот счет просил бы прекратить, а правительство прошу в эту дискуссию не втягиваться».

Президент в гневе! Никому не дозволено давить на трон!

Это, однако, слишком облегченное прочтение разыгранной на Большом Хурале сцены. Президент не просто дал отповедь взволнованным капитанам бизнеса. Он высказался по существу. Действия Генпрокуратуры полностью санкционированы — пусть на сей счет ни у кого не останется ни малейших сомнений. Больше того, правительству приказано не совать свой нос не в свое собачье дело. Что означает одно-единственное — все государевы люди да знают: в стране с высочайшего одобрения проводится важнейшая политическая кампания. Точка.

Последовавшие за этим маленькие чудеса стоит, по-видимому, списать на остаточную демократию либо на недоукорененную вертикальность власти.

Сначала замминистра экономического развития и торговли Аркадий Дворкович сказал:

«Риск преследования со стороны властей в связи со «старыми грехами» должен постоянно учитываться предпринимателями, которые ведут бизнес в России. Прецедент с ЮКОСом показал, что риск обращения к старым грехам существует. Мне остается лишь надеяться, что диалог между властью и бизнесом все-таки будет идти не через решетку, а за круглым столом».

Высказывание это, прозвучавшее на камерном семинаре с международным участием, делает честь академической честности молодого замминистра. Его не затмили даже слова премьера — истинный шедевр дипломатии отмежевания. Публично нарушив запрет, Касьянов на словах его как бы и соблюл, сказав буквально следующее:

«Я очень глубоко озабочен этим явлением. Его последствия трудно оценить. Я бы даже воздержался пока от каких-либо оценок. Арест акций акционерного общества, торгуемых на бирже, — явление новое, последствия этого трудно определить, так как это является новой формой воздействия».

Долго или коротко останется Касьянов на своем посту — он обозначил свою позицию. Действия прокуратуры опасны для экономики — и он не имеет к ним никакого отношения.

То, что президент и премьер — не одной группы крови, всем известно. Но уж новоназначенный глава президентской администрации Дмитрий Медведев точно из президентского стана и стаи! Он, однако, произнес нечто удивительное:

«Полагаю, что государство должно помогать правоохранительным органам обеспечивать их независимость в повседневной работе, не допуская вмешательства различных сил в их деятельность... В то же время административные органы, включая и органы правоох-

ранительные, — это такой очень серьезный инструмент. Он вызывает очень мощную реакцию в самых разных сферах. И в какой-то момент в их деятельности может возникнуть некий административный раж. Это опасная вещь. Последствия не до конца продуманных действий незамедлительно скажутся в экономике, вызовут смущение в политической жизни».

И кто его тянул за язык?

У главы президентской администрации по определению нет собственного голоса. Он может быть только голосом президента. Значит, президент откорректировал свою позицию? Общество может быть спокойно, за действиями прокуратуры следят, и дров никто не наломает. Не так ли?

Не совсем так.

Накануне своего итальянского вояжа Путин беседует в Кремле с итальянскими журналистами. На этот раз он доброжелателен, терпим и предельно доходчив. Он только хочет, чтобы его собеседники, то есть итальянская и вообще западная публика, его правильно понимали.

«На Западе появились некоторые опасения, что в политике России появились авторитарные моменты, которые также могут привести и к изменению общего политического курса...» — спрашивает итальянский журналист. Путин отвечает:

«Я не вижу оснований так думать. Если вы посмотрите, что происходило в Соединенных Штатах за последние два года, то увидите, что к уголовной ответственности были привлечены руководители самых разных компаний общим числом около 20. Только по одной компании «Энрон» было возбуждено 20 уголовных дел. Аресты проводились прямо в офисах компаний с надеванием наручников и с демонстрацией всего этого действия по телевидению... И почему-то не возникает сомнений по поводу того, что там происходит.

Уверяю вас, у нас ничего экстраординарного не произойдет...

Конечно, я понимаю, возникают, а кем-то специально подогреваются, мысли о том, что все, что происходит, может привести, допустим, к деприватизации... Должен вам сказать, что я категорический противник пересмотра результатов приватизации, даже если исходить из того, что эти результаты не являются идеальными, потому что, по моему глубокому убеждению, это приведет к серьезным негативным последствиям для экономики и, соответственно, как следствие — для социальной сферы...»

Иными словами, никто не впадает в раж, меньше всего прокуратура. Волноваться нечего. И вообще, в деле ЮКОСа нет политической составляющей. Есть налоговые недоимки, экономические нарушения, и за них надо отвечать. Вы же понимаете, господа итальянцы в России, такова универсальная практика... Все буквально как у вас, на Западе, наши правоохранители даже еще более либеральны.

Правда, выясняется, что у президента очень приблизительное представление о том, как на Западе. Газета «Ведомости» в редакционной статье уточнила: а) по делу «Энрон» в тюрьме оказался только один человек — и не до суда, а после, то есть по решению суда, б) обвиняемые в экономических преступлениях никогда не подвергаются предварительным арестам... Президентские аналогии не слишком корректны. ЮКОС не «Энрон», Россия не Запад, то, что говорит президент, не описывает того, что он делает.

Однако все это мелкие придирки. В самом начале итальянского визита вседержительная позиция верховного арбитра блеснула новой гранью — президент защитил ЮКОС от нелепых нападков, правда, не прокуратуры, а министерства. Воспользовавшись удобной ситуацией, Минприроды решило отозвать лицензию компании на

разработку месторождений. Не тут-то было. На первой же пресс-конференции в Риме президент заявил:

«...получается, что одна госструктура арестовывает акции. А другая на этом основании лишает лицензии. Может создаться впечатление, что государство хочет прекратить работу компании... Вряд ли государство может стремиться к тому, чтобы разрушить ее деятельность...»

И ведь действительно такое впечатление может создаться. Так что хорошо, что государство не стремится разрушить деятельность компании. Отлегло от сердца. Правда, ненадолго — ровно на один день.

Что уж там происходило на римском саммите, каких неприятных вещей наслушался президент от европейских коллег, — но на прощальной пресс-конференции он дал себе волю.

«Конечно, люди, которые за 5–6 лет заработали миллиарды долларов... кстати, ни в одной западноевропейской стране такой результат был бы невозможен, — допустим, они заработали их законно. Но заработав миллиарды, они, конечно, истратят миллионы, десятки и сотни миллионов, чтобы спасти эти свои миллиарды. Мы знаем, куда тратятся эти деньги: на каких адвокатов, на какие пиаровские кампании, на каких политиков. В том числе и на то, чтобы задавать эти вопросы...»

И он продолжает.

«У нас проблема есть, и я бы разделил ее на две части. Первая часть заключается в осмыслении того, что произошло в процессе приватизации в начале 90-х годов. Нам часто говорят: «Такие сложные законы. Поэтому если мы что-то и нарушили, давайте не будем об этом говорить...» Во-первых, должен сказать, что даже если законы и были сложными, противоречивыми, их надо было бы все-таки исполнять. Второе — особое внимание государства должны привлекать случаи, когда в процессе дележа государственной собственности были

совершены преступления против личности. В том числе убийства. Некоторые из арестованных — а это целая группа лиц — подозреваются именно в организации убийства. И наконец третье — все должны исполнять действующие законы сегодня... Наши действия продиктованы только одним: желанием навести порядок в стране, заставить всех жить по закону и бороться с коррупцией...»

А вот заключение этой мысли.

«Наша цель — не «пощипать» конкретных лиц, а навести порядок в стране. И мы будем это делать последовательно и жестко вне зависимости от попыток этих людей защищаться, используя в том числе и шантаж. Шантаж государственной власти бесперспективен».

И куда только подевалась былая терпимость? И сколько демонов проснулось разом!..»

Остановлю автоцитату 2003 года.

Читателю нетрудно мысленно охватить прошедшие годы и события, соотнести героев, так или иначе высказывавшихся по проблеме. Касьянов все еще премьер, но недолго ему оставалось пребывать в этой роли. Дальше он будет высказываться уже в качестве выставленного на обочину оппозиционера. Медведев совершит противоположную траекторию, но никогда больше не раскроет рта на крамольную тему. А демоны спляшут не раз в путинских эскападах, и это будут всегда одни и те же демоны.

Впервые чертик выскочил после ареста Пичугина и Лебедева, но еще до ареста Ходорковского. В сентябре 2003 года Путин высказался следующим образом. «Что касается расследования уголовного дела, связанного с компанией ЮКОС, — это частный случай... Компания большая, но не единственная в России... Никакого пересмотра итогов приватизации не будет, но если были нарушения закона и прокуратура реагирует на это, я не могу воспрепятствовать». Еще бы, ведь это находится за рамками его президентских полномочий.

Тем не менее он счел необходимым подчеркнуть, что одно из направлений расследования — это возможная причастность отдельных личностей к убийствам в ходе слияния и роста компании. «Как же можно мешать прокуратуре работать на этом направлении», — сказал он. (В изложении РИА «Новости»)

Тот же бес попутал летом 2008 года в интервью французской газете «Монд»: «А что касается Ходорковского, то дело... в том, что он нарушил закон. Многократно и грубо. Больше того, часть группы, в которую он входил, обвиняется — и это судом доказано — в совершении преступлений против личности, а не только в сфере экономики. За ними убийства, и не одного человека. Вот такая конкурентная борьба недопустима. И мы, конечно, всячески будем ее пресекать».

Не обошлось без запаха серы и на встрече с группой избранных писателей в день рождения Путина в 2009 году. «По словам пресс-секретаря премьера, — излагает АПН, — Путин заявил, что, упоминая о Ходорковском и других фигурантах этого дела, главное — помнить, что они были причастны к убийствам людей и это было доказано судом. При этом, отвечая на вопрос о возможном помиловании Ходорковского, премьер-министр подчеркнул, что и такая возможность предусмотрена законом, но чтобы воспользоваться ею, «осужденному необходимо полностью признать свою вину и обратиться с соответствующей просьбой».

Интересная получается вилка: от пожизненного заключения за убийства до возможного помилования. Свобода воли у верховного арбитра необыкновенная.

В ходе ноябрьского визита Путина во Францию 2009 года бесы уже разгулялись на широкую ногу. На вопрос о деле Ходорковского последовал такой ответ премьера: «По другим известным так называемым резонансным делам, в том числе о которых вы упомянули, хотел бы сказать следующее. Вот господин Мэддофф в

Соединенных Штатах получил пожизненный срок, и никто не чихнул. Все говорят: «Молодец, так ему и надо». Сейчас в Великобритании решается вопрос о выдаче хакера. Ущерб, который он нанес, — миллион долларов. Его собираются выдать в США, где ему грозит 60 лет тюрьмы. Чего вы о нем не спрашиваете?

У нас деятельность некоторых наших фигурантов по уголовным делам нанесла ущерб России в миллиарды долларов, в миллиарды! Кроме того, есть и претензии с точки зрения как раз покушения на жизнь и здоровье конкретных людей в ходе их так называемой коммерческой деятельности. И эти деяния, эти эпизоды доказаны судом. Как вы помните, в 30-х в США Аль Капоне судили за уклонение от налогов формально, но фактически — за целую совокупность совершенных преступлений. Но доказали уклонение от налогов и осудили в рамках действующего законодательства».

Эту тираду известный экономист Сергей Гуриев, человек в высшей степени корректный, прокоммен-

тировал так: «Слова Путина скорее всего искажены в переводе. Во всяком случае, на официальном сайте премьера они отсутствуют. Я не могу поверить в то, что Владимир Путин может публично и всерьез сравнивать Ходорковского... с Мэдоффом и Аль Капоне. Он известен как компетентный и информированный человек. Он не может не знать, что ни первое, ни второе дело Ходорковского–Лебедева не содержит обвинений в убийствах. Что обвинения в первом деле применимы к большинству российских предпринимателей, что ни один квалифицированный юрист не может сформулировать суть второго дела непротиворечивым образом».

Увы, не искажены... И действительно, не может не знать... То, что говорит Путин, — откровенная и намеренная диффамация... Ее пик, как и пик угроз, объявление тотальной войны на уничтожение, наступил в ходе магического сеанса под названием «разговорс-народом». Защита Ходорковского, тщетно вызывавшая Путина в Хамовнический суд, могла бы квалифицировать это выступление как самое масштабное лжесвидетельство в истории.

Суммирую то, что с заранее обдуманной намеренностью, взвешенно до миллиграмма было сказано с телетрона на всю страну:

Все путем, все было сделано на чистом сливочном масле — в полном соответствии с отечественным законодательством.

Но это не мы! Процедуру банкротства затеяли иностранные кредиторы.

Имя противника при этом не называется — просто «фигурант», как бы свысока, но думается, больше из суеверия или страха.

А дальше — на всю катушку:

Мы имеем дело с врагом народа, обокравшим весь народ. (Зюганов мог бы позавидовать простоте этой инвективы.) Но, по моей личной инициативе, все

украденные деньги были возвращены народу через фонд ЖНХ, персонально под расписки. Те, кто получил квартиры в последние годы, знайте, этот тать посягает на ваш кров, на ваши убогие жилища, ненавидьте его лично с этой минуты!

(Ссылка на ЖНХ, за которую кто-то из спичрайтеров явно получил премию как лучший придумщик, особенно умилительна. Так верить в популярность бюрократической затеи, всем известной своей неэффективностью и воровством! Когда вельможа строит потемкинские деревни, чтобы умастить взор царицы, это еще понятно. Но когда царь вдохновенно рисует по телевизору потемкинские деревни своему народу, это уже немыслимый полет. Впору было мальчику воскликнуть: «Да что же вы такое несете? Ведь народ-то голый!» Но в теледекорации «разговораснародом» ни одного мальчика не оказалось. Мария Ситтель, по уважительной (восхитительной) причине, на эту роль никак не подходит, а Мацявичюс уж точно не мальчик, но муж.)

Никто, естественно, не спросил и другого: если Ходорковский тать, то что, он один такой? А как быть с Дерипаской и Абрамовичем, которым при всем честном народе чистоганом передавались многие миллиарды долларов разом — больше, чем весь бюджет ЖНХ?

Всего этого, однако, вещающему с виртуальных вершин было мало. Сейчас он режет правду-матку или, что то же самое, поделится с народом особо важной агентурной информацией.

На руках у Ходорковского кровь, он убийца и должен ответить за это по всей полноте закона...

Стоп!

Если у Путина есть такая информация, то почему она не в суде? Почему соответствующее обвинение даже не предъявлено? А если оно даже не предъявлено, то как может ответственное лицо говорить об этом? Это же называется диффамация!

Не у нас. У нас пока лицо ответственное, оно ни за что не отвечает.

Это очень похоже на угрозу новым процессом.

Во всех хорошо подготовленных путинских экспромтах на ходорковскую тему виден метод — то, что можно назвать путинским фирменным стилем. Он всегда хорошит, выражаясь языком шукшинского героя, «срезать» публику, отсюда все эти ханеры, Мэдсоффы и Аль Капоне — экстравагантные сравнения и безотказная логика «сам дурак». И он преследует одни и те же цели.

Во-первых, трансляция всемогущества (все, что происходит в стране важного, — это он, без него муха не пролетит). И при этом... собственное алиби (лично он ни при чем, он не имеет никакого отношения к делу Ходорковского). Тут идут ссылки на прокуратуру, в дела которой никому не дано вмешиваться. Генпрокурора, как известно, легче сменить, чем дозвониться до него... И на независимый по определению суд. Это для тех, кто хотел бы нормы и ищет справедливости. А для кровожадных — дискурс про диктатуру закона... И вообще, рефрен на все случаи жизни, что дело не политическое... Алиби, впрочем, никак не склеивается. Сказочки про разделение властей в нашем вертикальном отечестве в лучшем случае одноразового свойства — для простаков за границей. Тут, как в «разговореснародом», сначала пишутся ответы, потом под них подгоняются вопросы.

Ходорковский — преступник. Вот что следует доказать во-вторых, а если и не доказать, то внушить, вдолбить, вбить в мозги любой ценой. Экономический, политический, уголовный — неважно какой, в конце концов, эпитеты произвольны. Главное, что особо тяжкий.

В «разговореснародом»-2010 все повторилось как наваждение. С той разницей, что год назад это была полностью его, Путина, инициатива. Он хотел это сказать, иначе бы Мацквичюс не задал своего вопроса. А тут вопрос оказался незапланированный.

Н. СИМАКОВА: «Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Мой вопрос достаточно простой. Вы считаете справедливым, что Михаил Ходорковский уже который год сидит в тюрьме? На ответ я даже не рассчитываю, так как вам больше по душе вопросы благодарных бабушек и вопросы о вашей любимой собаке. Спасибо».

Вопрос явно не нравится адресату, это видно по раздражению, которое он с трудом сдерживает.

В. ПУТИН: «У меня две любимые собаки. Я не знаю, какую из них вы сейчас имеете в виду.

Что касается благодарных бабушек, то да, действительно, мы все, я считаю, в долгу перед гражданами России старшего поколения, и мы эти долги должны отдавать. И мы еще не все сделали для них, хотя пытаемся делать, и кое-что получается, но сделали еще не все.

Что касается Ходорковского, то я уже высказывался много раз на этот счет. Если вы считаете, что я должен сказать еще что-то по этому вопросу, могу сказать. Я так же, как известный персонаж Владимира Высоцкого, считаю, что вор должен сидеть в тюрьме. А в соответствии с решением суда Ходорковскому вменяется в вину хищение, хищение достаточно солидное. Речь идет о неуплате налогов и мошенничестве, и счет идет там на миллиарды рублей. Правда, есть и личная неуплата налогов, что очень важно.

Но то обвинение, которое ему предъявляют сейчас, там счет идет уже на сотни миллиардов рублей: там 900 в одном случае, во втором случае 800 млрд. рублей, тоже хищение.

Если мы посмотрим практику других стран, г-н Мэддофф в США получил за аналогичное преступление, да и деньги примерно такие же, 150 лет лишения свободы. У нас, по-моему, гораздо все либеральнее смотрится. Тем не менее, мы должны исходить из того, что преступления г-на Ходорковского в суде доказаны.

Да и кроме всего прочего, вы же знаете, еще раз хочу повторить, я не говорю про него лично, напомним, что руководитель службы безопасности ЮКОСа сидит в тюрьме за убийство. Не понравился им мэр Нефтеюганска Петухов — убили. Женщина здесь в Москве не отдала им свое помещение маленькое, которое они хотели забрать, — убили. Киллера, которого наняли, убили. Мозги только одни нашли в гараже. Что, руководитель службы безопасности сам, что ли, по собственной инициативе все эти преступления совершил?

Так что есть суд, он у нас, как известно, один из самых гуманных в мире, это его работа. Я исхожу из того, что доказано судом».

Как заезженная пластинка, за год добавились только скрипы. Никаких новых домашних заготовок. Те же безразмерные натяжки и безапелляционная грубость. Но вот момент этого соло на всю страну чрезвычайно показательный. Накануне, 15 декабря, судья Данилкин должен был объявить приговор. Не объявил. Без объяснения причин перенес этот акт на 27 декабря. Паузу, оставленную судьей Данилкиным, заполнил премьер-министр Путин. 16 декабря, наплевав на все формальности, он оглашает свой вердикт. Свобода от каких-либо юридических или политических норм — абсолютная. При этом он еще ухмыляется... Кто же не помнит хрестоматийной фразы: «Советский суд самый справедливый в мире!»

Все мыслимые составы преступлений были заочно примерены на фигуру Ходорковского еще до его ареста. И все эти годы под лавкой лежит последнее средство устрашения — топор с несворачивающейся кровью, готовый к употреблению. На тот день, когда совсем уже станет невмоготу.

А терпеть все трудней и трудней. Ну ничего человек не понимает. Его так красиво посадили! Отправили за тысячи километров во глубину сибирских руд. Сиди себе

и молчи в тряпочку, а то хуже будет. А он не унимается, философствует, видите ли. «Левый поворот»... «Российские альтернативы»... «Ходорковские чтения»...

«Современная демократия — это не референдум по выбору «русс-баши», как это представляют отдельные идеологи «суверенности», а система государственного управления, основанная на сложном балансе самостоятельных государственных и общественных институтов в их совокупности...»

После каждой статьи сажают в ШИЗО. Никакого эффекта.

«Либерал — человек, отстаивающий приоритет личности над обществом, государством и всеми прочими изобретениями человечества. Права человека — вот, на мой взгляд, главная либеральная идея... Либералов, судя по количеству жалоб в Страсбургский суд, у нас полстраны (шучу)».

Из СИЗО в суд на автозаке. «Железный ящик на одного размером 120×80×50 см. Всегда с ужасом думаю о возможности ДТП. Шансов выжить маловато при любой скорости». Два часа туда, два обратно. Четыре раза в неделю. В суде пересадка в «аквариум» из бронированного стекла... Для основателя «Открытого общества» избрана участь Железной Маски. А он гнет свое:

«Сильное государство, построенное методами, подавляющими гражданское общество, будет мало отличаться от оккупационного режима. Отказ от правосудия во имя целесообразности уничтожает вождельную стабильность и т. д. В то же время уверен: желание бесконечно накапливать власть или богатство — редкий психический дефект...»

Лишили даже прав, гарантированных заключенному, — общения с близкими, прогулок. Свидания возможны только два раза в месяц, один час ровно, через двойное стекло. В этом и был реальный смысл прокурорской настойчивости в бесконечном продлении

режима двойной строгости. «Я — сын, муж, отец и дед «по переписке». Как это помогает моей стране — не знаю, но «системе» так, видимо, спокойнее...» «Младшие не только пошли в школу без меня, боюсь, ее без меня и закончат...»

А он еще объявляет голодовки — в знак солидарности с соратниками, взятыми в заложники. Или для того, чтобы президент, принимающий правильные постановления, не мог делать вид, что не знает, что они не исполняются.

Ничто не отражается на ясности его мысли:

«Основная причина коррупции и низкой эффективности экономики в целом одна — архаичная система управления страной (так называемая вертикаль). Это телега на современной автомагистрали. А мы пассажиры телеги. Навоз из-под хвоста лошади — неизбежная опция.

«Жадных людей, которые так грубо и бессмысленно повели себя по отношению к десяткам тысяч акционеров ЮКОСа, мне, простому постсоветскому заключенному, даже жаль. Им предстоит долгие годы страха и перед новыми поколениями желающих «отнять и поделить», и перед настоящим, а не «басманным» правосудием».

Ходорковский — самое большое поражение Путина. До этого момента это была сказка, ставшая былью. Наш родной «Колобок» — штучка посильней «Крошки Цахеса».

Всего на свете достиг Колобок. От бабушки ушел, к дедушке пришел, волков по дороге съел. Либералов-коммунистов вокруг пальца обвел. Всех недоброжелателей победил, заодно с доброжелателями. «Куклы» закрыл за ненадобностью. Зачем они, когда окружение превратилось в кукол? Всех политиков постриг под ноль, олигархов под себя построил, ничто не растет среди сплошного марафета, только рейтинг. Все формулы отменил, кроме Формулы-1 — Власти, на отчужденной трассе которой за вертикальной стеной

осталась одна его «Лада-Налина». А тут вдруг прямо по курсу столп — не выкорчевывается и не гнется! Как тут не взбелениться...

Дворцовая (или дворовая) разборка вылилась в самый показательный политический процесс России начала XXI века. Он не просто о нефти и миллиардах. Он о том, что за процессы происходят в стране. Что есть суд. Что есть власть. Что есть политика с экономикой.

И о том, кто есть кто.

Общественное восприятие склонно все упрощать — до символизма. Процесс, который начинался под девизом «Государство против олигарха», останется войной Путина против Ходорковского. Символическим противостоянием, в котором один сражался за власть, а второй за свободу.

То, что Ходорковский сказал перед вынесением приговора, меньше всего было юридическим. Его послание было политическим, потому что человеческим. Последним словом Ходорковского я и завершу этот очерк.

«Уважаемый суд! Уважаемые присутствующие!

Сегодня для меня очередная возможность оглянуться назад. Я вспоминаю октябрь 2003 г. Последний мой день на свободе. Через несколько недель после ареста мне сообщили, что президент Путин решил: я должен буду «хлебать баланду» 8 лет. Тогда в это было сложно поверить.

С тех пор прошло уже семь лет. Семь лет — достаточно большой срок, а в тюрьме — особенно. У всех нас было время многое переоценить и переосмыслить.

Судя по смыслу выступления прокуроров: «дайте им 14 лет» и «наплюйте на прежние судебные решения», за эти годы меня опасаться стали больше, а закон уважать — еще меньше.

В первый раз они хоть озаботились предварительно отменить мешающие им судебные акты. Теперь решили — и так сойдет, тем более отменять теперь

потребовалось бы не два, как в прошлый раз, а 60 судебных решений.

Я не хочу сейчас возвращаться к юридической стороне дела. Все, кто хотел что-то понять, — давно всё поняли. Я думаю, признания вины от меня никто всерьез не ждет. Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит мне, если я скажу, что похитил всю нефть своей собственной компании.

Но так же никто не верит, что в московском суде возможен оправдательный приговор по делу ЮКОСа.

Тем не менее я хочу сказать о надежде. Надежда — главное в жизни.

Я помню конец 80-х годов прошлого века. Тогда мне было 25. Наша страна жила надеждой на свободу, на то, что мы сможем добиться счастья для себя и для своих детей.

Отчасти надежда осуществилась, отчасти — нет. Наверное, за то, что надежда осуществилась не до конца и не для всех, несет ответственность все наше поколение, в том числе и я.

Я помню и конец прошлого десятилетия. Тогда мне было 35. Мы строили лучшую в России нефтяную компанию. Мы возводили спорткомплексы и дома культуры, прокладывали дороги, доразведывали и разрабатывали десятки новых месторождений, начали освоение восточносибирских запасов, внедряли новые технологии — в общем, делали то, чем сегодня гордится «Роснефть», получившая ЮКОС.

Благодаря значительному увеличению добычи нефти, в том числе и в результате наших успехов, стране удалось воспользоваться благоприятной нефтяной конъюнктурой. У нас у всех появилась надежда, что период потрясений, смуты — позади, что в условиях достигнутой огромными трудами и жертвами стабильности мы сможем спокойно строить новую жизнь, великую страну.

Увы, и эта надежда пока не оправдалась. Стабильность стала похожа на застой. Общество замерло. Хотя

надежда пока живет. Живет даже здесь, в зале Хамовнического суда, когда мне уже почти 50 лет.

С приходом нового президента, а с того времени прошло уже больше двух лет, у многих моих сограждан тоже вновь появилась надежда. Надежда, что Россия все же станет современной страной с развитым гражданским обществом. Обществом, свободным от чиновничьего беспредела, от коррупции, от несправедливости и беззакония.

Ясно, что это не могло случиться само собой и за один день. Но и делать вид, что мы развиваемся, а на самом деле стоять на месте и пятиться назад, пусть и под личиной благородного консерватизма, — уже невозможно и просто опасно для страны.

Невозможно мириться с тем, что люди, называющие себя патриотами, так отчаянно сопротивляются любому изменению, ограничивающему их нормушки и вседозволенность. Достаточно вспомнить судьбу поправки к ст. 108 УПК РФ — арест предпринимателей или чиновничьи декларации о доходах. А ведь именно саботаж реформ лишает нашу страну перспектив. Это не патриотизм, а лицемерие.

Мне стыдно смотреть, как некоторые, в прошлом уважаемые мной люди, пытаются оправдать бюрократический произвол и беззаконие. Они обменивают свою репутацию на спокойную жизнь в рамках сложившейся системы, на привилегии и подачки.

К счастью, такие — не все, и других всё больше.

Я горжусь тем, что среди тысяч сотрудников ЮКОСа за 7 лет гонений не нашлось тех, кто согласился бы стать лжесвидетелем, продать душу и совесть.

Десятки человек испытали на себе угрозы, были оторваны от родных и близких, брошены в застенки. Некоторых пытали. Но, теряя здоровье и годы жизни, люди сохранили то, что сочли для себя главным, — человеческое достоинство.

Те, кто начинал это позорное дело, — Бирюков, Наримов и другие — тогда презрительно называли нас «коммерсантами», считали быдлом, готовым на всё, чтобы защитить свое благополучие, избежать тюрьмы.

Прошли годы. Кто оказался быдлом? Кто ради денег и из трусости перед начальством врал, пытал, брал заложников?

И это они называли «государевым делом»!

Мне стыдно за свое государство.

Ваша честь, я думаю, мы все прекрасно понимаем — значение нашего процесса выходит далеко за пределы наших с Платоном судеб и даже судеб всех тех, кто безвинно пострадал в ходе масштабной расправы над ЮКОСом, тех, кого я оказался не в состоянии защитить, но о ком я не забываю, помню каждый день.

Спросим себя: что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат?

Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может все. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет.

Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России?

Кто будет модернизировать экономику? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты? Такую модернизацию уже пробовали — не получилось. Водородную бомбу, и даже ракету, сделать смогли, а вот свой хороший, современный телевизор, свой дешевый, конкурентный, современный автомобиль, свой современный мобильник и еще кучу современных товаров — до сих пор не можем.

Когда выступали
с обвинениями
против него - кто,
Тоффенбергера
жестко вел себя
отрабатывался
на диктоне перерфа
решител, говорящих
против обвиняемого,

Левков, Бессмертн сопротивлялся
Всё это мы задумали,
и свалили! -
Кроуш пер Швармента

и унамеривали
о фактах, говорящих
в его пользу
Кручеров

Судья,
Вина (нама?) расит
- В Даффенбург.

Жансафие не годится
Гуманит бонуме отбрасывае,
- как прокурок.
Кари магне.

200

Зато научились красиво демонстрировать производимые у нас чужие устаревшие модели и редкие разработки российских изобретателей, которые если и найдут где применение, то не у нас, за границей.

Что случилось с прошлогодними президентскими инициативами в области промышленной политики? Похоронены? А ведь они — реальный шанс слезть с сырьевой иглы.

Почему похоронены? Потому, что для их реализации стране нужен не один Королев и не один Сахаров под крылом всемогущего Берии и его миллионного войска, а сотни тысяч «королёвых» и «сахаровых», защищенных справедливыми и понятными законами и независимыми судами, которые дадут этим законам жизнь, а не место на пыльной полке, как в свое время — Конституции 1937 года.

Где эти «королёвы» и «сахаровы» сегодня? Уехали? Готовятся уехать? Опять ушли во внутреннюю эмиграцию? Или спрятались среди серых бюрократов, чтобы не попасть под каток «системы»?

Мы, граждане России, патриоты своей страны, можем и должны это изменить.

Как сможет Москва стать финансовым центром Евразии, если наши прокуроры в публичном процессе прямо и недвусмысленно, как 20 или 50 лет назад, призывают признать стремление к увеличению производства и капитализации частной компании — преступно-корыстной целью, за которую надо сажать на 14 лет?

Если по одному приговору компания, заплатив налогов больше всех в стране (ЮКОС), заплатил больше всех в стране, кроме Газпрома оказывается, недоплатила налоги, а по второму, который здесь предлагается принять, очевидно, что предмета для налогообложения вообще не было, потому что его украл!

Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах

страны, держит по тюрьмам, вместо и вместе с преступниками, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, — это больная страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирающее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, — это больное государство.

Надежда — главный движитель больших реформ и преобразований, она залог их успеха. Если она угаснет, если сменится глухим разочарованием, — кто и что сможет вывести нашу Россию из нового застоя?

Я не преувеличу, если скажу, что за исходом этого процесса следят миллионы глаз по всей стране, по всему миру.

Следят с надеждой, что Россия все-таки станет страной свободы и закона, где закон будет выше чиновника.

Где поддержка оппозиционных партий перестанет быть поводом для репрессий.

Где спецслужбы будут защищать народ и закон, а не бюрократию от народа и от закона.

Где права человека не станут больше зависеть от настроения царя. Доброго или злого.

Где, наоборот, власть будет действительно зависеть от граждан, а суд — только от права и от Бога. Если хотите — называйте это совестью.

Я верю, так — будет.

Я совсем не идеальный человек, но я — человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме и не хочется здесь умереть.

Но если потребуется — у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал.

А ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность «системы»? Я не знаю, вам решать.

Ваша честь!

В ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае — не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании «вечного» дела ЮКОСа.

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они — выше закона, они всегда добьются того, что задумали. Пока, правда, они добились обратного: из нас — обычных людей — они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга — их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать козлами отпущения.

Я хочу надеяться, что суд с честью выдержит их психологическое давление. А давление будет, мы все знаем, как и через кого оно будет происходить.

Я хочу, чтобы независимый суд стал реальностью и буднями моей страны, чтобы слова о «самом справедливом суде в мире», рожденные в «совке», перестали столь же иронично звучать сегодня. Чтобы мы не оста-

вили в наследство нашим детям и внукам опаснейшие символы тоталитаризма.

Ваша честь, я готов понять, что вам очень непросто, может быть, даже страшно, я желаю вам мужества.

Все понимают, что ваш приговор по этому делу — каким бы он ни был — станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений. И вы это понимаете лучше многих. Все имена останутся в истории — и обвинителей, и судей — так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов».

* * *

30 декабря 2010 года судья Данилкин закончил свой заключительный четырехдневный речитатив, венчавший 20-месячное действо:

«...суд приговорил: признать Ходорковского Михаила Борисовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного сложения, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима...

...Признать Лебедева Платона Леонидовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного сложения наказаний, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Срок отбытия наказания осужденному считать: Ходорковскому Михаилу Борисовичу с 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — с 8 февраля 2007 года. В окончательное наказание зачесть наказание, отбытое осужденными по приговору суда: Ходорковскому Михаилу Борисовичу — с 25 октября 2003 года по 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — со 2 июля 2003 года по 8 февраля 2007 года».

«Пожизненное заключение». Так должен был звучать истинный приговор. С разъяснением: имеется в виду политическая жизнь Путина — во всех ее возможных реинкарнациях.

* * *

Судья Данилкин мог войти в историю как человек, повернувший стрелку. Не войдет.

Хамовнический суд мог опровергнуть «Басманное правосудие». Не опроверг.

Все у нас не как у людей. Хлеб — казенный. Дело вовсе не дело, а скорей «процесс». Процесс не столько процесс, сколько «дело» и приговор. А приговор — заговор и заговёр... И с этой дурной бесконечностью — в мировой прогресс?

То ли это власть топонимики, то ли топонимика власти. А может, язык во всем виноват — грешный наш язык?..

Сергей Ковалев

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОЦЕССУ

Процесс читает, читает, читает...
Он читает шесть миллионов
документов каждые два месяца и знает, что происходит
в Европе, Центральной и Южной Америке
Зачем вранье от вранья
возрождает, уничтожает. Сядет, пожелает,
Секретарша нежна...

15 июля 99. Т. 4.

СУДНЫЕ ДНИ И ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Предлагаемый **КОММЕНТАРИЙ**, конечно, отнюдь не юридический анализ 1-го и 2-го судебных дел М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева и других процессов, касающихся компании ЮКОС. Замечаний специалистов на этот счёт уже немало и, похоже, они долго ещё не иссякнут. Потому в комментарии я упоминаю лишь некоторые предвзятые несуразности процесса, показавшиеся мне особенно выразительными и особенно тесно касающимися главного вопроса комментария: судебные учреждения отечественной юстиции — это, в самом деле, правосудие? Думаю, это один из самых главных вопросов нашей жизни, не то, что комментария. В конце концов, это ведь вопрос о состоянии и перспективах свободы и демократии в нынешней России.

Представляется очевидным, что среди конституционных гарантий демократии следует выделить три центральных критерия — свободное народное волеизъявление на выборах в условиях равноправной и прозрачной политической конкуренции; независимое правосудие; свободу слова и независимость СМИ.

Завершившийся судебный процесс и тема нашей работы естественно требуют рассмотрения второго из этих критериев. При этом рассмотрении я буду исходить из простейшего постулата, который нахожу

неопровержимым: суд бывает только независимый — или уж вовсе никакой. Разумеется, имеется в виду независимость суда от государственной власти — все другие возможные виды зависимости вторичны, наглядно криминальны и относительно легко преодолимы. Ёмкая и отчётливая формула независимости: «право вне политики и над политикой». Если нет независимого суда, невозможно указать власти на границы её правомочий. Тогда границы эти исчезают, в стране неизбежно воцаряется властный произвол — просто ничто другое не может встать на место правосудия. В этом случае, ни о какой демократии не может быть и речи. Важно заметить, что значение такого случая не может ограничиться пределами одной страны. Это непременно глобальное значение, особенно когда дело касается таких стран, как Россия, с её историей, статусом, природными ресурсами, военным потенциалом.

Основы нашей судебной системы заложены Октябрьской Революцией. Оттуда и надо начинать. Именно тогда революционные вожди, превращая власть в самовластие, без остатка уничтожают своего смертельного врага — сам принцип Права (того самого Права: вне политической государственной власти и над нею). Но нельзя же было заявить себя бандой, которая уж вовсе никакими правилами не стеснена. Вот почему создаётся и всё чаще используется новое, «революционное» суррогатное законодательство и ещё более суррогатное «революционное» правосудие. На сцену истории напыщенно выступил герой этого комментария — служивое право. Да так и остался на подмостках до сих пор. Ниже я попытаюсь очень неполно и в грубых чертах обозреть судьбу этого неприятного персонажа в недавнем прошлом и в наше время; а, главное, — обстоятельства, определявшие эту судьбу. Но начну я не в хронологическом порядке. Я начну с главных, связанных с юстицией, событий последнего

времени — двух судебных процессов М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева. Главных по яркой выраженности политических мотивов высшей государственной власти, не скрываясь затеявшей эти дела. И по политическим последствиям этих судов (хотелось бы надеяться, в том числе и по международным политическим последствиям). И по вопиющей наглядности беспочвенных обвинений и судебской предвзятости. Наконец, и по демонстративной жестокости приговоров.

Воспитание бизнеса

Тактика нашей, с позволения сказать, «политической элиты», укрепляющей нашу модель «государственности», нередко сводится теперь, в основном, к этакой публичной педагогике, весьма, впрочем, небезобидной для тех, кто назначен на роль наглядных пособий. А вот учителями, ну, в крайности, ассистентами учителей, на эти уроки, как правило, нанимают как раз судей. Сам факт участия суда в этом своеобразном политическом просвещении имеет огромное значение. Внутриполитическое — сами понимаете, какой почтительный ужас привычно испытывают к суду в стране 12-ти пунктов 58-й статьи, троек и ГУЛАГа. И международное — судебный макияж (впрочем, проще и стилистически точнее по-лагерному, «марафет») очень прилично выглядит в законопослушных странах.

От судебных требуется немного, давно привычное и родное — прежде всего, твердо знать, что идёшь в процесс не какие-то там прения сторон оценивать, а защищать интересы государства; значит, иметь политическое чутьё, понимать предмет и задачу урока; следовательно, понимать и птичий язык — по-русски-то тебе никто эту задачу объяснять не станет; словом, нужно твердо владеть основами «права Андрея Януарьевича

Вышинского», как он, самоуверенно и бесстрашно фальсифицировать юридическую логику.

Предмет и наглядные пособия данного урока бизнесу были выбраны как нельзя более удачно. В *делах «ЮНОСа»*, цели власти, ее страхи, её приемы оказались просты и цинично обнажены.

Первое дело. Руководителей «ЮНОСа» — М.Б. Ходорковского и П.Л. Лебедева — обвинили в мошенничествах и в неуплате налогов, — как личных, так и причитающихся государству с компании.

Поддержка обвинения в обществе была практически стопроцентно гарантирована в виду полной несомненности расхожей истины о том, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Ну и, в самом деле, вряд ли сотни стремительно выросших баснословных отечественных состояний есть свидетельство русского финансового гения!

Дело обстояло гораздо проще, гения не требовалось. Государственная власть продавала крупную собственность по ею самой установленным ценам и по правилам торга, которые опять-таки устанавливала сама же. Между прочим, по официальным советским (и постсоветским!) утверждениям продавала она не свою собственность, а собственность общенародную, которую именовали для сугубой неясности чаще достоинством, от чего дело, однако, не меняется. Государство выступало в качестве распорядителя и управляющего народной собственностью, имея эту собственность «в ответственном распоряжении». Вот этот самый нерадивый распорядитель преступно разбазарил чужую собственность за бросовые цены и одного из приобретателей взял да и посадил на скамью подсудимых, взваливши на него свою собственную вину. Почему именно этого и почему именно его одного?

Да потому, что этот крупный собственник пожелал воспользоваться своим конституционным правом — за-

Если справедливость
 поставлена на карту,
 амбициозность не может быть
 переломом. На работе
 эффективнее,
 ибо это
 способ решить
 справедливо.
 Тетра, Минер

блиг.

давать власти неудобные для нее вопросы и заявить о неудобных для нее политических намерениях. Он, видите ли, занимает независимую политическую позицию! Декларировав открытость компании ЮКОС, прозрачность её дел и отчетности, Ходорковский недвусмысленно потребовал того же и от самой власти. Более того, он прямо заявил о намерении организовать и финансировать оппозицию. Кремлю не нужно было объяснять, как с такими деньжищами создают политическую оппозицию. Что-что, а уж это команда знала отлично! Достаточно вспомнить, как за два месяца до выборов эта самая команда стыдно сказать из чего «сляпала» будущую партию власти — легендарного «Медведя» (Межрегиональное движение «Единство»). Так что оставить гордеца без наказания было бы просто опасно — дурной пример заразителен, миллиардеров в стране стало очень много, народ они амбициозный. Потому урок, адресованный бизнесобществу, требовался срочный и жестокий, я бы даже сказал, с нарочитыми юридическими огрехами, чтобы каждому было ясно, что никакие деньги, никакие адвокаты, и никакие заграничные связи не спасают от царского гнева.

Нет надобности переизлагать многочисленные публикации по первому делу ЮКОСа. Позволю себе только одно замечание. Интересно, как образовались миллиардные налоговые задолженности? Как могли их годами не замечать налоговые ведомства? Неужели они не проводили обязательных проверок и ревизий, предусмотренных нормативными документами? Оказывается, проводили. Не раз. И результаты проверок приобщены к делу. В этих документах сказано, что налоги уплачены своевременно и в полном объёме. Подлинность заключений о ревизиях сомнений не вызвала. Но и претензий к налоговикам ни у суда, ни у прокуратуры не возникло! Да как же так? Ведь это

же налоговая ревизия, а не рецензия на спектакль! Ведь тут не может быть двух мнений — существуют обязательные скрупулёзнейшие правила проведения налоговых проверок. Ведь ежели *уголовный* суд обнаружил злонамеренный налоговый обман, так значит, налоговая инспекция совершила тягчайшее должностное преступление! Кому же нужен инспектор (а, кстати, и соответствующий министр тоже), который сквозь пальцы пропускает налоговые утечки в миллиарды долларов?! Заметьте, здесь опять сквозит та же логика, которая обнаружилась при обсуждении претензий относительно сделок эпохи ранней приватизации. Сегодня вас и ваши поступки оценивают по одним критериям, завтра по другим. Правила меняются по ходу игры и всегда, почему-то, одним игроком. Такой игрок никогда не проигрывает. Как говорится, «знать бы прикуп, можно не работать».

Урок бизнесменам удался на славу. Резюмировать его естественно на языке, адекватном ситуации и её создателям. Это грубоватый, но выразительный язык, объединяющий всех «социально близких» нашей власти. А эта власть по сути дела обратилась через Меццанский суд к адмиралам и капитанам отечественного бизнеса приблизительно с такими словами: «Воруй, сука, да помни, кто тебя крышует!». Адмиралы усвоили. Они понятливые.

И ещё. Многие не уверены, что после разгрома «ЮКОСа» его огромные деньги целиком осели в казначейских закромах. Эксперты называют подконтрольные членам властной группировки разные экономические структуры, мимо которых не протекли эти финансовые потоки. Кажется, это только подозрение, но оно правдоподобно — не вполне корректными представляются специалистам пути упомянутых потоков. Как-то странно, например, выглядит то обстоятельство, что наш тогдашний Президент оказался одновременно га-

рантом Конституции и гарантом «Байкалфинансгрупп», заведомо подставного покупателя «Юганскнефтегаза», крупнейшей части «ЮКОСа». Эта самая никому не ведомая «Байкалфинансгрупп» возникла ниоткуда, осела в каком-то тверском ресторане и растворилась в тумане, едва только успевши перепродать в рекомендованные ей хорошие руки свою грандиозную покупку. Бог весть, откуда господин Президент так хорошо знал эту невидимую финансовую группу?

2-ое дело. Протекли годы (тюремные, между прочим, годы, не баран начихал), срок к концу и начинается второе дело. По вновь открывшимся обстоятельствам, видимо, иначе-то как же? Почему, собственно, они открылись *в н о в ь*, что мешало им открыться прежде, не ясно. Теперь и это дело пора уже вспоминать. В чём же именно обвиняли (и обвинили) Ходорковского и Лебедева в этом новом, вот только что закончившемся, деле? Уникальная, я бы сказал демонстративно издевательская, особенность этого процесса состоит в том, что этого не знает никто. То есть не знает в том точном и конкретном смысле, которого требует закон — единственном смысле, исключающем различные толкования, смысле, как раз только поэтому и допускающем судебное разбирательство дела. А вот в том не вполне определённом, несколько приблизительном, скажем так, виде, который соглашается принять наше невзыскательное правосудие, из многотомного сумбура обвинительного заключения возникает коренное слово — хищение. Оно равно подхвачено как официозом, так и критическими репортажами из зала суда. Ещё бы, через 2 с лишним года неопределённых намёков и угроз сторона обвинения должна убедительно ответить на длинный ряд вопросов: Что похищено? У кого? Чем? Каким способом? Когда? Где? Сколько? При каких обстоятельствах? И этим, как легко видеть, список вопросов не исчерпан. Первые же ответы обескура-

живают. Мне кажется, не только наблюдателей, но и многоопытную защиту, и подсудимых; надо думать и судью. Обескураживают настолько, что фундаментальный и последовательный Ходорковский упрямо добивается, чтобы суд подтвердил — обвинение действительно утверждает, будто похищена именно *нефть*(!).

Это не слабое утверждение. Нефть похищена в совершенно раблезианских количествах, что-то *350 млн. тонн*. Она в корыстных целях похищена у нефтедобывающих дочерних компаний ЮКОСа, целиком принадлежавших самой центральной фирме ЮКОС. А похитители, разумеется, организованная Ходорковским и Лебедевым преступная группировка, включавшая некоторых известных обвинению лиц, но также и неустановленных персонажей. Конечно, похищена всё та же самая нефть, с которой были недоплачены миллиардные налоги, за что и получили нынешние подсудимые по 8 недосиженных ещё лет лагерей по первому своему делу. И вся нефть, до последнего станкана. Оказывается, она не просто протекла мимо налогового ведомства, так сказать, *duty free*, точнее, с большой недоплатой, нет, ещё **до** того она, оказывается, была похищена.

Тогда, в первом процессе, этого просто как-то не заметили. Ни следователи, ни сторона обвинения, ну и суд тоже. Всю документацию перепроверили, а вот хищения не увидели. Ну ладно, что ж следователи, кто не ошибается, да ведь вот и жертвы преступления, те нефтедобывающие ОАО, которые в нынешнем суде имеют процессуальный статус потерпевших, так и те *тогда* никакого хищения не заметили. Вот, бывает же так. Просто патологическая беспечность. *Всю* продукцию у них украли, а они и в ус не дуют. Доверчивость подводит, верят у нас людям...

Итак, похищенная нефть продана с весьма немалой выгодой. Естественно даже предположить, что просто

с гигантской выгодой. А как же не с гигантской — ЮКОС-то, как ни странно, убытков от этого хищения не понёс. Напротив, заработал, кажется, 15,8 млрд. американских долларов, что удостоверено различными формами бухгалтерского учёта и аудитом. И эта сумма, похоже, по всем отчётам вполне соответствует количеству добытой, транспортированной, переработанной, проданной нефти, всем операциям, проделанным с нею, налогам и ценам. Всё это очень странно.

Ну да, конечно, преступная группировка похищала нефть не у ЮКОСа, а у его дочек. Но ведь похищала-то не для конторы, а для себя. Ведь она, эта группировка, а не контора, сбывала похищенное, иначе, зачем же похищать. Почему же контора не понесла убытков из-за упущенной выгоды? (Так, кажется, это называется?)

Но случается нечто и ещё более интересное. Оказывается и пострадавшие, то бишь жертвы хищения, те самые дочерние компании ЮКОСа — и они не в накладе. Они окупили все расходы по добыче нефти, они получили выручку, причём такую, что образовалась и *прибыль*. (Вот потому, наверное, вовремя и не заметили хищения.)

Иными словами, все при деньгах — и преступники, и жертвы преступления, и общая их крыша, контора, ЮКОС. Так что же это за хищение? Это не преступление, это какая-то волшебная филантропия. Ну, сколько заработала организованная преступная группировка, это мы пока не знаем, это нам потом прокуроры и суд объяснят, а всё остальное, вся эта скучная проверенная, перепроверенная бухгалтерия — пожалуйста, как на ладони.

Понятно, откуда гипотеза о сверхвыгоде. Ведь это сколько же надо криминальных заработков, чтобы всем хватило и себя не обидеть! И 2-ое начало термодинамики заколебалось, и Ломоносов с Лавуазье, похоже, тоже чего-то важного не додумали.

А каким же способом могла быть похищена нефть? Априори очевидно, что открытые способы, сопряжённые с насилием или его угрозой, такие, как грабёж или разбой, заведомо не могли иметь места. Значит, это тайное хищение.

Кража? То есть, что, физическое изъятие нефти из труб, по которым она протекала (никем не замеченное притом), и переначка её куда-то в иную ёмкость? Куда? В другие трубы, танкеры, цистерны, канистры, бутылки? Оставим эти неприличные абсурды.

Но есть ли у преступников в запасе ещё хоть один способ *похитить нефть*? Сторона обвинения полагает, что есть. Нефть можно похитить не отняв и не украв её. Грубо говоря, путём мошеннических махинаций в разного рода деловых операциях, коммерческих соглашениях и т. д. Приводится даже некая модель такого хищения, не слишком, по-моему, логично и внятно изложенная. Модель эта опирается на соображения о ценах на нефть во *внутренних* взаиморасчётах Открытого Акционерного Общества Нефтяная Компания ЮКОС. И на оценку стороной обвинения правоотношений разных структур *внутри* вертикально интегрированной ОАО НК ЮКОС — в частности, отношений нефтедобывающих дочерних компаний («Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть» ВНК) с основной компанией ЮКОС. Например, подчиняются ли дочерние компании своему владельцу, основной компании, и насколько, если подчиняются. Мне-то, честно говоря, кажется, что всё это, скорее предмет гражданских правоотношений, но внедряться в эти проблемы я не сумею и не стану.

Я твёрдо знаю, однако: если нечто (что угодно — вещи, изделия, жидкости, газы) похищено, никакие махинации не помешают обнаружить, что у прежнего владельца этого похищенного больше нет. Он не продал, не подарил, не израсходовал свою собственность, нет — просто лишился. Напротив, у похитителя эта чужая

собственность неминуемо появляется. Если такой факт не обнаружен, то и хищение не состоялось. Между тем, никто, никогда (вплоть до конца прошедшего процесса!) не констатировал подобного перемещения нефти внутри ОАО НК ЮКОС. Ходорковский, Лебедев, какие-то заодно с ними действующие лица (организованная преступная группировка, ОПГ) вообще не владели нефтью. (Если, конечно, не предположить, будто ЮКОС это и есть псевдоним ОПГ. Но такого подозрения, кажется, никто пока не заявил?)

Второе, что я считаю совершенно очевидным, просто не требующим доказательств. Нельзя облагать налогом выручку от кражи, мошенничества, грабежа и т. д. Государство, которое прибегло бы к такому налогообложению, узаконило бы эти преступления. Тогда надлежало бы исключить эти — вероятно, и другие — составы из уголовного законодательства и открыть дорогу криминальному бизнесу.

Между тем, главная часть предыдущего, первого процесса против ЮКОСа, сводилась к рассмотрению обвинения в злостном уклонении от уплаты налогов. Суд нашёл весьма крупную недоплату налогов со всей добытой и проданной ЮКОСом нефти и взыскал с компании астрономическую сумму в виде штрафов и компенсации недоплат. (Я-то нахожу, как видно по началу этого комментария, тогдашние обвинения сфабрикованными, а этот первый приговор Мещанского суда неправосудным, но в данный момент это не имеет значения.)

А теперь, по версии обвинения, оказывается, что нефть, принесшая такой обильный налоговый урожай — ворованная и, следовательно, никакому налогообложению не подлежала! Иными словами, две обвинительные версии этих судебных процессов никак не совместимы. Что делать? (Мне кажется уместным напомнить, что в обоих судебных процессах в качестве стороны высту-

пало *государственное* обвинение и приговор в обоих судах был постановлен именем *Российской Федерации*. Так что разрешение щекотливой ситуации затрагивает самый что ни на есть *государственный* уровень.) Так что же предпринять?

Для начала я попробую догадаться, что будет принято. Думаю, что теперь, после второго обвинительного приговора, представители России в разных международных судах будут упрямо твердить, будто конфискация преступно нажитой собственности вполне совместима с её же налогообложением. Ну что ж, придётся этим представителям временами покраснеть, да ведь дело привычное, работа такая — государственные нужды, бывает, не обеспечишь, не пожертвовав личным уютом. А может, и краснеть не понадобится. Ведь западная политкорректность, коллегияльная вежливость всегда дают хорошую возможность не заметить тщательно спрятанный иронически-участливый взгляд: «Э-э-э, да ты, брат, на службе не только у закона». Конечно, я рад был бы ошибиться.

Если задуматься не о том, что будет сделано, а о том, что надлежало бы сделать, то и тогда, мне кажется, отгадка логически не так уж сложна. Я подчёркиваю, *логически* — ибо в политических реалиях сегодняшней России практически осуществить логически прозрачную программу просто невозможно.

Итак, надлежало бы возбудить несколько дел о преступлениях против правосудия, в которых скрупулёзному, самому тщательно расследованию подверглись бы некоторые, самые яркие, политически мотивированные судебные дела последнего времени, ну, например, 7–10 лет. Можно расследовать и «заказные» дела с иной внеправовой мотивацией, но это потом. По понятным причинам сначала политические. Вот и всё. И это был бы первый, очень точный и очень решительный, а, главное, эффективный шаг в судебной реформе, о

которой столь озабоченно, гладко и бессодержательно говорят теперь многие, начиная с Президента РФ. Остальное дело техники, правда, весьма длительной и непростой.

Дело за малым — где взять ту политическую власть, которая назначит того Генерального Прокурора, который поручит возбудить те уголовные дела, которые решительно начнут тот трудный путь, который приведёт к независимости российского правосудия, той независимости, которая сделает РФ правовым государством. Это заманчивая тема для спекуляций, но я уже давно вышел за пределы стоящего передо мной вопроса.

Вызывающе скандальная абсурдность обвинения «организованной преступной группировки» Ходорковского-Лебедева в хищении нефти¹ воскрешает в памяти откровенные времена, когда в отечественном правосудии совершенно открыто, я бы сказал навязчиво открыто, господствовали «классовое чутьё» и «революционное правосознание». Когда фабула обвинения целиком заимствовалась из неистощимой следовательской фантазии, рождавшей то троцкистов из среды полуграмотных крестьян, то профессор-диверсантов, готовых подсыпать гвозди и толчёное стекло в продукты питания, на худой конец, в машинное масло. Но ведь эти фантазии подталкивались социальным заказом!

Такой заказ, политическая надобность нашей своеобразной власти в атаке на ЮКОС, были уже упомя-

1 Помимо этого, главного хищения, сторона обвинения усматривает также случаи хищения той же «преступной группировкой» акций дочерних компаний. Но в других местах обвинительного заключения, также и части выручки, а в третьих — части прибыли. Я нахожу излишним касаться всех этих подробностей. Я совсем не насаюсь также обвинения в легализации («отмывании») денег.

нуты в начале Комментария. А в первой части работы Александр Пумпянский подробно рассмотрел мотивы этого толка, включая личную взволнованность Национального Лидера. Пришла пора предпринять краткий обзор процессуальных нарушений в расследовании и судопроизводстве и некоторых иных обстоятельств второго дела, свидетельствующих, очень мягко говоря, о предвзятости и необъективности этого уголовного преследования.

Речь пойдёт лишь о некоторых примерах «технических», так сказать, приёмов, которыми обвинение старалось придать своим фантазиям видимость правдоподобия. Или максимально запутать всё дело для стороннего наблюдателя.

Давление на свидетелей. Пожалуй, наиболее яркий пример – тюремная судьба В.Г. Алексаняна. Адвокат, бывший руководитель правового управления ОАО НК ЮКОС, по последнему делу Ходорковского и Лебедева проходил как их соучастник; В.Г. Алексанян очень тяжело болен, у него выраженное злокачественное заболевание в довольно далеко зашедшей стадии и ряд других серьёзных болезней, связанных с первой, либо не связанных. Оказать ему адекватную медицинскую помощь в тюремных условиях более, чем трудно, пожалуй, даже невозможно. 22 января 2008 г. в Верховном Суде Алексанян заявил: «... 28 декабря 2006 г... следователь Наримов... сказал: ...Вам необходимо лечиться, может быть даже не в России... нам необходимы Ваши показания... если Вы дадите показания, устраивающие следствие, то мы Вас выпустим...».

«...В апреле... <2007 г.> следователь Хатыпов... <сказал защитнице Алексаняна> ...пусть он признает вину... согласится на условия... и мы его выпустим...»

«...а 27 ноября... следователь Русанова... дайте показания и мы проведём ещё одну судебно-медицинскую экспертизу и выпустим Вас из-под стражи...»

Лишь 8 февраля 2008 г., после соответствующих решений Европейского Суда по Правам Человека (ЕСПЧ), Алексанян был помещён в «городскую» (вне тюрьмы) гематологическую больницу.

22 декабря 2008 г. ЕСПЧ вынес постановление по жалобе «Алексанян против России». Суд признал доводы Алексаняна обоснованными; пришёл к выводу «...что власти страны не позаботились достаточно о здоровье заявителя... Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции». И заключил: «...что с декабря 2006 года власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые нельзя считать «соответствующими» и «достаточными»... Таким образом, имело место нарушение статьи 5 парагр. 3 Конвенции».

Хочу особо подчеркнуть – противозаконные домогательства следователей не были должным образом расследованы, не были пресечены ни прокуратурой, ни судом. Более того, они были, фактически, весьма эффективно **поддержаны прокуратурой и судом**. В самом деле, в подтверждение следовательских угроз, очень тяжело больной человек около **полутора лет содержался в тюрьме без надлежащей медицинской помощи**.

Давление на Алексаняна – совсем не эксклюзивный случай. Похоже, что обработка свидетелей, напротив, рутинный приём в расследовании **любых** дел, связанных с ЮКОСом.

Вот показания А.В. Пичугина 23 апреля 2008 г. в заочных слушаниях Мосгорсуда по делу Л.Б. Невзлиной, бывшего вице-президента ЮКОСа, обвинявшегося в организации ряда убийств. Сам Пичугин, бывший руководитель отдела службы безопасности ЮКОСа, ранее был судим в трёх судебных процессах по обвинению в убийстве супругов Гориных, а также в организации вместе с Невзлиным (и по его поручению) ещё несколь-

Моя трагедия пошла всерьез —
 к лицу лицу помнюсь о сцену
 и ты возмёт-пустой вопрос
 возмёт мая-но Шапка черту.

И. Губерман

И я сказал себе герфиде
 Господь суров, но прав
 Нельзя прощит в России Ништо,
 Торгнуть не повизал.

И. Губерман

Сег

них убийств и покушений на убийство. Жертвами этих преступлений по утверждению обвинения были Петухов, Корнеева, Колесов и Рыбин. Пичугин был приговорён, в конце концов, к пожизненному заключению. Должен заметить, что процессы Пичугина и Невзлина дают более чем веские основания усомниться в правосудности постановленных приговоров, но здесь я не стану об этом писать.

Итак, 23 апреля 2008 г. Пичугин утверждал, что начиная с апреля 2004 г. следователь Банников убеждал его дать обвинительные показания на Невзлина, Ходорковского, Брудно и других первых лиц ЮКОСа, якобы заказчиков упомянутых преступлений. Ему говорили, что дело политическое и потому лично он, Пичугин, никого не интересуется. Угрожали пожизненным заключением, а в случае согласия обещали отправить за границу по программе защиты свидетелей. Помимо Банникова в этих уговорах в разное время участвовали Буртовой, начальник управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Лысейко (март 2005 г.), прокурор Кашаев.

31 августа 2010 г. В.И. Переверзин показал в Хамовническом суде по второму делу Ходорковского и Лебедева: «Во время следствия на меня оказывалось давление сотрудниками прокуратуры. Мне предлагали оговорить Ходорковского с Лебедевым. Взамен на условный срок». Бывший заместитель директора по вопросам внешнего долга, В.И. Переверзин, был осуждён ещё в 2007 г. по эпизодам, вменённым также Ходорковскому и Лебедеву. Осенью 2010 г. должен был рассматриваться вопрос об условно-досрочном освобождении Переверзина, которому, однако, препятствовало некое взыскание, наложенное на Переверзина за конфликт с другим заключённым. В суде об отмене этого взыскания выяснилось вдруг, что никакого конфликта вообще не было, жалобы этот, другой, за-

ключённый не писал, а имеющаяся в деле жалоба — поддельная. Впрочем, лагерная администрация может не переживать, ничего непоправимого не произошло, никаких УДО непослушному Переверзину не будет, ибо ему как раз вовремя объявлено новое дисциплинарное взыскание.

И ещё о свидетельствах. Дела Пичугина и Невзлина изобилуют отказами в суде от ранее данных свидетельских показаний. 21 апреля 2008 г. Геннадий Цигельник и Евгений Решетников заявили в суде, что оговорили Невзлина и Пичугина, назвав их заказчиками и организаторами убийств. Цигельник утверждал, что к ложным показаниям, которые он дал в 2006 г., его склонили следователи Генпрокуратуры Буртовой и Банников, обещавшие за лжесвидетельства снизить грозивший ему тюремный срок до 6–7 лет. Однако, вопреки обещаниям следствия, Мосгорсуд приговорил его к 18 годам заключения. Вот почему он отрекается теперь от оговора лиц, на самом деле ему вовсе незнакомых. Что ж, вполне правдоподобно по нынешним временам, но об этом несколько ниже.

Решетников, в 2006 г., во втором суде Алексея Пичугина, признался в соучастии в убийстве мэра Нефтеюганска Петухова, а также в покушениях на убийство бизнесменов Колесова и Рыбина. Заказчиками этих преступлений он назвал тогда Невзлина, Ходорковского и Пичугина. Но в апреле 2008 г., всё в том же суде по делу Невзлина, Решетников показал, что версию «заказа» убийств со стороны должностных лиц ЮКОСа он впервые услышал из уст следователя Буртового, который детально изложил ему эту версию, а потом посоветовал «дать правдивые показания».

Подсудимый Владимир Шапиро, которому вменялось убийство В.Корнеевой, в закрытом заседании Мосгорсуда летом 2006 г. (второй процесс по делу А. Пичугина) показал, что ни Алексей Пичугин, ни

Леонид Невзлин не заказывали ему это убийство — он их не знал и никогда не видел. Шапиро заявил, что именно эти, последние, его показания соответствуют истине, а не те, которые он давал прежде. То же самое он повторил в кассационной жалобе, адресованной в коллегия Верховного суда. В этой жалобе он утверждал также, что следователи обещали ему «манну небесную» за лжесвидетельство против Пичугина и Невзлина. Но 24 мая 2007 г., в третьем процессе А.Пичугина, Шапиро вновь вернулся к обвинению Пичугина и Невзлина, якобы заказавших совершённое им убийство. Той же версии он держался и в апреле 2008 г., в процессе по делу Невзлина. Однако, 18 апреля 2008 г. на вопрос адвоката «... не обещали ли ему побряжек за оговор Пичугина и Невзлина» Шапиро недвусмысленно ответил: «Я не хочу, чтобы меня убили».

Отказался от ранее данных показаний и Михаил Овсянников 17 и 19 июля 2006 г., на втором процессе по делу Пичугина. Овсянников сообщил: «Все показания против Ходорковского, Невзлина и Пичугина были даны мною под давлением следствия». По словам Овсянникова, психологическое давление на него оказывали старший следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Смирнов, следователь Банников и оперативный работник Смирнов (однофамилец следователя). Следователи говорили ему, дескать «...это дело государево, и не попасть в оборот можно, только полностью сотрудничая с ними». «Меня запугивали — заявил Овсянников — обещали накрутить не меньше 18 лет за организацию убийств». Банников предупредил его, что «у генпрокуратуры всё схвачено» и она «всё равно победит в суде». Овсянников заявил суду, что никогда не был знаком с Пичугиным и видел его лишь однажды, мельком. Он сообщил, что давление на него продолжается, что накануне судебного заседания

17 июля он получил листок с перечнем вопросов го-собвинителей и ответов, которые надлежит дать. Ему намеряли, что такое «сотрудничество» может привести к условно-досрочному освобождению. Он сообщил также, что не раз писал в прокуратуру о незаконном давлении на него, но получал отказы в возбуждении уголовного дела по изложенным фактам.

Как следовало ожидать, суды нимало не были смущены всеми этими жалобами на давление и отказами от прежде данных показаний. Буртового, Банникова, Смирновых и других даже и не подумали допросить, изменённые показания отвергли, а за предшествовавшими оговорами признали доказательную силу. И то сказать, очень многочисленные рассказы об этом вот рода «следственных приёмах» никого в наше время не удивляют. Да что там, в каждых четырёх из пяти заполнивших экраны теледетективах их герои, отважные и находчивые «менты» из «убойных отделов», ловко вымогают показания свидетелей, обладающих не вполне безупречной репутацией, как раз угрозами, обещаниями, напоминаниями о старых грехах, остроумными инсценировками и проч. И что же? Массовый зритель нисколько не шокирован, он воспринимает это, как должное. Увы, похоже, что такие приёмы переключались на телеэкран из жизни. А, впрочем, кочуют и назад.

Весьма показательны, кстати, личные характеристики многих свидетелей обвинения в делах Пичугина и Невзлина. Как правило, это уголовники со стажем. Понятно, что в делах об убийствах, тем более заказных убийствах, непросто найти иных свидетелей, однако их показания требуют особой проверки. В обвинении Пичугина очень важную, если не основную, роль играют показания И.О. Корвникова. Это человек из руководства тамбовской уголовной банды. Осуждён на пожизненное заключение. За ним 8 убийств,

5 изнасилований (в том числе насилие над малолетними). Один из обвиняемых по второму пичугинскому делу Г.А. Цигельник имеет за спиной 5 судимостей (наркоторговля, оборот оружия). Мой собственный опыт заключённого, редактора «Хроники текущих событий», опыт моих близких друзей, оказывавшихся в уголовной зоне, показывает, что в уголовной среде совсем не сложно найти охотников поторговать своими показаниями. Притом, по сходной цене. Мне достоверно известны немало случаев, когда повторный срок политзаключённого целиком основывался на лжесвидетельствах его уголовных сокамерников, даже не скрывавших, что они продали свои показания за мизерное сокращение срока, или ещё более мелкие лагерные льготы.

Теперь я коротко перечислю другие грубые нарушения закона со стороны обвинения, которые суд не попытался учесть и даже не пожелал заметить. Подробная аргументация этих пунктов в Ходатайстве защиты о прекращении уголовного дела от 6 марта 2009 г.

Дело о хищении нефти не возбуждалось. В материалах дела нет постановления о возбуждении уголовного дела; его и не могло быть, поскольку сторона обвинения не может привести ни повода, ни оснований для возбуждения, соответствующих требованиям закона. Нет заявления, или явки с повинной, или сообщения о преступлении, полученного из иных источников. Отсутствуют и признаки преступления. Никто никогда не обнаружил ни недостачи нефти, ни других признаков её похищения. Между тем, закон предполагает расследование преступления **только** в рамках возбуждённого уголовного дела.

Постановление о возбуждении уголовного дела об отмывании (легализации) денежных средств имеется, но вопреки процессуальным нормам в нём отсутствуют какие бы то ни было фактические данные о поводе

и основаниях для возбуждения уголовного дела. Это дело было возбуждено **2 декабря 2004 г.** Согласно ст. 146 УПК РФ подозреваемые Ходорковский и Лебедев должны были быть уведомлены об этом **в тот же день, а не 14 января 2005 г.**, как это произошло в действительности. Им не были предъявлены какие-либо процессуальные решения, не было предоставлено право дать показания. Подозреваемые были впервые допрошены по этому обвинению только **спустя более 2-х лет (!)**

Искусственное выделение дел, их соединение вновь, расследование одних и тех же обстоятельств в разных делах облегчает возможность манипулировать доказательствами.

Обвинение по делу было предъявлено впервые 5 февраля 2007 г., а уже 16 февраля Ходорковскому и Лебедеву предъявили 127 томов дела для ознакомления. Иными словами, следствие было проведено без их участия – они были произвольно лишены важнейшего, одного из самых фундаментальных процессуальных прав, на которых зиждется право на защиту.

Преобладающее большинство доказательств по второму делу Ходорковского и Лебедева в досудебной стадии были собраны обвинением в рамках расследования других уголовных дел; в делу приобщены 623 протокола допросов 301 лица до начала судебного процесса, и лишь один допрос был произведён по этому, конкретно обозначенному, второму делу; представленные обвинением следственные документы скопированы из других дел. Таким образом, все досудебные доказательства были незаконно собраны в рамках расследования других уголовных дел.

Обвинение и защита вовсе не оказались равноправными сторонами процесса. Когда-нибудь дотошные судебные историки будут анализировать перед студентами длинный список отклонённых ходатайств защиты,

ибо скандальные судебные дела 2000-х, уверен, станут важным учебным материалом, яркими примерами судебной мимикрии. Здесь приведу вопиющие отводы экспертов и специалистов общепризнанного уровня и самой высокой репутации: **Кевин Дейджес**, старший вице-президент компании «Компасс Ленсекон» (США), специалист в области экономики и финансов — «...Суд считает, что Дейджес необходимыми специальными познаниями... не обладает...»; **Лопашенко Наталья Александровна**, директор Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, профессор Саратовской Государственной Академии права, д-р юр. наук — «...не обладает необходимыми специальными познаниями ...»; **Делягин Михаил Геннадьевич**, руководитель института проблем глобализации, академик российской Академии естественных наук, работал помощником Президента по экономике, д-р экон. наук — «...прямо или косвенно заинтересован в исходе... дела...»; **Россинская Елена Рафаиловна**, профессор, академик РАЕН, действ. член междунар. ассоциации по идентификации, директор ин-та судебн. экспертиз Моск. Гор. Юр. Акад., член учёного совета российск. федерального центра судебн. экспертизы при Минюсте, вице-президент палаты судебных экспертов, член президиума учебно-методического объединения судебной экспертизы Мин. образования РФ — «...не обладает необходимыми... познаниями...»; **Савицкий Алексей Анатольевич**, кандидат эконом. наук, доцент, аттестованный аудитор, член аудиторской палаты РФ, дипломированный оценщик по программе «оценка стоимости предприятия бизнеса», весьма авторитетный эксперт в области бухгалтерского учёта и аудита — «...не обладает специальными познаниями...»; **Джон Романелли**, менеджер, инвестиционный банкир широкого профиля, опыт работы в банковской и ин-

вестиционной сферах более 30 лет — *«...не обладает необходимыми специальными познаниями...»*; **Лора Рассел Хардин**, магистр бизнеса, авторитетный специалист в области экономического консалтинга, член консультативного совета института транснационального арбитража, богатый опыт работы в судах, работала в различных консалтинговых структурах в России и за её пределами, в том числе в «ПрайсвотерхаусНуперс» — *«...не обладает необходимыми специальными познаниями...»*.

Замысел обвинения, демонстративно поддержанный судом, ясен — не позволить, чтобы в суде убедительно прозвучало авторитетное мнение: **внутренние правоотношения в вертикально интегрированной компании ОАО НК ЮКОС весьма обычны и не противоречат закону.**

Едва ли не первое место в конкурсе вопиющих процессуальных нарушений этого исторического суда займёт, по своей бесстыдной открытости, нарушение, полностью отвергающее столь фундаментальные процессуальные гарантии, как принцип состязательности и равноправия сторон. Суд отказался вызвать в судебное заседание для допроса адвокатами защиты подавляющее большинство экспертов со стороны обвинения, несмотря на то, что заключения этих экспертов, якобы доказывающие хищение нефти, были приобщены к материалам дела. Единственным экспертом обвинения, допрошенным в суде в октябре 2009 г., был **Ю.В. Школьников**, чьи показания касались оценки стоимости пакетов акций «дочек» ВНК. В ходатайствах о вызове в суд экспертов **А.С. Иванова**, **Д.А. Кувалдина**, **С.В. Мельникова**, **В.Б. Шепелёва** (9 ноября 2009 г.), **В.Э. Черникова** и **А.В. Мигалья** (28 июня 2010 г. и 14 сентября 2010 г.), **В.Р. Елояна** и **П. Куприянова** (28 июня 2010 г.) было отказано.

Было отказано даже в ходатайствах **о приобщении к делу материалов (документов и вещественных доказательств), которые использовались экспертами, так как экспертиза проводилась по материалам, содержащимся в другом деле.** Это уж вовсе небывалая судебная новация. Представим себе суд, который ищет доказательств изнасилования в деле о карманной краже — и скрывает от защиты обстоятельства, связывающие эти два события.

Нелишне заметить, что Европейский Суд по правам человека, который счёл приемлемой жалобу Платона Лебедева, в своих «Вопросах сторонам» предлагает Правительству РФ особо объяснить, почему суд не допросил экспертов г-на Всеволода Елояна и г-на Павла Куприянова.

Дело слушалось в Хамовническом суде Москвы заметно дольше полутора лет. Оно могло бы слушаться один день. Долгие месяцы понадобились не для того, чтобы обмануть хоть сколько-нибудь внимательных наблюдателей — это просто невозможно. Все они, независимо от политических пристрастий и личных предпочтений, отлично понимали кем, когда и где был постановлен приговор.

Долгие месяцы этого, с позволения сказать, «процесса» — проформа, видимость, фигура приличия, рассчитанная на гораздо более широкий круг потребителей — невзыскательных, неопытных, неспособных разобраться в чуждом профессиональном языке, очень занятых и не очень любопытных. И ещё на тех, кто традиционно и естественно не любит ни образованных, ни богатых, зато души не чаёт в простонародной грубости. И тех, кто привычно боится власти и держит нос по ветру. Словом, внутри страны судебный фарс предназначался довольно значительному большинству населения.

Наконец, ещё один очевидный адресат этой безвкусной инсценировки — политкорректный Запад, недальновидный и трусливый, беспринципно равнодушный к собственным пышным декларациям и озабоченный лишь мелкими политиканскими успехами в пределах объявленной ныне «перезагрузки».

Я должен оговориться — речь идёт о так называемой западной «политической элите». Но есть же, однако, и профессиональная честь! Потому позорный эпилог этого бесстыдного процесса — решение судебных органов Великобритании, Германии, Италии, Швейцарии, Кипра, Лихтенштейна, Литвы, Эстонии отказать властям РФ в правовой помощи по причине очевидной политической мотивированности «дела ЮКОСа».

Например, Постановлением швейцарского Федерального трибунала от 13 августа 2007 г. России отказано в правовой помощи по «делу ЮКОСа», поскольку совокупность исследованных судом данных ***«отчётливо подкрепляет подозрения в использовании уголовного процесса как инструмента власти в целях подчинения класса богатых «олигархов» и удаления потенциальных или реальных политических противников».***

Другой пример: утверждённое Вильнюсским окружным судом постановление Генеральной прокуратуры Литвы от 24 августа 2007 г. «Об отказе РФ в экстрадиции Михаила Брудно» поскольку ***«очевидно, что целью обвинений, выдвинутых Российской Федерацией против акционеров и руководителей НК ЮКОС, несомненно, является преследование и наказание их за их политические взгляды».***

Думаю, важно хорошо понимать, что этот позор ложится, главным образом, не на жалкого Данилкина и даже не только на злобного Путина. Каждый из нас причастен к нашей национальной трагедии.

Неодолимая сила марксизма. И это — надолго

Вот неизбежные вопросы: почему в стране, провозгласившей Конституцию РФ 1993 г. (при всех своих очевидных недостатках, это всё же отчётливо демократическая Конституция) оказались возможными описанные выше судебные процессы? Почему неоднократные разоблачения судебной системы, обслуживающей политическую власть, и такие же решительные намерения той самой власти отныне разорвать позорную зависимость суда, завязать, наконец, глаза Фемиде, до сих пор безрезультатны? Что, описанные процессы — исключительный случай, или это отлаженный образ действий российского правосудия?

Ответить на эти вопросы нельзя, не обратившись, по необходимости коротко, к советской и постсоветской истории судебной системы. Само понятие «судебная власть» у нас отнюдь не корректно, ибо принцип разделения властей существует в России лишь в тексте Конституции. Независимость российского суда просто имитируется нынешней политической системой.

Правосудие безусловно подчинено исполнительной власти во всех делах, представляющих для власти политический или иной интерес. Служебная роль суда насаждалась десятилетиями и стала устойчивой и губительной традицией, принципиально несовместимой с демократией. Психологию и обычаи советского судейского корпуса, его генетические связи с нынешним судейством, эволюцию судейского лицемерия — всё это не просто увидеть издалека. Особенно трудно, думаю, отличить камуфляж от реалий русской судебной повседневности европейцам, за плечами которых вена Великой Хартии вольностей, Habeas Corpus Act и Билля о правах.

С первых же дней переворота 1917 года в стране беспрекословно внедрялась марксистская догма права, как инструмента власти, впервые заявленная в Коммунистическом манифесте. «Право — возведенная в закон

воля господствующего класса...» Соответственно этому, самый первый свод революционного законодательства «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» декларирует:

«1. Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой.

2...

3. Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

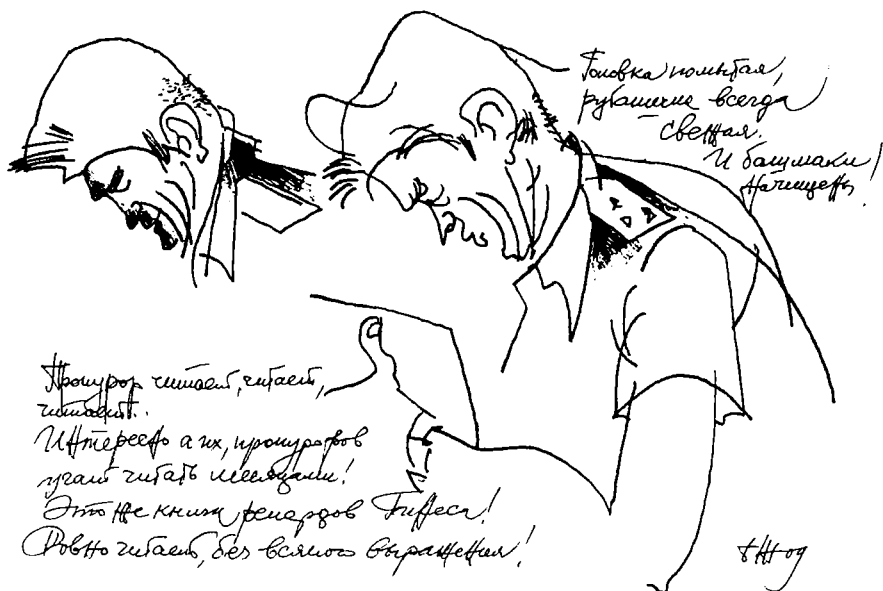
Дореволюционная судебная система была полностью уничтожена. Советская юстиция создавалась заново, опираясь на примат политической целесообразности — т. н. «революционное правосознание»; первый советский диктатор, В.И. Ленин, кстати, юрист по образованию **заказывал** наркому юстиции Курскому нормы первого Уголовного Кодекса (1922 г.)¹, прямо

1 «Товарищ Курский! По-моему надо расширить применение расстрела... (с заменой высылкой за границу) ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с *международной буржуазией*» (курсив и разрядка Ленина) Комментируя некоторые нормы Уголовного кодекса, Ленин пишет: «...Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор... а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого...» Ленин, Собр. соч. 5 изд., т.45, стр. 189,190

подчёркивая их политическую мотивацию, целиком основанную на идее «классовой диктатуры»; соответственно, новое законодательство откровенно поручило новому правосудию обслуживание этой диктатуры.

За этими радикальными идеологическими преобразованиями последовала «практическая школа» новой юстиции. Советская судебная система складывалась на фоне кровавых расправ, организованных государством. И здесь не обошлось без «вождя мирового пролетариата». Вот его наставления членам Политбюро о государственной политике по отношению к церкви в связи с событиями в Шуе¹: «...В Шую послать одного из самых энергичных... членов ВЦИК... чтобы он в Шуе арестовал, как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в... деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей... Он должен... сделать доклад... На основании этого доклада Политбюро даёт детальную **директиву судебным властям, тоже устную**, (Выделено мною. Революционное правосознание тоже не худо иной раз припрятать. — С.Н.) чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как разстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров...» (Полный текст письма: Приложение 1).

1 15 марта 1922 года в Шуе в связи с насильственным изъятием ценностей из храмов и церквей начались беспорядки, которые были жестко подавлены милицией и красноармейцами (5 человек из толпы было убито и 15 ранено). Кроме Шуи массовые сопротивления изъятию были: 11.03 — в Ростове-на-Дону и с 17.03 — в Смоленске.

Сначала новая власть разделалась со своими политическими оппонентами, затем с «социально чуждыми» ей элементами — представителями неугодных сословий, социальных групп, даже профессий. Наконец, наглое беззаконие обрушилось на огромное число граждан страны, совершенно случайно (по нелепому подозрению, по недоразумению, по чьей-то личной антипатии, по чьей-то корысти, наконец, чаще всего, просто по людоедской плановой развёрстке) попадавших в жернова кровавой мельницы. Суды активно участвовали в репрессивной программе государственного произвола, программе беспрецедентной по масштабам и вызывающей циничности.

Существовали и внесудебные органы государственного террора — печально знаменитые «тройки» и «двойки»; суды разделили с ними число жертв террора примерно поровну. Поимённый список жертв политических репрессий в СССР, составленный обществом «Мемориал», включает 2,5 млн. человек. Согласно официальным архивным данным, общее число прямых

жертв политического преследования составляет 12–13 млн. человек.

Незамысловатая модель советского «правосудия» сталинской эпохи во многом опиралась на два очень надёжных основания: пытки, как метод следствия, и принятый правосудием принцип А.Я. Вышинского: «признание обвиняемого — царица доказательств». Уж тут доказывать вину не стоило труда.

Таким образом, в СССР была построена и внедрена в жизнь концепция правосудия, прямо противоположная мировому опыту, мировым тенденциям, наконец, общечеловеческим представлениям о справедливости и совести. Вменённая суду обязанность в своих решениях исходить из политической доктрины классовой диктатуры неизбежно лишала его независимости и делала подвластным государственным спецслужбам. Не могло быть и речи о состязательности судебного процесса и о равноправии сторон. Государство заняло в суде господствующую позицию. Юридическое образование было пропитано духом этой концепции, попытка противоречить ей стоила жизни. В этих условиях судьи не могли не превратиться в важных соучастников репрессивной государственной политики.

Партийная критика «культы личности» Сталина в 1956 г., осуждение и прекращение массовых политических репрессий повлекли важные перемены в жизни страны и психологии общества. В частности, освободили очень большое число политических заключённых сталинской эпохи; власти публично признали использование пыток в ходе следствия и осудили пытки (с тех пор официально санкционированные пытки никогда более не применялись); были подвергнуты уголовному суду наиболее жестокие руководящие работники КГБ. Перемены коснулись также законодательства и регламентации судопроизводства. Обновлённое уголовное законодательство исключало самые одиозные нормы

прежнего закона. Были подвергнуты критике и отвергнуты упомянутые принципы Вышинского в оценке доказательств.

Однако, эти положительные перемены ничуть не затронули главные, определяющие черты советской судебной доктрины. Прежде всего, конечно, речь идёт о независимости либо подневольности суда. Идея разделения властей, идея права не обслуживающего власть, но, напротив, ограничивающего её рамками закона, идея ответственной власти, которую может контролировать независимый, неподчинённый власти суд — все эти идеи смертельны для тоталитарного государства. Но советское государство **было** тоталитарным, **хотело** быть таким и **не хотело** умирать — в этом и состоит причина принципиальной неизменности судебной системы, по-прежнему послушной и готовой к фальсификациям. Вот выразительная характеристика отношения советского официоза к праву и суду — центральный тезис официальной пропаганды: от жестокого сталинского произвола страна **возвращается к ленинским (!) нормам**. (Подумать только, к нормам! Надо полагать, к тем самым «нормам», которые Ленин диктовал Курскому?) А к каким же ещё? Этот лозунг был главным приоритетом внутренней политики вплоть до начала 90-х гг. Во всей громаде господствующей партии кто посмел бы усомниться в нормах, завещанных Лениным?

Вот почему, как раз эпоха Хрущёва, эпоха страстных панегириков **ЗАКОННОСТИ**, парадоксально даёт яркие примеры совершенно неприкрытого давления на правосудие.

Дело о теневом бизнесе. Валютные спекулянты Я. Рокотов и В. Файбышенко арестованы осенью 1960 г. Уже после (!) их ареста высшая санкция соответствующей статьи УК, карающей за спекуляцию валютой, была поднята до 15 лет лишения свободы. Именно к этому наказанию и были приговорены оба

15 июня 1961 г. Первый секретарь ЦК КПСС, Н.С. Хрущёв глубоко возмущён: «Товарищ прокурор, вы что, будете свою политику проводить, или будете слушать ЦК?.. Ишь, какие либералы стали... Законодательство нужно пересмотреть. Руденко мы вот накажем... Верховный суд — т. Горкин, мы вас накажем за это дело и новых людей назначим...». 1 июля председатель Президиума ВС СССР Л.И. Брежнев подписал Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушения правил о валютных операциях». Теперь высшая санкция — расстрел. 19 июля 1961 г. Верховный суд РСФСР приговорил к расстрелу Яна Тимофеевича Рокотова и Владислава Петровича Файбышенко. Дважды в одном деле закон приобрёл обратную силу за какие-то пару месяцев. (ПРИЛОЖЕНИЕ 2).

Второй красноречивый пример — обвинение Л.П. Берия в шпионаже в пользу сразу нескольких государств (!). Не мудрствуя лукаво, они (так ли уж важно, кто это «они») просто использовали для убийства опасного сатрапа надёжную сталинскую (и бериевскую тоже) формулу, гораздо более удобную, нежели многие другие. В самом деле, за что его расстреливать? За личное участие в оговорах или в плановых разнарядках массовых убийств случайных, либо кому-то неугодных людей? Это создавало бы весьма опасный и двусмысленный прецедент — ведь каждый из них делал точно то же. Или, быть может, за руководство самым страшным в мировой истории палаческим приказом? Но это уж вовсе грозило бы политическим крахом — это что же, дотла разнести вооружённый отряд партии, верную стражу великой революции? Нет, Лаврентия Павловича застрелили его коллеги просто из страха (весьма вероятно, очень обоснованного), как вполне возможного потенциального нового тирана, человека опытного и вероломного, опирающегося на серьёзную вооружённую силу, да, к стати, ох как много дурного

знающего обо всех своих друзьях-товарищах. Оттого и шпионаж, венец подлой измены, а всё остальное — так, аксессуар. Соответственно, приговаривали не по закону, а «по понятиям», как и следует в бандах. Ну, если бы по закону! Какая длинная была бы скамья подсудимых! И какие оказались бы на ней тузы, не несколько жалких генералов-бериевцев.

Бог весть, что имеют они в виду, вслух произнося разные слова — законность, например. Не потому плох стал Сталин, что стоял, как и делают они все до сих пор, выше закона. Страшно было рядом с ним, вот что.

В политических процессах хрущёвского периода советской истории, в отличие от предыдущего, обвиняемым, как правило, вменялась критика власти, действительно имевшая место. Иногда происходили даже массовые мирные протестные акции, жестокий вооружённый разгон которых сопровождался жертвами, а участники шли под суд. Приговоры были неправосудны, поскольку и критика, и мирные демонстрации соответствовали Конституции и не противоречили действующему законодательству. Разумеется, критика квалифицировалась как клевета, направленная на ослабление и даже свержение советского строя (точно так же оценивались критические замечания по адресу власти и позднее, после отстранения Хрущёва от власти в 1964 г.). Демонстрации и митинги рассматривались, как попытка организовать насильственные действия против законной **государственной** власти (так это было по отношению к известным трагическим событиям в Новочеркасске в 1962 г.). Таким образом, возникли массовые грубые фальсификации со стороны **государственного** обвинения в судебных процессах.

Эти фальсификации положили начало весьма продолжительной тенденции отечественного правосудия, отнюдь не завершённой и сейчас. Они стали инструментом **имитации независимости** суда. Очень интересный

парадокс — власти имитируют независимое правосудие в то время, как в стране продолжает господствовать (по меньшей мере, до 1991 г.) доктрина диктатуры и права — инструмента этой диктатуры, института, прямо подчинённого господствующему классу (т. е. власти, представляющей этот класс). Разоблачения Сталина просто не позволяли с прежней страстной прямоотой и открытостью пропагандировать марксистскую доктрину права и порождённый ею суд, как-никак непосредственно повинный в сотнях тысяч смертей и миллионах поломанных судеб советских граждан. Но и отказаться от управляемого суда власть не могла себе позволить. Ибо она навсегда хотела остаться властью, а самовластие не может сосуществовать с независимым судом. Что поделаешь, приходилось лгать.

Богатый событиями период правления Н.С. Хрущёва (1954–1964 гг.), начавшийся сразу после смерти И.В. Сталина и часто называемый «оттепель», или «хрущёвская оттепель», оказался началом пробуждения общественной активности, казалось навсегда скованной сталинскими морозами.¹ Эта активность,

1 Неожиданным открытием хрущёвского периода стало — никакая, даже тоталитарная, власть не может существовать без минимальной поддержки в обществе, без некоторого запаса хотя бы кажущейся, хотя бы «эззацлегитимности», если можно так сказать. Именно разоблачения на XX съезде КПСС зародили в советском обществе мысль о том, что действия власти, оказывается, могут быть подвергнуты оценкам. Это было не вполне осознанное, но массовое восприятие. Вдруг обрушился некий абсолютный запрет, о котором не надлежало даже рассуждать. И мир не рухнул. Этот переворот в массовом сознании на самом деле создал условия для того, чтобы инакомыслие стало общественным явлением — не важно, порицаемым или одобряемым, интересующим кого-то или отвергаемым, важно, что оно вдруг приобрело возможность существования вне отдельной головы, даже вне небольшой группы конспираторов.

участников которой стали называть «диссидентами», состояла по преимуществу, в публичных протестах против ущемления режимом прав граждан, реже против некоторых политических решений режима; очень часто — против судебного или внесудебного преследования за независимые мнения, распространение информации и проч. Другая важная форма общественной активности — преодоление цензуры при помощи «самиздата». Общественная активность разрасталась на протяжении десятилетий, проходя разные стадии и организационные формы, сохранилась она и сейчас, приближая возникновение гражданского общества в России. Судебные преследования такой активности, эволюция методов этих преследований, — важнейшая часть истории советского, позднее российского, суда в течение всего времени от смерти Сталина до наших дней. Наряду с прочим, печальная летопись этих преследований является серьёзной иллюстрацией несомненной зависимости российского правосудия от власти

На протяжении более 20 лет после падения Хрущёва, в т. н. «эпоху брежневского застоя» и кратчайшего правления Андропова и Черненко (1964–1985 гг.), власть стремилась во что бы то ни стало уничтожить упомянутую общественную активность. В СССР были приняты некоторые дополнительные законы об уголовной ответственности за политическую критику. Господствовал политический сыск, для этого было создано специальное 5-ое Главное Управление в КГБ. Прошло несколько сот политических судов. Применялись и внесудебные репрессии против тех, кого спецслужбы считали опасными для политической диктатуры КПСС. К сожалению, здесь я не могу входить в яркие детали этих важных для российской истории событий. Наиболее полная и достоверная информация о них содержится в Хронике Текущих Событий (см., например, двухтомное издание, выпущенное амстердамским Фондом им. Гер-

цена в 1979 г. (адрес в интернете: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>), а также в книгах Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» (Вильнюс — М.: «Весть», 1992. (адрес в интернете: <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEVA/index.htm>)) и Петра Григоренко «В подполье можно встретить только крыс...» (М.: Звенья, 1997 (адрес в интернете: <http://www.memo.ru/history/diss/books/grightml/>)).

В каждом из этих судов подсудимые и защита одерживали убедительную моральную победу. И в каждом из них, без единого исключения, был постановлен неправосудный обвинительный приговор, влекущий, как правило, весьма немалый срок лишения свободы.

Позднее политическая обусловленность и противоправная природа этих, а также более ранних и гораздо более страшных и массовых, приговоров были отчётливо зафиксирована в «Законе о реабилитации жертв политических репрессий» в октябре 1991 г.

Российская Федерация, таким образом, недвусмысленно осудила репрессивную политику Советского Союза и, тем самым, принесла гражданам извинения за беззакония власти. (Следует иметь в виду, что международное сообщество официально признаёт РФ правопреемником СССР.)

Однако же современникам политических процессов 60-х — 80-х гг. XX века заказной характер этих судов был совершенно ясен без всякого закона и вопреки стремлению официальной пропаганды доказать их независимость.

Твёрдым основанием нашей уверенности служили, как раз, очевидная неправосудность приговоров, фальсификации обвинений и доказательств, лжесвидетельства, в том числе вынужденные давлением государственных органов. Можно привести и другие основания такой уверенности (фактически закрытые суды, объявленные открытыми; судебные залы, заполненные «спе-

циальными приглашёнными»; неистовство раболепной, подцензурной прессы; организованное сверху давление «патриотической общественности»¹). Немногочисленные более прямые доказательства политического заказа обнаруживаются в архивах Политбюро ЦК КПСС (решения по делам Солженицина, Сахарова, Хроники текущих событий). О том же властном произволе, подчиняющем правосудие, как и всю остальную жизнь в стране, свидетельствовали и подмены суда — репрессивные решения исполнительной власти (уголовные санкции в виде внутренней высылки; высылки за границу; увольнения; негласное запрещение публикации произведений; изъятие произведений из продажи и из библиотек; и т. д.), обусловленные **обвинениями, не рассмотренными судом.**

Но есть ведь, наконец, прямое доказательство подчинения суда политической власти — доказательство, сильнее которого не может быть просто по определению: вплоть до XXVIII съезда КПСС, то есть до июля 1990 г., высшие должностные лица судов входили в **партийную номенклатуру**². Об этом

-
- 1 Ну, например, постыдное собрание «учительской общественности Москвы» под руководством Отдела Народного Образования, на которое вызвали для «проработки» опытную и любимую школьную учительницу В.М. Герлин. Её спросили, как она могла заступаться за отщепенцев, подвергнутых суду. «Потому — ответила Валерия Михайловна — что в процессах, о которых я писала, был нарушен закон». Под возгласы бурного одобрения наставников молодёжи руководительница ОНО воскликнула: «Как? Вы ещё требуете судить этих негодяев-антисоветчиков по закону?» «Всех надлежит судить только по закону — спокойно заметила Герлин — и убийц, и насильников...».
 - 2 Номенклатура, номенклатурные кадры, номенклатурные списки — перечень руководящих государственных, хозяйственных и прочих должностей, назначение на которые утверждалось соответствующим партийным органом. Была, следовательно, номенклатура Политбюро, Секретариата ЦК, ЦК КПСС, обкома, райкома.

факте, правда, в те поры достоверно знали не слишком многие, а кто знал предпочитали помалкивать. К номенклатуре Политбюро относился Председатель Верховного Суда СССР; его заместители, председатели коллегий и члены Верховного Суда, а также Председатель Верховного Суда РСФСР со своим первым заместителем принадлежали к номенклатуре Секретариата ЦК; к учётно-контрольной номенклатуре ЦК относились председатели Верховных Судов других союзных республик, автономных республик, областных и краевых судов, Ленинградского и Московского горсудов. Руководства более низких судов входили в номенклатурные перечни обкомов КПСС (С.В. Мироненко, Н.Г. Охотин, Н.В. Петров, А.Б. Рогинский «Экспертное Заключение к заседанию Конституционного Суда РФ 26 мая 1992 г.». Были, оказывается, и районные суды, председатели которых входили, всего лишь, в номенклатуру райкомов некоторых крупных городов (см., например, Конституционный Суд РФ, «Материалы дела о проверке...»; «СПАРК», М., 1996, том 1, стр. 468).

Все эти обстоятельства нашего недавнего прошлого были видны невооружённым глазом, в независимость советского суда не верил тогда самый убеждённый коммунист — другое дело, что он искренне полагал, будто так и надо. И лгать, что суды независимы, тоже нужно и правильно, ибо способствует мировому социальному прогрессу.

Как, однако, обстоит дело теперь, что думают о суде граждане нового государства, РФ? По данным социологических опросов самого авторитетного Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр) и в 2000, и в 2005–2007, и в 2010 гг. лишь 6–8 % респондентов считали отечественные суды полностью независимыми (см. таблицы II, III, IV, XI, XIV, XVII, XX,

XXI в ПРИЛОЖЕНИИ 3). Выше подробно изложены веские основания утверждать, что определяющее, концептуальное, так сказать, имманентное политической системе, давление на суд осуществлялось руководящими органами КПСС, а затем — по инерции — властью, пришедшей им на смену. И этот факт, естественно, прочно утвердился в общественном мнении. Если, однако, говорить о подлинно массовом сознании, в нём коренится представление о гораздо большем разнообразии сил и факторов, влияющих на правосудие. Помимо власти это бизнес, судебное начальство и коллеги по судейской корпорации, знакомые, лица, способные предложить крупную взятку или оказать важную услугу, спецслужбы, криминальные структуры и т. д. (таблицы IV, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII, XXII, XXIII ПРИЛОЖЕНИЕ 3). Можно думать, что корыстолюбие судейского корпуса несколько преувеличено в бытовом сознании (а страх перед властью слегка преуменьшен), однако, как говорится, нет дыма без огня — мне, например, приходилось встречать людей, утверждавших, что они имеют представление о таксе за судебные решения, технически облегчающие рейдерство. Между тем, и «сталинская» Конституция СССР 1936 г. (ст. 112¹), и Конституция 1977 г. (ст. 155²) вполне определённо декларировали независимость судей, «подчиняющихся только закону» (разумеется, эти утверждения есть и во всех последующих Конституциях, но об этом ниже). Наличие подобной нормы в Конституции страны, открыто исповедующей марксистскую доктрину права, как инструмента классового диктатуры, несколько

1 Текст Конституции СССР 1936. Статья 112: «Судьи независимы и подчиняются только закону».

2 Текст Конституции СССР 1977. Статья 155: «Судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону»

удивительно, однако имеет-таки поверхностное, но всё же вполне логичное объяснение. А именно: волю класса-гегемона отражает, дескать, исключительно законодательство страны, а вот уж судьи-то послушны только этим законам и ничему больше. Теперь уже нет нужды доказывать, что это неправда, что это сознательный и циничный обман, вписанный в основной закон страны. Теперь все знают, что массовые расправы осуществлялись вовсе не по законам, как бы ужасны ни были эти законы¹, а по заданию, например, весьма часто прямо по разнарядке, в которой было указано, где и сколько человек надлежит расстрелять, сколько и на какой срок (и даже за что именно!) посадить. Просто из Москвы по областям рассылалась эта разнарядка, так сказать, категорий, «типов» безымянных «врагов народа» и «контрольные цифры» подлежащих наказанию представителей этих разрядов, а суды, совокупно с внесудебными органами (так называемыми «тройками» и «двойками»), аккуратно выполняли задание, заменяя в нём короткие 4-х, а то и 5-значные цифры длинным перечнем имен конкретных живых людей. (То есть, каждому из них, разумеется, вписывали в приговор какую-то из статей УК, чаще 58-ю, не особенно задумываясь, какую именно из её многочисленных частей употребить в данном случае.) Теперь рассекречена и опубликована такая значительная часть подлых подробностей о технологии расправы,

1 И в самом деле, капризная воля законодателя совсем нередко подчиняла обывателей (тот самый класс-гегемон по преимуществу) весьма своеобразным нормативным актам. Чего стоит, например, закон об уголовном наказании взрослых и несовершеннолетних членов семьи пилота, покинувшего страну на своём самолёте. Или за сбор колосков на скошенном поле после уборки урожая. Отечественное нормотворчество знавало и инструкции о заложниках, и о раскулачивании да и мало ли что ещё ...

которая достаточна, чтобы каждый мог знать всё, что ему не страшно узнать.

Зачем же всё-таки власть упрямо записывала судебную независимость в Конституции, ужели авторы каждой очередной Конституции полагали, будто её читатели поверят столь фантастическим утверждениям?

Это не так просто, как могло бы показаться. Во-первых, напрашивается вопрос: кто поверит и чему поверит? Если говорить о наших соотечественниках, то вряд ли они судят о жизни по утверждениям Конституции. Их совсем невысокое мнение о независимости наших судов достаточно описано выше. Другое дело, что издавна привычное расхождение жизненных реалий и конституционных деклараций обычно нимало не беспокоит подавляющее большинство наших соотечественников, а часто даже и не замечается ими. Все советские и последующие отечественные писанные Конституции играли роль некоего накладного фальшивого фасада, имитирующего демократическую государственность и маскирующего реальные обычаи, реальные правоотношения, реальную политическую жизнь в стране. А эта реальная жизнь регламентирована разного рода директивными документами, некоторая (довольно важная) часть которых вовсе не публикуется. Из этого порядка вещей, освященного довольно продолжительной историей, есть очень кратковременное (примерно 1989–1994 г.), но, по-моему, значимое, и тогда внушавшее надежду, исключение — в это время шла интенсивная (а, главное, искренняя и добросовестная) нормотворческая работа, стремившаяся заложить в стране основы конституционности, а не создать очередной макияж. Увы, это не состоялось. Конституцию 1993 г., отчётливо демократическую при всех её очевидных недостатках и пробелах, те-

перь надлежит вместо «ныне действующая» называть «ныне бездействующая»¹.

Так вот, возвращаясь к вопросу о доверии, россиянин отлично понимает, и ещё лучше чувствует, что конституционные нормы вовсе не для того, чтобы создать разумные и обязательные правила жизни, а для чего-то другого. При полном равнодушном недоверии к любым «конституционным декларациям», вот в это «другое» довольно многие склонны верить, признавать, даже одобрять его. «Другое», это военная хитрость, лукавая пропаганда — пусть кто-то думает, будто данный закон действует, мы-то знаем, что он не стесняет нашу власть, а она, что бы о ней ни говорили, всё-таки наша; по крайней мере, настолько наша, что мы готовы трусливо лгать вместе с ней. Да и то сказать, прилично (да и выгодно) всё же выглядеть не хуже других. А уж здесь-то, у нас дома, и отцы, и деды, и прадеды жили без закона — и мы проживём². Эта психология, эти

-
- 1 В самом деле, независимость суда отнюдь не единственная норма, существующая лишь в тексте Конституции, но никак не в политической жизни страны. То же относится и к остальным краеугольным основаниям демократического государственного устройства. Здесь не место рассматривать все проблемы российской демократии, замечу лишь, что ни одна фундаментальная конституционная норма не работает в России. В стране господствует необъявленная цензура, т. н. «выборы» исключают прозрачную политическую конкуренцию и свободу волеизъявления граждан, право граждан на мирные демонстрации грубо подавляется, Российская Федерация вовсе не федерация — главы субъектов «федерации» назначаются центральной властью, и т. д.
 - 2 Однажды прокурор по надзору за местами лишения свободы, временами посещавший нашу лагерную зону, собрал нескольких заключённых, написавших ему незадолго до этого жалобы или заявления. (Я сам не был на этой встрече, но знаю о ней от моих вызванных прокурором друзей совершенно достоверно и подробно.) Прокурор заявил: «Впредь я не буду рассматривать ваши жалобы и заявления, содержащие

ссылки на Конституцию. Конституция писана не для вас. Она написана для американских негров — чтобы они знали, в каком справедливом социалистическом государстве живёт советский народ и к чему следует стремиться обездоленным всего мира». По свидетельству очевидцев в словах прокурора они не заметили циничного издевательства. Он не хотел обидеть заключённых — он говорил как раз то, во что твёрдо верил и что одобрял. Именно так этот профессиональный советский юрист понимал цель Основного Закона и его юридическую технику — строить и пропагандировать лживый имидж государства, прямо имитируя для этого некие нормы чуждой и порицаемой правовой системы, без малейшего желания когда бы то ни было их употребить. Что ж, это вполне годится (и весьма эффективно) для системы псевдо-права, права-инструмента; странно и прискорбно только, что общество так легко и покорно привыкает к этому праву, приспособливается к нему и готово даже принимать его печальную неизбежность.

соображения сложны, специфичны, перепутаны: тут и «патриотизм», в распространённом его понимании — воспитанное недоверие к иностранцам, стремление обмануть их, показав им у себя что-то гораздо лучшее, чем есть на самом деле; и страх перед законом — мёртвой бумажкой, слепой и непреклонной, которую нельзя уговорить, разжалобить, подкупить.

Эти имитации демократии оказываются ещё гораздо результативнее при внешнем употреблении, нежели при внутреннем. Вот уж за граница верит буквально, истово и наивно. Или делает вид, будто верит? Думаю, есть то и другое. Свободная респектабельная пресса очень ограничивает возможности лжи для западных политиков. Потому западному интеллектуалу очень трудно представить себе геббельсовский размах кремлёвского вранья. В советское время на поддержание этого доверия высоколобых (речь идёт конечно не об афроамериканцах, как полагал гражданин прокурор) Москва тратила огромные деньги (см., например, изданные Конституционным Судом РФ Материалы дела о проверке конституционности Указов Президента РФ <...> а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР; «СПАРК», М., 1999, том 6, стр. 584). Вероятно, эти инвестиции оправдывали себя. Думаю, что и сейчас вложения в зарубежную пропаганду довольно велики — и продолжают давать отдачу. Помилуй Бог, я не говорю о подкупе (если он и случается, вряд ли роль его велика), я говорю об обмане. А вот обман — мощный стимул «перезагрузок» и политкорректностей.¹

1 В 20-е — 30-е годы, в разгар «большого террора», в СССР устремился плотный поток западных культурных авторитетов — посмотреть на «кремлёвских мечтателей». В Москве со скрежетом крутилась мясорубка сталинских показательных процессов. Стыдно сказать, что увидели и поняли сановные визитёры. Назову лишь одного — знаменитого Лиона Фейхтвангера, автора «Еврея Зюсса»,

Впрочем, вряд ли здесь уместны суждения о мотивации или массовой психологии.

Если же вернуться к социологическим данным, то оказывается, что треть(!) опрошенных наделяет авторитетного **народного лидера** правом действовать, **невзирая на закон**. А 56 % считают необходимой хоть какую-то степень контроля судебной системы со стороны исполнительной власти и это вдвое больше, чем сторонников полной независимости (табл. XXV и табл. XVI ПРИЛОЖЕНИЯ 3). Казалось бы, это мнение абсолютно несовместимо с результатом, приведённым в табл. XXIV — 71 % респондентов полностью согласен (а ещё 21 % (!) скорее согласен) с необходимостью независимости судов от власти. Представляется весьма маловероятным, чтобы какие-то 12 лет (1994–2006 гг.) столь резко изменили общественное мнение от независимости к контролю. Что уж такого замечательного и ярко положительного проделала за эти годы в сфере правосудия наша исполнительная власть, чтобы безоговорочно отдать ей контроль над судами? Можно предположить, что столь резкое противоречие этих двух социологических измерений скорее всего свидетельствует об очень неточном понимании массовым сознанием роли судебной незави-

«Иудейской войны» и многих, многих других книг. Антифашиста. Здесь он написал брошюру «Москва, 1937». Её немедленно перевели на русский. О том, как он беседовал с невысоким скромным человеком, очень переживавшим безвкусные, неумеренные похвалы по своему адресу. И о судах. Я предполагаю, впрочем, что антифашист всё понял. Просто хотел ещё сильнее настроить собеседника против Гитлера — ведь Сталин тогда тоже был антифашист, ещё не пришло время Пакта Молотова-Риббентропа, время начать вместе с Гитлером 2-ю Мировую войну. Политкорректность, понимаете. Realpolitik. А за окном хрустели кости.

симости в правосудии. Роли, исторически совершенно непривычной для России. К печальному искажению понятий приводит, как обычно, незамысловато простенькая логика: нам ведь от суда что нужно? Справедливые и объективные решения? Так вот, плохая работа судов, растущее число весьма сомнительных судебных решений, острое недовольство публики, и наводят на мысль о необходимости контролировать качество этой работы. Но если уж контроль, так, конечно, **извне** — какой же контроль внутри самой системы, к тому же плохо работающей? Вот так привычное (и обоснованное!) недоверие к суду и приводит к парадоксальным мнениям. Похоже, очень многим респондентам невдомёк, что подвергнув суд таким проверкам мы попросту сами отдаём его прямоком в руки политической власти. Впрочем, немалая часть населения до сих пор не осознаёт правительственный контроль, как неминуемую и полную гибель правосудия. Достаточно сказать, что на самом пике демократического подъёма конца 80-х — начала 90-х гг., когда в крупных городах России на митинги и демонстрации собирались многие сотни тысяч участников, вновь господствовал (правда, довольно короткое время) воскрешённый лозунг «**Вся** власть Советам!». Какая уж тут независимость самостоятельных ветвей власти, в том числе, судебной?! За 75 лет тезис о том, что разделение властей — лукавая буржуазная уловка, а справедливая народная власть неделима, был очень хорошо усвоен населением.

Понятно, что вопрос о раболепной покорности суда высшей партийной власти, осуществляющей «диктатуру пролетариата», совершенно естественным образом не ставился и не мог быть поставлен в знаменитом докладе Н.С. Хрущёва (1956 г.) о культе личности — XX-й съезд хозяев страны, к которому обращался Хрущёв,

нимало не сомневался, что суд только для того и нужен, чтобы обслуживать и защищать так называемые «интересы государства».

Но даже и в Конституционном Суде РФ (в деле «О проверке конституционности Указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР», 26 мая – 30 ноября 1992 г.) этот коренной для демократического государства вопрос не был отчётливо поставлен и специально выделен. В этом процессе многократно приводились подробные свидетельства о политических репрессиях и иных беззакониях коммунистического тоталитаризма. Все эти преступления (а с точки зрения защитников компартий – вынужденные обстоятельства решения, подчас, может быть, ошибочные) совершало послушное Сталину партийное руководство. А что же суды, безотказные исполнители преступной доктрины? Они в этом процессе Конституционного Суда явно оставались в тени; во всяком случае, узурпация правосудия партийными структурами, которая с очевидностью следовала из материалов, рассмотренных в процессе, не получила специальной должной правовой оценки. Нужно сказать, что и защитники мнения о конституционности коммунистических партий не ссылались на судебные решения, как на доказательства законности коммунистической политики. Вероятно, стороны заметно не расходились в признании самого факта зависимости судов.

Представляется, что оба эти обстоятельства довольно ясно показывают: подчинение суда власти, как бы к этому факту ни относиться, было общепризнано и в 1956 г., и в 1992 г., не говоря уже о гораздо более ранних временах после 1917 г., парадоксально окрашенных одновременно страхом, цинизмом, ложью, не-

ненавистью и... романтизмом¹(!). Притом это подчинение было хорошо известно как «политическим элитам» соответствующих исторических периодов, так и широкой публике (ПРИЛОЖЕНИЕ 3).

Коротенький ренессанс...

Казалось, проклятие русского суда неизбежно рухнет с появлением Парламентских концепций 1991 г. «О судебной реформе» и «О правах человека», отвергнувших тоталитарные советские доктрины права и судопроизводства. Они решающим образом отразились в нормах Конституции 1993-го года и в ряде Федеральных законов. Казалось, в жизни страны теперь уже, вот сейчас, незыблемо утверждаются основополагающие принципы — разделение властей, независимость несменяемых судей, верховенство права. Отвергнута догма классового диктатора, провозглашено светское правовое государство — это ли не крепкий фундамент для цивилизованной юстиции?

1 Революционная романтизация той бурной, кровавой, лживой и вместе откровенной эпохи — едва ли не самый выразительный образ тёмных и страшных загадок массовой психологии. В этой романтизации искренне и талантливо участвовали, например, очень значительные и интересные поэты того времени — Николай Тихонов, Всеволод Багрицкий, Джек Алтаузен, отчасти, недолго и Блок (я не говорю уж о Маяковском). Очень немногие ощущали эпоху как Мандельштам: «...мне на плечи кидается век-волкодав...». А вот блистательный Багрицкий (о веке же, между прочим!): « Но если он снажет: «Солги», — солги. / Но если он скажет: «Убей», — убей». (1929). Поэзия улавливала и тонко чувствовала настроения и мысли (общества, как казалось тогда поэтам). Похоже, не Гитлер был первым, кто захотел освободить людей от «химеры совести».

И в самом деле, некие первые скромные, но отчетливые результаты не заставили себя ждать. В течение года — полутора несколько судов против отказчиков от военного призыва в разных частях страны завершились невиданными оправданиями. Судейская логика была непобедима: Конституция гарантирует гражданину право на альтернативную гражданскую службу. Сейчас, когда он подлежит призыву, а не потом, когда он уже отслужит. Не его вина, что эта служба еще не организована, и даже процедура использования этого права не разработана. Конституция вступила в силу и подлежит исполнению. Может быть, было и еще что-то.

Где эти времена и эти судьи? Кто написал бы теперь обзор судебных дел того мимолетного всплеска? Увы, руководствуясь не законом, а понятиями, нашим судьям в пору бы сказать вслед за самыми частыми их подсудимыми: «это не мы такие, это жизнь такая».

...и нескончаемая реставрация

Попытка строительства потерпела сокрушительный крах. И то сказать, такую неудачу легко было предвидеть. Зависимый суд — *conditio sine qua non* для того типа политической власти, которая сложилась в стране. Власть понимает это и прочно удерживает судебную систему под своим контролем. Замечу, под контролем, привычным, естественным, можно сказать комфортным для этой системы (комфортным, по крайней мере, в бытовом смысле, но не только: независимость, но, при этом, и тяжёлая ответственность — не самое удобное для людей состояние). Подавляющее большинство судейского корпуса (а уж его руководители и главные авторитеты все, без исключения) — воспитанники подневольного советского судейства, более того, носители его традиций. А подчинение суда власти — это

и есть главная его традиция. Как было уже упомянуто, входя в партийную номенклатуру, руководители судов находились под повседневным наблюдением власти, притом отнюдь не самой высокой: председатель районного суда был в номенклатуре обкома, а подчас всего лишь райкома КПСС. Столь очевидный признак партийного пренебрежения к судьям весьма красноречиво свидетельствует о степени судейской подневольности. Можно себе представить количество и характер местных судебных дел, в которые вмешивался **такой** уровень партийной власти. А, кстати, это обстоятельство свидетельствует и о том, с какой презрительной иронией хозяева страны относились к собственной Конституции со всеми её высокопарными декларациями.

Всё-таки прав был гражданин прокурор — не для нас писались Конституции.

Однако же, ведь и сама **новая** политическая власть в России **тоже** была воспитана в **точно тех же**, комфортных и лицемерных, непримиримо антидемократических традициях. Кто были эти люди, новая власть? Они были удачные и опытные партийные функционеры, прошедшие уже изрядный кусок своей партийной карьеры. Все до одного из партийной элиты, немногие (Горбачёв, Ельцин, Шеварднадзе, Яковлев...) из первого её эшелона, большинство из второго и третьего. Они все, как номенклатурные судьи, так и их партийные начальники, говорили на одном киплингговском языке джунглей: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Они знали друг друга с полувзгляда и понимали с полуслова. Иные были лично знакомы и участвовали в налаженном взаимодействии власть — суд ещё в старом СССР.

Помилуйте, какая ещё судебная реформа, какая независимость? Зачем это власти, унаследовавшей свои прерогативы от своих партийных боссов, отказываться от такого привычного и эффективного инструмента, как

правосудие? И первым лицам судебной системы зачем вдруг порывать с удобными, привычными и весьма выгодными отношениями? Как это им заявить недавним своим повелителям (и покровителям!): «Извините, что было, то прошло. Впредь вы мне не начальники. Не знаю, и знать не хочу, что это вы там считаете государственными интересами, необходимостями, целесообразностями. Вот закон. Вот права и свободы личности и вот гражданские обязанности. А вот законные полномочия власти — и никаких других нет. И это всё обязательно для вас ровно в той же мере, как и для всех остальных. И я, независимый и несменяемый судья, буду следить за тем, чтобы так и было. И никак иначе.» — эта позиция, заметим, должна быть заявлена судьёй бывшим его начальникам, ставшим **нынешней** властью.

Вряд ли это легко осуществимая позиция.

Разумно ли ожидать, чтобы две взаимосвязанные элиты — политическая властная элита и судебская элита — годами привычно и профессионально мистифицировавшие законодательство страны, вдруг в одночасье вдохновились бы законодательными новациями, продиктованными дыханием истории?

Захватив власть в 1917 г., большевики, не думая ни минуты, упразднили все старые суды и наделили статусом и полномочиями судей только своих людей. Им нужен был «суд», без стеснения выполняющий политический заказ, т. е. учреждение, по общепризнанным принципам права, ни в какой степени не являющееся судом. И они создали такое учреждение. Если бы они не сделали этого, в стране невозможны оказались бы те грандиозные массовые репрессии, которые спасли режим диктатуры от быстрого краха, предсказанного тогда столь многими.

Теперь в России ставится противоположная задача — превратить этот «послушный суд» (доведение

которого до его своеобразного совершенства тоже потребовало, признаем, немалого труда и хитрых уловок) назад, в независимый. Но при этом априори не применим метод большевиков — упразднить все существующие суды и назначить новые. Кстати, возвращение независимости нужно осуществить в ходе судебной реформы, которую проводит политическая власть официально, на международном уровне, признанная правопреемницей *советской власти*.

Вот мы и упёрлись, теперь с другой стороны, снова в прежнее препятствие — хочет ли власть независимости суда и способна ли осуществить её?

Власть по природе своей консервативна и заставить её руководствоваться новыми ценностями можно только при помощи давления — прежде всего, общественного давления изнутри, но также и давления извне. Потому сопротивление реформе со стороны политической системы проявилось немедленно. Главное направление сопротивления — как раз независимость суда. Идеология сопротивления: пусть произносятся любые слова, но суд не должен быть выпущен из-под контроля власти. Что угодно, но государство никогда не станет равной стороной в судебном процессе.

Первые лица политической системы, выходцы из советской номенклатуры, никак не могли согласиться, чтобы решение политической власти, явное или тайное, могло бы не стать обязательным для какого бы то ни было органа в структуре государства, пусть бы и судебного; более того, чтобы это решение можно было подвергнуть судебному контролю. Они полагали, будто понятия судебной реформы не более, чем новая обязательная фразеология, фактически («по жизни», как говорят в бюрократических кругах) **не посягающая** на радикальную перемену привычных отношений власти и правосудия. Либо уж совсем плохо понимали конкретное значение новых, законодательно введён-

ных, норм. Разумеется, относилось это не только к суду.

Вот маленькие иллюстрации этого упрямого непонимания. В начале сентября 1991 г., недели через 2 после рухнувшего августовского путча, у меня был короткий разговор наедине с Б.Н. Ельциным. «Что будем делать со смертной казнью?» — я отвечаю — «её нужно законодательно отменить». — А как же быть с этими? (прямой вопрос о путчистах) — Так же, как со всеми. Отменять, так отменять. — А Вы видели опубликованные списки? Что Вы о них думаете? (Раз-другой в нескольких газетах публиковался список 28 имён. 1-ое Ельцин, 28-е Ковалёв) — Думаю, это список интернирования. — Вы ошибаетесь, мне убедительно объяснили, это расстрельный список. — Что ж поделаешь, Борис Николаевич, не расстреляли же. Долгая пауза, а потом — Я знаю, что делать. Мы приговорим их к расстрелу (ну, конечно, не мы вдвоём, но уж точно **«мы»**, не суд). После я их помиую. А уж тогда отменим смертную казнь.

Ещё один пример из весьма нечастых наших разговоров. Летом 1994 г. Б.Н. Ельцин издал указ о том, что подозреваемые в некоторых тяжких преступлениях могут удерживаться под стражей *без предъявления обвинения* в течение 30 дней. Ясно, зачем это было нужно дознавателям. Я очень энергично выступал против этого указа в самых разных местах. Тогда меня ещё было слышно. Борис Николаевич пригласил меня, внимательно выслушал, не перебивая. И заявил: «Мне кажется, в Ваших суждениях что-то есть. Вот моё личное поручение. Вы должны тщательно проследить, чтобы исполнение нового Указа не нарушало прав человека». — Борис Николаевич, это невозможно — возразил я — Указ сам по себе нарушает конституционные права. Конституция даёт следственной власти двое суток на предъявление задержанному обвинения и на

получение судебной санкции на арест. Правда, в течение переходного периода этот срок трое суток, но не 30 же. То есть, само существование антиконституционной нормы нарушает конституционные права — и никаким наблюдением этого не исправишь.

Очень долгое молчание. «Ну вот, я и поручаю Вам следить, чтобы исполнение Указа не нарушило этих самых конституционных прав». Я до сих пор не понимаю, что он от меня хотел. Похоже, он просто не решался сказать: следи, чтобы задержанных не били?

Есть в этом разговоре ещё один психологический аспект, так сказать, о «самосознании» власти, её представлениях относительно власти и закона. Я был тогда Уполномоченным по правам человека в РФ и всё ещё депутатом Госдумы. Согласно духу Конституции, опирающейся на принцип разделения властей, не надлежит Президенту давать *поручения* лицам этого статуса. Правда, одновременно, я был ещё и председателем Комиссии *при Президенте* по правам человека, и это несколько меняет дело, но не намного — все тогда отлично знали, что Президент несколько не сомневается в своём естественном праве командовать кем угодно в стране и очень удивился бы, узнав, что это не совсем так. Но ведь это был Б.Н. Ельцин, при всём своём пожизненном опыте партийного функционера совершенно искренне стремившийся научиться чему-то новому, чего требует демократия. И кое-чему, таки научившийся. Что ж говорить о более циничных выходцах из советской номенклатуры.

Принципиальное неприятие властью идеи независимого суда в полной мере сохраняется и теперь, поскольку оно имманентно типу власти, сложившейся в России. Правосудие в стране оказалось в ситуации, пронизанной лицемерием: первые лица государства торжественно декларируют независимость суда, невозможность запрещённого законом вмешательства вла-

сти в судебные решения. С другой стороны, множатся приговоры, в которых явно преобладает политическая мотивация.

Неопровержимое доказательство зависимости суда — политические судебные процессы, протекающие в стране. Здесь уместно рассмотреть некоторые критерии.

Суд, принимающий во внимание политически мотивированные доводы обвинения (или защиты), принципиально не может быть независим — получал ли он чьи-либо прямые поручения, советы, подвергался ли иному давлению, или по собственной инициативе основывал судебные акты на этих доводах, не имеет значения. Ибо такой суд в своих решениях руководствуется внеправовыми соображениями и выходит за пределы права. Неважно, зависит ли он от персоналий, органов власти, институций, либо от внеправовых доктрин, идей, интересов. Последнее назовём «доктринальной» зависимостью.

Итак, политический судебный процесс имеет место всегда, когда есть очевидные и неопровергнутые свидетельства того, что решения этого процесса продиктованы полностью, или хотя бы частично политическими мотивами, соображениями, интересами политической, судебной или иной власти. И только тогда.

Судебные решения, постановленные в политическом судебном процессе всегда неправосудны по той простой причине, что они, по определению, хотя бы в малой мере, продиктованы внеправовыми мотивами.

При этом неважно, руководствовался ли сам подсудимый какими бы то ни было политическими соображениями и какими именно, если руководствовался.

Неважно, сколь основательны были политические мотивы власти, повлиявшие на судебные решения, и в чём именно состояла конкретная неправосудность решения: была ли допущена судом заведомо

тенденциозная оценка доказательств или даже приняты сфальсифицированные доказательства; были ли допущены серьёзные процессуальные нарушения в судебном процессе или оставлены без внимания процессуальные нарушения во время следствия; была ли применена санкция, заведомо несоизмеримая содеянному; имелись ли не принятые во внимание смягчающие обстоятельства, неисследованные должным образом доводы защиты или заключения экспертов, а также иные существенные нарушения судопроизводства или незаконные методы следствия. Повторяю, любые перечисленные обстоятельства совершенно достаточны для признания процесса политическим, а суда зависимым, если эти обстоятельства обусловлены заинтересованностью власти.

Современная концепция отношений права и политики совершенно недвусмысленна: «право вне политики и над политикой». Право не инструмент власти, а её рамки, строго ограничивающие допустимые действия власти. Эта концепция в прямой и точной форме не была официально провозглашена в России, но она отражена всё же и в Конституции, и в законах о судостроительстве. Подчеркну — по отношению к суду, это ведь и есть концепция его обязательной и гарантированной независимости.

Ясно, что «доктринальная» зависимость суда не может возникнуть внутри самого суда, она всегда обусловлена достаточно мощными влияниями извне системы правосудия. Крайний случай этого рода зависимости — когда писанные законы, обязательные для суда, кардинально противоречат фундаментальным принципам права. Это случалось в истории некоторых стран (СССР самый выразительный, но не единственный пример). Но тогда суды просто имитируют несуществующее правосудие, становясь опасным репрессивным придатком власти.

Have He caught?

КРАСНОКАМЕРСК

Ling

Нетрудно показать, что приведённые соображения позволяют уверенно обойти непреодолимую, казалось бы, трудность — невозможность обнаружить в каждом политическом процессе прямые свидетельства постороннего давления на суд. Не всякий же раз какой-нибудь член кабинета окажется столь легкомыслен, чтобы оставлять свою роспись под инструкцией суду. (Ниже я приведу пример того, как опростоволосилась госпожа Матвиенко). Но всегда можно утверждать, что суд, постановивший судебный акт, хотя бы частично основанный на внеправовом аргументе (чьём бы то ни было политическом, материальном, ином интересе), не был независим.

По данным авторитетных общественных правозащитных организаций в России начиная с 2000 г. было проведено около 200 политических процессов; все они завершились обвинительными приговорами. Я утверждаю, что суды не были независимы.

Политические суды начала 2000-х годов

Упомяну несколько судебных примеров. Процесс 2004–2005 гг., ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Выставка «Осторожно религия» в сахаровском центре была уничтожена погромщиками, а затем именно сама она была квалифицирована, как событие преступления(!). Кощунственно изображая религиозные святыни, она, дескать, злонамеренно возбуждала вражду к вере (почему-то именно к православию?).

Подсудимые Ю. Самодуров, Л. Василловская и А. Альчук. Не буду уходить в красочные детали, их много; не буду говорить об экспертных заключениях, образцах злобной безграмотности, положенных в основу дона-

зательств вины; тем более не буду говорить о самой выставке и подробностях её подлинных целей. Но вот самое общее утверждение. Этот позорный «обезьяний процесс» заведомо антиконституционен. Утверждаю — даже если бы выставка являла собой ярчайший пример пропаганды т. н. «воинствующего атеизма», то и тогда, в соответствии с Конституцией РФ, она не подлежала бы суду, поскольку она не была экспонирована вблизи храма, и не предлагалась вниманию верующих — никак не предлагалась, не говоря уж о навязчивом, или хотя бы о настойчивом предложении. Атеистическое мировоззрение равноправно в ряду других мирных убеждений, не направленных «...на насильственное изменение основ конституционного строя...» — достаточно заглянуть в ст.ст. 13, 14, 28 Конституции РФ.

Но вообще-то говоря, эта выставка не была, да просто и не могла быть атеистической — некоторые из дружной группы её авторов-инициаторов были воцерковленные, регулярно практикующие веру люди. Вероятно, были и неверующие или агностики, однако, как это и принято в среде интеллигентных людей, для общей затеи это не имело ни малейшего значения. А общая затея, по той же причине интеллигентности, не имела отношения ни к религиозной, ни к антирелигиозной пропаганде.

Художники, своими специфическими средствами пытались исследовать природу массового поклонения; думаю, что в некоторых работах звучал вопрос об искренности, либо, напротив, «модности» дружно вспыхнувших в обществе религиозных убеждений; наконец, ряд экспонатов выставки поднимал проблему клерикализации жизни страны — увы, весьма актуальную для нас сегодня. Ничто из этой проблематики или употреблённых приёмов никак не могло бы нести заряда ненависти, рассматриваться, как разжигание вражды кого бы то ни было к кому-то другому.

Но вот сомнения в христианнейшей благодати (да простой честности) нашей власти, вчера ещё энергично ограждавшей народ от религиозного опиума, а теперь так же дружно столпившейся у алтаря — эти опасные сомнения, пожалуй, могли бы и возникнуть у посетителя выставки. Или сомнения в отрешённости иерархов Русской Православной Церкви от мирской суеты. Наконец, сомнения в государственной политике: в самом ли деле, соответственно Конституции, мы построили «светское государство», от которого отделена религия? Не стремится ли высшая православная иерархия приобрести привилегии вопреки завету «царствие Мое не от мира сего»? Надлежит ли суду стеснять свободу творчества в попытке пресечь гражданскую озабоченность государственной политикой? Озабоченность, прямо поощряемую духом и буквой Конституции? А Церкви надлежит ли оправдывать хулиганство шестерых *своих алтарников*, погром во имя Христово? И чего стоят лжесвидетельства погромщиков, будто они не сговариваясь пришли (с краской и железными прутами, между прочим) на выставку и там случайно встретились, все шестеро! Вот вам суд, принимающий такие свидетельства, вот вам и 10 заповедей в сознании и в жизни шестерых православных христиан!

Приговор, вестимо, обвинительный. Впрочем, А. Альчук была оправдана. Суд счел, что она не участвовала в организации выставки.

Один постыдный, чудовищный уровень хоть нравственности, хоть грамотности, хоть умственных способностей. Дама из прокуратуры, поддерживающая государственное обвинение, спрашивает: «А почему Ева голая?».

Правосудие антиконституционное, Патриархия антихристианская. Несчастливая страна!

Но она упрямо гордится своим прошлым, настоящим и будущим. Я бы сказал, гордится с вызовом и явной

враждебностью ко всем, кто эту гордость не разделяет или не принимает, кто ею не восхищён. Похоже, что гордости у нас больше, чем нефти, нам бы никаких нанотехнологий не нужно, одной бы гордостью прожили, если б только она имела рыночную стоимость. Но с гордостью, как водится, одни убытки, ибо она требует никогда и ни в чём не отступать, ни перед кем не извиняться. Вот почему отчизна имеет обыкновение с завидным постоянством наступать на одни и те же грабли.

Поэтому, мало одной выставки, так вот вам и другая, в том же сахаровском музее: «Запретное искусство. 2006». Точно то же обвинение и, «пострадавшие» те же — фигурально говоря, «русская православная вера» и потому, понятное дело, «русский православный народ». Подсудимые Самодуров и Ерофеев. Ну, и приговор, что спрашивать, такой же. Обошлись, однако ж, без погрома.

О художественной ценности выставки говорят разное, но экспонировалось немало работ очень знаменитых авторов; впрочем, здесь, в судебном, так сказать, аспекте, это совершенно неважно — сахаровский музей не галерея, не может и не должен стать таковой. Тем более, пытаться приобрести репутацию в области современного искусства этому музею было бы уж особенно самонадеянно и даже несколько неприлично. Потому были разные мнения об уместности экспонировать данное собрание именно в этом зале, шли споры, но и это здесь совершенно неважно, ибо речь о суде.

Что до концепции второй выставки, то к пунктам первой добавился ещё один, чрезвычайно важный — о цензуре, в том числе о церковной, легко угадываемой, почти осязаемой. И эта проблематика преобладала и, конечно, в высшей степени соответствовала сахаровскому Общественному Центру.

Собственно о суде сказать нечего. Линия обвинения, изыски экспертизы, судебская стратегия — скучная калька первого самодуровского процесса. Когда-то появится содержательный очерк об этом суде, но здесь, в беглом перечне примеров, его главной характеристикой мне кажется подчёркнутое, демонстративное совместное бесстыдство власти политической и власти церковной. Нам убедительно показали — правосудие должно следовать народной воле. Выразители этой воли собираются легко и охотно. Конституция им не интересна, видеть выставку — эту, да и какую-то другую — совсем не обязательно, о чём-то читать — тем более.

В некотором смысле процесс Дмитриевского в Нижнем Новгороде (осень 2005 — февраль 2006) как две капли воды похож на самодуровский. В редактируемой им газете были опубликованы два заявления: обращение Закаева к российским избирателям (не голосуйте за Путина) и обращение Масхадова к Европарламенту (подумать только! Благодарит *за признание депортации 1944 г. геноцидом!* А надо было, видимо, благодарить *за депортацию!*). Та же 282 ст. УК, тот же уровень экспертизы. Не удержусь, ну вот, например, чеченского, американского и еврейского народов не существует, ну просто нет в природе; а депортации, похоже, тоже не было, но может и была, но если и была, то она не преступна, поскольку оправдана политическими обстоятельствами и государственной необходимостью. Те же, по сути, формулы обвинения — разжигание вражды и ненависти; кого к кому? Нет ответа. Две молоденькие прокурорши. Одна исподтишка язык адвокатам показывает, а вот вразумительное слово из этих накрашенных ротиков клещами не вытащишь. Ну что бы, например, по отношению к конфликту в Чечне, могло бы значить возбуждение *расовой* ненависти? Там что же, монголы с неграми воюют?

Два судебных дела О.П. Орлова – гражданский процесс о защите чести и достоинства (истец Р.А. Кадыров, президент Чеченской Республики), завершённый осенью 2009 г. и уголовный суд, всё ещё продолжающийся в данный момент, в котором Орлов обвиняется в клевете. Пострадавший – всё тот же Кадыров, только он называется теперь Глава ЧР. Рамзан Ахматович первым отказался от президентского титула, чтобы ненароком не снизить высокое звучание статуса Президент РФ. Фабула обоих процессов одна и та же, она очень ясная. 15 июля 2009 г. в Грозном была похищена Наталья Эстемирова, одна из руководителей Чеченского «Мемориала», человек чести и безграничного мужества, имевшая выдающиеся успехи в трудной и очень опасной работе правозащитника в ЧР, не раз вызывавшая неудовольствие местной власти, в том числе, самого Кадырова. В тот же день было обнаружено тело Наташи – уже не в Грозном, в Ингушетии.

Олег Петрович Орлов публично, в присутствии журналистов, назвал Кадырова убийцей. При этом он заявил, что не утверждает, будто Кадыров лично осуществил убийство и вполне допускает также, что тот не отдавал даже и прямого распоряжения об этом преступлении. Несмотря на эти (весьма чёткие, замечу) оговорки, от квалификации «убийца» Олег отнюдь не отказался.

Чтобы предельно ясно обозначить позиции сторон, приведу ряд цитат.

24 июня 2009 г. на пресс-конференции об отмене режима Контртеррористической Операции (КТО), Кадыров сказал: *«...некоторые политологи и эксперты, они, как правило, «бывают под ного-то». <...> Стабильность и становление экономики Чеченской Республики не нравятся многим людям. Они и заказывают эти материалы у этих экспертов. Они придумывают и высказывают! <...> Те, кто там говорят, ведут пропаганду, я их дея-*

тельность считаю равным с бандитами, террористами, преступниками».

23 мая 2009 г. в 20:00 в программе «ИТОГИ» телеканала «ГРОЗНЫЙ» прозвучало очередное сенсационное заявление Кадырова: *«Валлахи (клянусь Аллахом!) ваххабиты и те, от кого есть хоть малейший запах ваххабизма, будут уничтожаться. Клянусь Аллахом, если они не приведут своих детей домой, я не дам им жить на этой земле¹. Они должны либо привести домой своих детей-ублюдков, чтобы их посадить за решётку, либо убить их. Клянусь Аллахом! Мы даже не будем их задерживать, а просто убивать их на месте. После этого не позволим произнести даже их имён».*

Вот интересный диалог в интервью «Новой газете»², опубликованном 21 июня 2004 г.: *«А приказы убивать отдавали?» — «Отдавал». — «Не страшно?» — «Это не я — это Аллах. Пророк говорил: «ваххабитов надо уничтожать».*

А ниже — сугубо мужские слова, адресованные мужскому же журналу GQ³ в октябре 2005 г.: *«Того, кого я должен был убить, я уже убил. А тех, кто за ним стоит, буду всех убивать, до последнего, пока меня самого не убьют или не посадят. Я буду убивать, пока жив».*

В январе 2008 г. Кадыров рассказал «Эху Москвы»⁴, как он мстил за смерть своего отца: *«Я вас заверяю официально, Хайрулла... Имурзаев из Дагестана взял*

1 Кто не знает чеченских подробностей — речь идёт о мирных жителях Чечни, чьи дети подозреваются в принадлежности к боевикам. Далено видел Корней Иванович Чуковский: *«Принесите-на мне, звери, ваших детушек, / Я сегодня их за ужином скушаю!»*

2 (<http://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2004/2004-051.shtml>)

3 (<http://www.newsru.com/russia/05oct2005/kadyrov.html>)

4 (<http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/492292-echo/>)

на себя ответственность... У нас утром должна была быть инаугурация моя, вечером мы этого Имурзаева уничтожили... Мусниев и другие, все были уничтожены. Душаев, все, которые даже косвенно сказали, что они хоть знают, кто убил Кадырова, их в живых нет... А что прокуратура делает, это вопрос десятый... Как чеченец, как сын...».

Здесь, уважаемый читатель, мы вдруг сталкиваемся с парадоксальным обстоятельством, отнюдь не частым в судебной практике. Позиции сторон совпадают! «Убийца!» — с гневом и отвращением восклицает Орлов. «Ну, да, убийца!» — с гордостью возражает Кадыров.

Правда, конкретное убийство Эстемировой он на себя не берёт: *«Зачем Кадырову убивать женщину, которая никому не нужна? У неё чести, достоинства, совести не было никогда...»* — говорит он в интервью «Радио Свобода»¹ вскоре после гибели Наташи. Дескать, будь эта особа значительнее, может, и убил бы.

Из сопоставления позиций очевидно, что спор идёт о весьма общей проблеме права и государственной политики.

Орлов утверждает — Кадыров убийца, *даже, если он не приказывал убить Наташу*. Это утверждение логично лишь в одном случае — жизнь, порядок, режим, если хотите, в нынешней ЧР таковы, что позволяют устранять неугодных и таким способом (и отнюдь не редко, приходится признать). Олег Петрович делает именно это утверждение, опирающееся на его богатейший кавказский опыт, несравнимый ни с чьим другим. Только это утверждение, и никакое иное, ибо в противном случае его слова были бы совершенно лишены смысла. Просто Орлов хорошо знает, в какой мере чеченские порядки зависят от Кадырова.

1 (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1795518.html>)

И Кадыров знает это отлично. Он полагает свой статус необходимым и заслуженным, убийство же — подчас приемлемым, традиционным политическим методом. Что ж, история пометила этим несмываемым клеймом «убийца», неисчислимый ряд своих персонажей. И все они называли свои идеи и свою политику путем, ведущим к высоким свершениям и общему благу.

Кадыров, не смущаясь, ссылается на Высшую Волю: «*Это не я — это Аллах*». И эти доводы не новы, когда-то, очень давно, они звучали часто и страшно. Теперь их тоже вспоминает не один Кадыров.

Вот вопрос, в нашем «светском правовом» государстве неужели не опасно иметь руководителем не самого спокойного региона молодого человека, который получает заказы на убийства лично от Всевышнего? Не лучше ли его полечить?

По частоте ссылок на Аллаха с Р.Кадыровым соперничают, пожалуй, лишь Ахмадинежад да террористы бен Ладена. Увы, но и это не смущает Федеральную власть.

По наглости, или по убогости «мальчик», как называет его наш Президент, вскарабкался на общероссийский насест и орёт на весь наш курятник — «буду убивать, пока жив», прокуратура «вопрос десятый», не задерживать, «просто убивать». Что еще нужно для решения как суду, так и власти?

Однано, Орлову постановят обвинительный приговор, ибо суд продажный, а власть безмозглая.

У нас нет политиков, откуда бы им взяться в СССР? Одни чиновники. Прежде еще и специально выделенные диктаторы — и этих политиками не назовёшь. Нынешняя Высшая власть, хозяева страны, — тоже чиновники. Вот эта власть и занята исконным делом русского чиновничества — с грехом пополам едва сводит концы с концами, не забывая, впрочем, елико возможно набить карманы. И, не стесняясь в средствах, блюдет

свою чиновничью стабильность и свою чиновничью преемственность. Вперед они не думают, а только скучно врут о будущем.

Такой власти не нужны самоуправление и инициатива. Такой власти нужны гауляйтеры. Ну, хотя бы на Северном Кавказе пока. Потому в Чечне Кремлю не обойтись без Кадырова.

Когда-то он станет болезненной проблемой Москвы, но это когда-то. Вот почему Медведев дважды (на следующий день после убийства Натальи, 16 июля 2009 г., и 15 сентября) затупился за Кадырова. Он предположил, что это убийство – провокация, рассчитанная на распространение самых неприемлемых для власти версий. Он также назвал Кадырова «зрелым и подготовленным руководителем».

Теперь о клевете. В недавние времена в политическом процессе клевета была как острая приправа к жирному блюду. Главный то грех обвиняемого, конечно же, антигосударственный преступный умысел и план (контрреволюционный, антинародный, антисоветский...). Клевета этому, разумеется, способствовала, была, так сказать, подручным средством, но сама по себе, в чистом виде, стоила не дорого – всего-то три года лагерей.

Ну, и еще одна функция была у этого обвинения в клевете – портрет негодяя. Ведь на кого грязную напраслину возводил? На Родину-мать! (Ну, не на Кадырова же, все-таки! Как-то Родине это обидно).

Вот почему в этом судебном деле всё как-то не так. Какие всё же мотивы у Орлова? Неужели просто личная неприязнь? Или уж у нас теперь Рамзан Ахматович тоже что-то очень важное олицетворяет?

Ну, время покажет.

Эти примеры можно было бы множить бесконечно. Суды над молодыми НацБолами, над членами трогательной и наивной благотворительной общины ПОРТОС, над

журналистами — экологами, чудовищные фальсификации «шпионских» дел ученых. Наконец, огромный массив административных судов над участниками митингов и пикетов, в которых толпы блюстителей закона дружно лжесвидетельствуют по заданию начальства. Врут нагло и открыто, очевидно для всех — свидетелей, публики, своих сослуживцев, *мировых судей*, слушающих эти дела. Вот *эти-то* судьи скоро станут федеральными.

Но ниже речь пойдет об иной ипостаси российской судебной системы. Ниже пойдут, назовём это так — *гуманные эпизоды политического правосудия*.

Я очень коротко приведу их, так сказать, ради симметрии, пусть читатель знает, что и политическое правосудие бывает милосердным. Ну и ради того тоже, чтобы показать степень ангажированности политического суда.

Во всех подробностях известный, имевший большую прессу ростовский процесс (2001–2002 гг.). Подсудимый Юрий Буданов. Скорее всего читатель помнит что убийца Эльзы Кунгаевой, полковник Буданов, предстал в официальных, либо полуофициальных, но очень высоких, высказываниях то как мерзавец, опозоривший армию, то как несчастная жертва болезней, контузий и тяжёлых фронтовых обстоятельств. Дело с судом, однако, зашло так далеко, что сочувствие к жертве пришлось целиком сосредоточить в нашей, разумеется, самой гуманной в мире, психиатрии. Но это отдельная песня. Я говорю об этом лишь для того, чтобы напомнить о сложном переплетении в процессе двух очень разных, но равно необходимых тенденций: доказать всему миру неотвратимость нары в РФ невзирая на чины и заслуги, но и не опорочить при этом уж слишком образ защитника единства страны и ее конституционного строя. Тут есть что читать и о чём размышлять, я же коротко коснусь двух эпизодов, выпукло характеризующих Высший Суд.

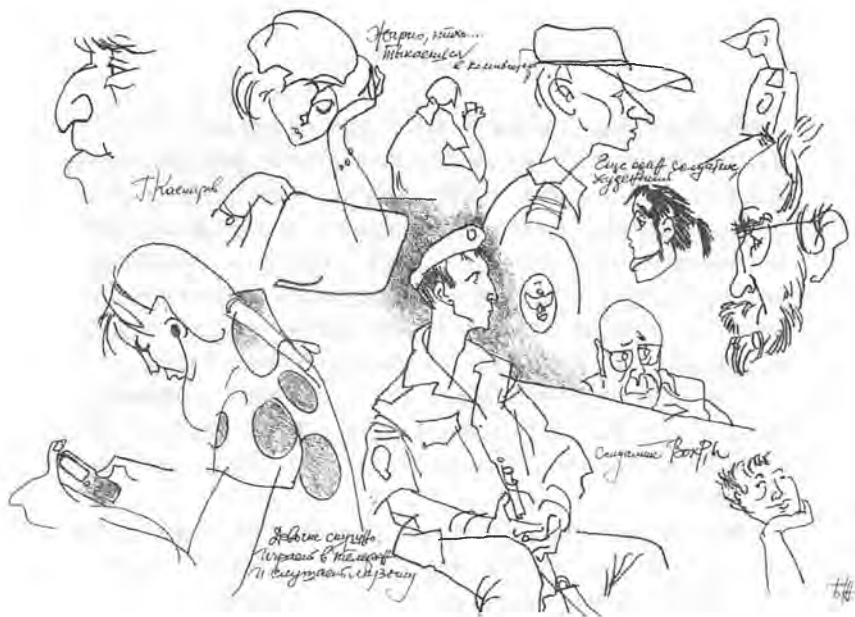
Как помните, обвинение Буданова в изнасиловании Кунгаевой было категорически отвергнуто: характерные повреждения тела убитой взял на себя мл. сержант А.Егоров, якобы надругавшийся над трупом. Он был осуждён и тут же амнистирован. По поводу этой странной, мягко говоря, версии возникает масса недоуменных вопросов, но я не стану их ворошить, ограничусь одним, по-моему, главным — вопросом вопросов. Об оценке доказательств судом. Вот картинка, ни одна её деталь не была в суде оспорена. КУНГ, такое помещение на колёсах, в котором живёт и работает командир полка. Полковник выставил караул, отодвинул его на значительное расстояние от КУНГа и распорядился никого к этому КУНГу не подпускать. А в КУНГе под громкую музыку (включил проигрыватель, говорит, чтобы «развеемся») совершенно голый (нет, когда пришли был он в одних плавках) мужчина допрашивает (а вы что подумали? Ай-яй-яй!) совершенно голую (тут уж вовсе в чём мать родила) женщину. Труп Эльзы Кунгаевой лежал навзничь на топчане. Очевидец один, он же обвиняемый. Он объяснил, что пострадавшая набросилась на него; спасая свою жизнь и будучи в сильном душевном потрясении он её и задушил. А почему голые? Да вот в пылу борьбы изорвали и сорвали друг с друга одежду. Вы, читатель, верите в эту версию? Я нет. Суд поверил. Вы полагаете, будто в отсутствие свидетелей проверить разные версии этого грязного убийства невозможно? Как раз не очень трудно, думаю я, если, конечно, следствие и суд добросовестны. Ну вот, например, где же эта сорванная и изодранная одежда? В судебном следствии о ней и не вспомнили. Суд мгновенно и с восторгом вцепился в этого осквернителя трупов Егорова. Дескать, нашёлся этот баловник, ну и ладно. А тогда чего там дальше исследовать — в пылу борьбы, так в пылу борьбы. Слов нет, диковатая какая-то версия появления голой жертвы и голого убийцы, прямо скажем,

неубедительная какая-то. Чтобы уж такая была борьба, что уж вовсе нагишом вдруг оказались? Ну, да ладно, чай мы не в Страсбурге, не в Гааге какой-нибудь, всего-то Ростов-папа, прокатит! А ведь одежда-то есть и совсем она не порвана. Как показала экспертиза, одежда Эльзы Кунгаевой разрезана. Вот тебе и в пылу борьбы! Бедный Егоров! Об этих растленных судьях, о них-то чего жалеть.

Другой эпизод. В деле фигурирует ст. лейтенант Р. Багреев, тот самый, которого Буданов вместе с нач. штаба И.Фёдоровым избили, бросили в зиндан¹, чуть не засыпали негашёной известью, — словом, тут уже широкое поле для правосудия, а о раздумьях над нравственным уровнем доблестной армии я уж и не говорю. Но я о другом — за что же на бедного лейтенанта эти напасти? А за то, что замешкался в контрольной учебной артиллерийской стрельбе. Замешкался же потому, что не хотел стрелять по цели разрывными снарядами и менял их на другие, которые не дадут осколков, я уж не помню, как их называют. А всё дело-то в том, что учебная цель — жилая чеченская деревня, вот лейтенант и не хотел посесть жителей осколками. И вот суд обсуждает то да сё, а о том, что в мишени живут люди — молчок; видимо, не имеет юридического значения. Это впечатляет. В самом деле, совсем слепая Фемида.

Дальше. Очень известное дело капитана Ульмана. Со своим небольшим отрядом он расстрелял в Чечне шестерых мирных жителей, ехавших в машине, а тела пытался сжечь. Его дважды оправдали (между прочим, судом присяжных) в мае 2004 г. и в мае 2005 г. Оправдали на том основании, что он якобы выполнял приказ. Это не доказано, но и не опровергнуто. Приказавшего

1 Глубокая яма, расширяющаяся к низу, в которой содержат пленных, арестантов, задержанных (просто сбрасывают вниз).

или приказавших не нашли. Ищут ли? Как говорится, комментарии излишни. Есть, правда, тема присяжных, так сказать «глас народа», но это не сейчас. Или, напротив, всегда и везде? Всё же, прежде чем эту тему всерьёз поднимать, хорошо было бы узнать, какое же напутствие присяжным произносил судья, как объяснял закон? Говорил ли, например, что преступный приказ не освобождает от ответственности? И как были сформулированы вопросы присяжным? А, кстати, как формировалось жюри?

Ещё. Как сообщил мне в ответ на мой запрос (ещё депутатский) заместитель генерального прокурора С.Н. Фридинский 29 августа 2001 г. военнослужащий О. ограбил и изнасиловал жительницу Шали Д. Негодник был примерно наказан — 5 лет лишения свободы условно. Всё же правосудие обошлось с этим О. строже, нежели с прапорщиком Ч., получившим за то же самое, но совершенное в Ханкале 10 марта 2001 г., только 4 года условно же. Впрочем, и за убийство на рынке в Гудермесе 21.08.2000 некто П. тоже получил

условно, правда целых 6 лет. А вот 22 декабря 2000 г. в селе Редухой 65-летняя Масани Шахгириева рискнула сказать солдатам, что водки у неё сейчас нет, — и получила автоматную очередь в ноги. Соседи свезли её к медикам, а на рядового Ц. за эту грубость суд просто спустил собак — он получил 6 месяцев ограничения по военной службе. Это значит, что целые полгода бедный Ц. не мог бы, например, стать ефрейтором. Суд счёл, что он неосторожно обращался с оружием, а водка тут не при чем. Юноша, наверное, просто хотел пошутить со старушкой, нажал курок, а тут эта штука вдруг стала стрелять.

Ну, я пишу не обзор, а примеров уже достаточно, но приведу ещё один, сейчас поймёте почему. Офицеры Галямин, Васильев и Мостовой за превышение должностных полномочий (а Мостовой ещё и за мошенничество) приговорены к 1–1,5 гг. лишения свободы условно. Эти судебные санкции связаны с легендарными зачистками Серноводска и Ассиновской в начале июля 2001 г. Тогда властям не удалось избежать огласки и многочисленные факты массовых задержаний, грабежей, убийств, избиений и пыток, исчезновений людей (мы-то знаем, эти исчезновения, как правило, — смерть, часто под пытками) стали доступны СМИ, были документированы правозащитными организациями. И вот условно наказаны 3 офицера, которые, как сообщил С.Н. Фридинский в пресс-конференции 28 марта 2003 «ненадлежащим образом исполняли служебные обязанности». Вот и всё. Нет виновных в пытках, грабежах, убийствах. Уголовные дела приостановлены в связи с «неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого в совершении преступления». Да вот, и некоторые *исчезнувшие — тоже не найдены.*

Ответ С.Н. Фридинского на мой запрос содержит краткую справку о 51 судебном решении и те примеры,

которые вы прочитали, входят в их число. Это всё, что было рассмотрено судами на 25 апреля 2003 г. по уголовным делам служащих федеральных и чеченских республиканских силовых структур. 51 суд на многие сотни жалоб, многие сотни зафиксированных правозащитными миссиями случаев зверского насилия, иные из которых касались нескольких десятков жертв. А в пятидесяти одном суде только 19 подсудимых были приговорены к реальным срокам заключения.

В этом разделе комментария я написал о другой, так сказать «снисходительной», функции точно того же самого «политического правосудия». Это ведь и есть его задача — имитировать суд, раздавая разные решения под продиктованный или, подчас, угаданный политический заказ.

Вообще-то есть объективный и довольно точный показатель независимости судов — число оправдательных приговоров. У нас оно составляет **0,8 %** от всех постановленных приговоров! Вот и суды наши независимы, грубо говоря, на эти самые 0,8 %. Скучно даже доказывать такую банальную связь.

Приручение судей

После принятия Концепции Судебной Реформы и ряда законодательных актов естественным побуждением «клана принимающих решения» (а на самом деле, гораздо более широкого круга чиновной элиты) было не выпустить суды из своих рук, восстановить status quo. Овладевшее этим важным кругом смутное, полунтуитивное техническое соображение, опиравшееся, впрочем, на богатейший советский опыт, могло бы быть, на подходящем случае языке, сформулировано примерно так: «А, ништяк! Мало ли что судьба заставит писать и говорить! Ну, и пусть будет, дескать, «ветвь

власти», пусть перед судами все будут, как бы, равны. Что, разве прежде так не писалось? А кто судом командовал? Так и будем им командовать, как раньше! Иначе нельзя».

Очень важный шаг контрреформы — судья становится несменяемым лишь после того, как успешно преодолеет некий предварительный, так сказать «испытательный» срок. Сначала этот срок был 5, потом 3 года. (Совсем недавно эта норма была отменена). Принципиальное значение имеет нормативная регламентация судопроизводства, подчас носящая, казалось бы, почти технический характер. Прежде всего, это та форма иерархии в судебной системе, которая несовместима с подлинной независимостью каждого судьи. Председатели районных судов (соответственно, председатели вышестоящих судов) наделены чрезмерными полномочиями и это важнейший фактор ограничения независимости. Председатели обладают дисциплинарными функциями — они возбуждают дисциплинарное производство. Они проверяют жалобы. Председатель решает вопрос о представлении судьи к назначению (например, о переназначении мирового судьи). **Председатель распределяет дела между судьями.** При этом, подавляющее большинство дел рассматривается **единолично** — в 2009 г. суд присяжных рассмотрел 490 дел, трое профессиональных судей 1080 дел, что составляет совершенно ничтожную долю всех дел, рассмотренных российскими судами. Весьма подходит к такой организации работы судов система назначения судей. Федеральный судья назначается Указом Президента РФ. Прежде, в самом начале 90-х, кандидатов на назначение рекомендовала Президенту специальная комиссия 3-х парламентских комитетов — по законодательству, по правам человека и по внутренним делам. Чуть позднее эта функция перешла к комиссии, учреждаемой Министерством Юстиции. Ещё позднее

при Президенте был образован негласный комитет, обсуждавший кандидатуры судей. В него входили некоторые профессора-юристы, чиновники Администрации и представители силовых ведомств: заместитель Генерального Прокурора, заместитель директора ФСБ, заместитель министра МВД, заместитель министра Юстиции. (В 1994 г. разразился скандал, когда обнаружилось, что министр внутренних дел располагает чёрным списком из 111 «неблагонадёжных» судей.) Теперь, кажется, кандидатуры судей рекомендуют Президенту председатели Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда. После этого кандидатуры рассматривает аппарат Управления Кадров Администрации Президента, т. е. чиновники. Заметим, чиновники исполнительной власти.

Работа судьи, ещё с советских времён, оценивается по так называемым «объективным показателям» — предельно формализованным и не слишком содержательным. Главные из них — скорость рассмотрения дел и количество отмен и изменений судебных решений в высшей инстанции. Эти показатели сопровождают судью всю жизнь и играют заметную роль в его карьере. Судьи боятся отмены решений и чаще всего советуются с вышестоящими о приговоре. А председатель суда волен придать показателям большее или меньшее значение, побуждая судью стать послушнее.

Два преобладающих источника новых пополнений судейского корпуса — правоохранительные органы (прокуратура, оперативные работники и следователи милиции) и секретари судебных заседаний, получившие юридическое образование, как правило, заочное. Иными словами, источник пополнения судей — служащие, по обязанности выполняющие указания начальства. Весьма часто первая судейская должность — мировой судья. Он подчинён председателю районного суда и не имеет статуса несменяемости.

Его дальнейшая карьера целиком зависит от того, представит ли его председатель для переназначения на новый срок, или, в дальнейшем, в несменяемые федеральные судьи.

Дополнительный фактор «приручения» судей — привычный социалистический способ распределения благ. Материальные бытовые льготы, предоставляемые высшим судам в Управлении делами Администрации Президента.

А всё-таки, как именно нынешний российский судья получает «заказ»?

Совсем не исключено, что не редко это делается очень просто, в откровенном разговоре.

Есть, однако, две причины, по которым теперь практически невозможно прямо и неопровержимо обнаружить сам факт начальственного «заказа» судье — ну, например, так, как это отражено в протокольной записи разговора Н.С. Хрущёва с Руденко и Горкиным на заседании Президиума ЦК 17 июня 1961 г. (ПРИЛОЖЕНИЕ 2). Во-первых, кто же сознается в этом? Кому, вообще придёт в голову вести теперь такие протоколы? Слава Богу, минула та эпоха, когда подчинение суда государственной власти не скрывалось, а почиталось доблестным преодолением всемирного буржуазного лицемерия. Теперь такое признание для всех участников сговора (включая и посредников) не просто позорно. Подобная публикация *о сегодняшних судах*, если бы чудом и оказалась возможна, вне всякого сомнения, стала бы предметом чрезвычайного уголовного преследования, если не тайной расправы. И не нужно ходить к гадалке, чтобы предположить будущий приговор. Ибо власть, похоже, с озлоблением и страхом ощутила, наконец, опасность того порочного круга, из которого решительно нельзя выйти без серьезнейших потерь, угрожающих констатацией нелегитимности власти; круга, в который она загнала себя самой. Если независимость суда неизбежно принесена в жертву

привычным «удобствам» самовластия, то худо-бедно маскировать это постыдное обстоятельство можно только вновь и вновь попирая всё ту же злосчастную 120 ст. Конституции. Но невозможно найти и тень намерения разорвать заколдованный круг: в самом деле, ведь лишиться господства над судебной системой означало бы пойти на коренное изменение отечественной модели государственности, крах квазисоветской системы. На этот отчаянный шаг не рискнули пойти «архитекторы перестройки» во главе с М.С. Горбачёвым. Б.Н. Ельцин, мне кажется, под влиянием либеральных идей и некоторых их носителей, несколько чаще задумывался о вопросах права (при всей, описанной выше, наивности этих размышлений). Однако же, отложил эти мысли до лучших времён, а потом и вовсе потерял в чаду чеченской войны.

Хрущёвские откровения официально трактуются теперь не иначе, как атавизм сталинской эпохи, якобы давно изжитый, а для новой государственной лжи о независимом правосудии ушлым аппаратом, при благосклонности первых лиц, приспособлен второй, более совершенный механизм, не требующий о чём-то тайно шептаться, что-то прятать, за кем-то следить, чтоб не проболтался.

Этот доведённый до филигранной тонкости, не знающий сбой механизм, давно изобретённый бюрократией, и как раз в советской бюрократии достигший рекордных высот, основан на точном кадровом подборе управляющего аппарата. Эти люди в совершенстве владеют птичьим языком намёков, иносказаний, интонаций, многозначительных взглядов, многозначительных пауз, недоговорённых фраз. Это и есть главная причина, по которой вам не удастся найти ни в переписке, ни в архиве простодушного распоряжения вроде: «примерно наказать», «лишить свободы не менее чем...» и проч. Я совершенно уверен, что

сговора физически может и не быть — он возникает и осуществляется «по умолчанию», если можно так выразиться. И это один из самых важных советских способов официального взаимодействия, вероятно, неплохо известный международному чиновничеству, но совершенно непонятный нормальным людям в стране и, пуще того, за рубежом. Партнёры вообще не обсуждают главного вопроса, цели своего взаимодействия. Они молчат о нём, ибо понимают друг друга без слов. Слова же, часто высокопарные, произносятся (или пишутся) совсем в стороне, на самом деле вовсе не касаясь этого главного вопроса — разве что трудно различимым намёком. А молчаливая игра разыгрывается, как правило, вопреки патетике этих слов, более того, вопреки всякой логике, вопреки здравому смыслу, вопреки просто человеческой природе, наконец. Раза три в жизни мне доводилось наблюдать такие игры и пару раз по недоразумению меня пытались в них втянуть. Нужно сказать, что любая ваша ригидность, твёрдо выраженное непонимание, обескураживают собеседника; видно, как напряжённо ищет он свой промах. И самая главная для него ошибка — вдруг он не разглядел, что за вами стоит кто-то сверху, и этот кто-то имеет особое мнение и особый интерес.

Само собою ясно, что прокуратура, осуществляющая **государственное** обвинение, конечно, прямо или косвенно получает какие-то рекомендации. Но они, разумеется, бывают выражены в приличной и правомерной форме официального обращения. Куда ж ещё обращаться власти, обеспокоенной действиями физического или юридического лица, в которых можно заподозрить нарушение закона? На то ведь и создана прокуратура!

Но как же суд? Как суд будет вовлечён в фабрикацию политического заказного дела? Да очень просто. Слухом земля полнится, и о вероятном «неудобном»

будущем подсудимом судьейские узнают заранее. А уж едва только взглянув на обвинительное заключение (и ещё раньше — на предварительное обвинение), руководители надлежащего суда, образованные, опытные, хорошо ориентированные в политических интригах, без всякого сговора отлично поймут, что требуется от суда. Получив дело, председатель суда назначит на него надёжного, понятливого, прагматичного судью, предпочитающего земное благополучие абстрактным идеалам. Вот, собственно, и всё. Власть получит искомое, а судья надежду на благодарность начальства. Когда-то, как-то эта надежда сбудется.

Эту модель, впрочем, нельзя строго доказать, да и самые убедительные косвенные доводы в её пользу могли бы последовать только из суда, что, по понятным причинам, не слишком вероятно. Однако, все сведущие люди в стране отлично знают об этой модели. О народном мнении относительно суда нечего и говорить — оно весьма скептически по отношению к правосудию и, наоборот, россияне уверены, что власть господствует в суде, как и повсюду. Профессионально организованный, репрезентативный социологический опрос авторитетнейшего Левада-центра, описанный выше и полностью приведённый в приложении, показал это, как нельзя лучше.

И всё-таки отдельные факты прямого давления власти на суд очень редко, но становятся доступными. Вот пример. Известный советский актёр Видов, выехавший в США, в компании «Films by Jove» вместе с супругой адаптировали российские мультфильмы к привычным для американцев реалиям. Кажется, в 2003–2004 гг. возник спор об авторских правах с государственным унитарным предприятием, основанным М.Е. Швыдким, тогдашним министром культуры РФ. Вице-премьер В.И. Матвиенко дала представителям арбитражных судов письменное поручение о решении дела в пользу

унитарного предприятия. Дисциплинированный московский судья наивно приобщил это поручение к делу, фактически подтвердив, таким образом, прямое правительственное указание суду. В связи с этим, нью-йоркский судья Трагер признал российскую судебную систему не адекватной с точки зрения защиты прав предпринимателей.

Б.Е. Немцов рассказывал примерно в 2001 г. о том, что тогдашний председатель Высшего Арбитражного суда Яковлев сообщил ему о телефонном звонке весьма высокого государственного лица (похоже, что имелся в виду Путин) во время тяжбы о долге телеканала ТВ-6 Газпрому. В то время Администрация Путина была весьма заинтересована переформировать ТВ-6, лишив его даже следов независимости, что и было достигнуто, несмотря на бурные протесты общественности. С этого момента началось быстрое фактическое возрождение цензуры в скрытом варианте.

Нормативные акты в РФ содержат подчас терминологию, свидетельствующую о понятиях, трудно совместимых с независимостью судьи. Так, Верховный суд Республики Калмыкия Приказом № 24-п от 16 апреля 2007 г. вводит «Положение о порядке выплаты премий за выполнение особо важных и сложных заданий... судьям и... служащим Верховного суда Республики Калмыкия». Точно такое же премирование «...судей военных судов и Военной коллегии... — за выполнение особо важных и сложных заданий...» предусмотрено и ст. 29 Федерального конституционного закона о военных судах Российской Федерации (в редакции Федерального конституционного закона от 04.12.2006 №5-ФКЗ). Странно, что ни закон, ни положение не определяют от кого исходят эти *задания судьям*, в чём именно они могут состоять и что значат *особая важность и сложность* этих заданий. Прискорбная неопределённость нормативных документов опасно провоцирует толко-

вание *«заданий»*, ущемляющее независимость судей. Есть очень веские основания полагать, что как раз такое толкование весьма распространено в российской судебной практике.

Весьма важная роль в консервации обычаев советской судебной практики принадлежит органам судейского сообщества, прежде всего, Квалификационным коллегиям. Карьерные судьи, как правило, с продолжительным судейским стажем, либо исполнительные выдвиженцы, оказавшиеся в судейской среде благодаря описанным выше методам отбора и назначения, составляют верхушку судейского сообщества – председателей судов, их заместителей, членов коллегий. Эта «элита» – носитель инерции сознания, исторической преемственности. Она ориентирована не столько даже на марксистско-ленинскую догму, хотя и не изжитую до конца, сколько на гигантскую судебную практику своих недавних предшественников, их приёмы, их методы оценки. И на привычно угадываемую волю власти. Эта циничная элита господствует в обществе довольно жестоко, навязывая покорность, создавая атмосферу недоверия и страха. Ниже – лишь немногие выразительные примеры, так сказать, «преступлений и наказаний»; речь идёт о дисциплинарных наказаниях в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

Вот формулировка обвинения в дисциплинарном деле судьи **Меликова**¹: *«Практика назначения наказания по уголовным делам свидетельствует о явной сомнительности и странной мягкости целого ряда*

1 Меликов Александр Алексеевич – судья Дорогомиловского суда города Москвы, назначен Указом президента РФ в сентябре 1997 года. Был лишен статуса судьи 15 мая 2005 года Высшей квалификационной коллегией судей по представлению председателя Мосгорсуда Ольги Егоровой.

приговоров и иных решений судьи Меликова...»; «от отправления правосудия фактически отказывается, проявляя... настойчивость в разъяснении права на примирение».

Судья гатчинского районного суда **Веснин В.М.**¹ был лишен статуса судьи за то, что *«дважды выпускал на волю обвиняемого, хотя «не указал, какие обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, ...изменились» с момента первоначального ареста».*

Председатель суда Центрального района г. Волгограда **Игорь Пучкин** обязал своим распоряжением всех судей *ежедневно представлять ему отчёты о делах, прежде всего касающихся заключения под стражу или тех, к которым проявляют интерес местные власти, «где сторонами выступают органы государственной власти и должностные лица».* Судья **Гусева**² отказалась являться на доклад. Местная Квалификационная коллегия лишила Гусеву судейских полномочий, записав, что *«не посещает... ежедневные совещания судей,*

-
- 1 Веснин Виктор Михайлович — судья Гатчинского городского суда Ленинградской области (назначен Указом президента РФ в декабре 2001 года (до этого был судьей Сургутского городского суда (назначен Указом президента РФ в декабре 1995 года)). Был лишен статуса судьи 30 марта 2006 года решением квалификационной коллегии судей Ленинградской области на основании представления председателя Ленинградского областного суда **Ирины Лодыженской**.
 - 2 Гусева Елена Валерьевна — судья Центрального районного суда г. Волгограда с 14 сентября 2000 года. 22 октября 2008 года решением квалификационной коллегии судей Волгоградской области была лишена статуса судьи по представлению экс исполняющей обязанности председателя Центрального районного суда г. Волгограда **Галины Мун**. 2 апреля 2009 г. нассационной коллегией Верховного Суда РФ решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области было отменено, а Елена Гусева была восстановлена в статусе судьи.

*игнорируя требования о докладе дел, ошибочно понимая принцип независимости судей». В декабре 2009 г. дело по жалобе Гусевой на это решение слушалось в **Верховном Суде РФ**. В первой инстанции она **проиграла (!)** это дело. И лишь в кассационной инстанции Верховного Суда была восстановлена в судебском статусе и на работе.*

Известны не единичные случаи, когда Квалификационные коллегии досрочно прекращают полномочия судей, сочтя незаконными их вступившие в законную силу решения, не отменённые вышестоящими судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Именно так были лишены судебных полномочий, в частности, **Г.Н. Белюсова, С.В. Семак, Г.И. Зимица**. Тем самым Квалификационные коллегии, не наделённые соответствующей компетенцией, приняли на себя функцию осуществления правосудия и создали прецедент пересмотра судебных актов во внесудебном порядке.

Нередко дисциплинарному наказанию в виде лишения судебных полномочий судьи подвергаются просто за критику своего административного «начальства» — председателей судов. Такому наказанию был подвергнут председатель районного суда **Х.Б. Саркитов** за критику председателя Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики, которая *«насалась вступивших в законную силу судебных постановлений и деятельности»* последнего. Эта критика содержалась в письме Саркитова на имя Председателя Верховного Суда РФ и была сочтена Квалификационной коллегией безосновательной, *«...уменьшающей авторитет судебной власти и причиняющей ущерб престижу профессии судьи...»*. Кроме того, критика эта *«...сопровождалась выражением политических взглядов»*.

Точно так же Квалификационная коллегия поступила и с судьёй **А.А. Филатовой**, которая *«...в своих*

неоднократных выступлениях на заседаниях органов судейского сообщества Новосибирской области и в письменных обращениях подвергала критике как несоответствующие закону действия председателя и других судей Новосибирского областного суда, а также вступившие в законную силу судебные акты».

Жалобы упомянутых Белюсовой, Семан, Зиминой, Саркитова и Филатовой на решения Квалификационных коллегий, рассмотренные в различных судах первой инстанции, были дружно **оставлены без удовлетворения**. Судебная коллегия по гражданским делам **Верховного Суда РФ** в кассационном производстве все эти судебные решения **оставила без изменения**. Точно так же и жалобы об их отмене уже в порядке судебного надзора **оставлены Верховным Судом РФ без удовлетворения**. Вот так понимают нынче конституционную независимость судей и конституционную свободу мнений не самые захудалые суды России! Естественно возникает вопрос: это что, судебные ошибки, или это отражение государственной политики в понятливом судебном сообществе? И только Конституционный Суд РФ в своём **Постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П** в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминой, Х.Б. Саркитова, С.В. Семан и А.А. Филатовой — всё той же упрямой пятёрки — занял совсем иную позицию. Конституционный Суд признал оспариваемые заявителями нормативные акты не противоречащими Конституции. Но одновременно указал: а) неисполнение корпоративных нормативных актов судейского сообщества само по себе не может служить основанием для прекращения полномочий судьи; б) проверка законности и обоснованности судебных актов Квалификационными коллегиями принципиально недопустима, она может осуществляться лишь соответствующими судами; в) привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за критику судебных

постановлений и поведения своих коллег, предпринятую внутри судейского сообщества, недопустимо, поскольку ведёт к не основанному на законе ограничению гражданских прав и свобод.

* * *

Описанное — слабая зарисовка обычаев и приоритетов судейской верхушки и некоторые примитивные примеры, так сказать, технических приёмов, распространяющих эти обычаи на всё профессиональное общество. Да, собственно, даже и не «распространяющих», скорее властно напоминающих и утверждающих эти, до боли известные, обычаи.

Почему они так живучи, эти обычаи? Ведь начиналась уже судебная реформа, вмещавшая и высокие идеи Права, и идеал беспристрастного суда, и вполне трезвый расчёт. Реформа уже немало дала (в том числе, и каждому судье лично, между прочим) и обещала много больше. Почему же судейский корпус так легко расстался с завоёванной уже, было, высотой?

Увы, ответ безобразно прост. Мы не унаследовали от СССР судейского корпуса, его просто не было, ибо не было ни одного советского судьи. Это были государственные чиновники невысокого ранга. Так их учили профессора, а пуще того жизнь — жестокая и страшная. Представление о беспристрастном независимом арбитра, для которого государство не более, чем равноправная сторона в процессе, оказалось бы в этой среде кощунством, прямо ведущем к гибели. Не слишком многие интеллектуалы помалкивали о существовании «где-то там» подобного судейского статуса. Подавляющее большинство искренне ощущало себя слугами государевыми, исполняющими — что поделаешь — необходимую грязную работу. Так ведь

для самых отличившихся (а также и для самых неудачливых) работа эта была — отправлять на смерть. Можно себе представить, так сказать, «среднестатистические» решимость, интеллектуальную смелость, чувство достоинства, правдивость этих правоведов. Это что-нибудь не очень далёкое от спецслужб? Нет, конечно, они никого не били. Но ведь догадывались, поди, что их подсудимых бьют? Некоторые, быть может, тяжело переживали это? И не случайно ведь добросовестная и яркая адвокатская работа всего немногих (на огромную страну!) адвокатов, уже, правда, в 1960-х — 80-х была не просто хорошая работа, а подвиг. И за подвиги эти приходилось платить. (Я понимаю, что адвокат не судья, но довод исторически уместен.) А вот за судьями того же периода **ни одного такого подвига** история не записала. Признаем, всё же, что этот самоубийственный шаг было просто невозможно себе представить.

Вот почему короткий сон начала девяностых, когда повеяло чем-то иным, не успели и осознать. И назад, в СССР. Не надо спрашивать о совести, которая толкнула бы судью на протест. Он перед своей совестью не один. Он перед этой бедной, беспомощной совестью выступает в составе целой судейской корпорации. Большевики правы — непобедимая сила здоровый коллектив.

Потому-то и оказывается вовсе невыносимой та фантастическая отповедь бывшего судейского лакея своему бывшему партийному барину (а он снова власть, только в другой, демократической, ипостаси), о которой я писал несколько выше. Не в психологической щекотливости трудность. **Просто произносить эту отповедь некому.** Нет в нынешнем судействе достойной группы сколько-нибудь доверяющих друг другу авторитетных лиц, согласных в высоком предназначении суда и в нетерпимости к теперешнему паскудству. Дружное сообщество надежно защищено от отчаянных мятежей

Тюрьме не перестит ити
и границ,
туда светлых украшений
и в этом смысле
иного давшие
учия
в культуре отношений.

М. Гудерман

ближ.

единиц. Наше судейство вполне благополучно вернулось в состояние уверенно самовоспроизводящегося советского лакейского сословия. Нет, это отнюдь не что-то вроде профессионального клуба, откуда приглашают мажордомов, управляющих, камердинеров, домоправительниц, гувернанток — какую-нибудь «Пеппи, длинный чулок» — нет, это нормальное русское лакейство, поротое на конюшне.

Я в этом совершенно уверен. Я очень боюсь невольно задеть моих любимых Т.Г. Морщакову, А.Л. Кононова, С.А. Пашина, нехотя огорчить В.Г. Ярославцева и В.И. Миронова, потревожить память Э.М. Аметистова, невзначай обидеть ещё очень многих (я уверен в этом) достойных людей. Но что я могу поделать? Я знаю, что я прав. Их принадлежность к судьям нимало не меняет системы.

Можно рассматривать всё новые прецеденты. Можно детально анализировать и оценивать нормативную базу, регламентацию работы, жизни, отношений в судействе — это, однако, не так уж много значит; гораздо большее зависит от людей, воплощающих высокое требование закона в мелких технических нормах и, главное, в традиции их исполнения. Как говорится, «кадры решают всё». Что, впрочем, и видно по описанным выше случаям.

Сословие лакейское, вот в чём дело; да и каким ещё могло бы оно стать? Большевики пришли осуществить такую власть, природа которой — держаться только на жёстком насилии; они отлично понимали это и, поскольку по второстепенным тактическим причинам надобно было прикрыть насилие словом «суд», призвали, изнасиловали, заставили людей, отыскивали готовых это сделать и научившихся это сделать. Сложилась отработанная система, которая совершенствовалась более 70-ти лет.

Потом были провозглашены кардинально иные социальные и политические идеи — в том числе, и о

суде. Но они были приняты и поддержаны **теми же** главенствующими людьми; притом, одновременно с этими декларациями, была выдвинута идея **преемственности** нового государства по отношению к своему предшественнику — старому СССР. В начале века враги преемственности, настоящие революционеры, большевики, выгнали судей из судов. **Всех, до единого.** И изготовили новых, по лекалам, отвечающим новым задачам. Новая Россия этих новых оставила на своих местах, опять-таки **всех, до единого.** Чего же мы хотим от нашего правосудия? Вот, преемственность мы и имеем; во всём — и в исполнении закона, разумеется. А что, разве в советском законодательстве не было торжественных слов о независимости суда?

Нет, я не о люстрации, не о запрете на профессии, помилуй Бог. Но вот ведь есть же закон о реабилитации жертв политических репрессий. Откуда ж они взялись, эти жертвы? Мы отлично знаем, сколь многие из них — результаты заведомо неправосудных судебных приговоров. Но ведь это тяжкое преступление против правосудия по закону, *действовавшему во время совершения преступления*, между прочим. Отчего же не предстал перед судом ни один судья, ни один государственный обвинитель, ни один следователь? Да жалко было отказаться от своеобразных особенностей отечественного правосудия!

А если бы состоялись несколько таких процессов? Пожалуй, история нашего суда могла бы пойти несколько иначе. Речь не о наказании — что наказание — речь о бесчестье системы и о том, что оно не заслоняет несмываемого личного бесчестья. Для судьи, именуемого «Ваша честь», что же ещё может быть значимо? Нашим «Вашим честям», быть может, полезно было бы задуматься о том, что судья, как ни как — вершина карьеры, и что не везде судейский

корпус пополняется за счёт исполнительных девочек с заочным образованием и полицейских следователей. Есть и другие традиции.

При всей неполноте отчёта и недостаточной строгости анализа, сказанного, кажется мне, более чем достаточно для вполне уверенных заключений — по крайней мере, с 1917 г. в России нет независимого суда; следовательно, нет и демократии.

Значит ли это, что учредить правосудие можно только изменив политический режим? А как же иначе? Какое же может быть правосудие в краю управляемых суверенных вертикалей? Где самоназначенные власти мошенничают и врут, Сурков с Павловским подмалёвывают задник, а граждане, лениво взирающие на спектакль, заранее на всё согласны?

Но, может быть, упрямое требование правосудия и честных выборов и есть самые естественные первые шаги к переменам? Говорят, русские жаждут чуда. Может суд, которого мы никогда не видели, и есть вожденное чудо? (Тот кратчайший период 1864–1917 гг., весьма не однородный и потому сам по себе не простой, не рассеял сомнений самых придирчивых наблюдателей — писателей, и каких! — и промелькнул, не оставив памяти.)

Наконец, вспомним и о том, что наш суд — отнюдь не исключительно наше внутреннее дело. Перестроенный СССР был одним из самых энергичных сторонников идеи, что центральные ценности права неделимы, и перед ними должен склониться государственный суверенитет. Увы, в мире дело с этими идеями — как и с более общими понятиями об универсальных ценностях — обстоит сугубо неблагоприятно. Мировая политическая элита в погоне за ничтожными политиканскими преимуществами готова торговать этими ценностями оптом и в розницу. Я не буду уходить в

недавнюю историю, переполненную чудовищными примерами. Остановимся, как говорится, на текущем моменте. Ну вот, Совет Европы. Он создан с **единственной** провозглашённой целью — следить за тем, чтобы в государствах-членах не были нарушены права человека (и право на справедливый суд, а как же). Ну, уж я-то отлично помню, как именно Совет следил за событиями в Чечне. А вот теперь, как сообщают, его Парламентская Ассамблея сочла возможным не торопиться с рассмотрением дела Ходорковского-Лебедева, отложив этот вопрос фактически до завершения президентских выборов... в России (!!). Надо полагать, что и другие мировые институции и лидеры теперь слишком озабочены «перезагрузкой», отвлекаться на иные проблемы им недосуг.

Есть, однако, мировая общественность. Когда-то наше взаимодействие с ней сыграло некую роль в начале советских перемен.

Есть ли у нас шанс? Не уверен, что он велик. Но зависит всё только от нас — не от этой же жалкой парочки со всем её вороватым окружением.

Постскриптум

С середины февраля этого, 2011 года, во многих интернетизданиях и других средствах массовой информации, оживлённо обсуждается интервью Натальи Васильевой, помощницы судьи В.Н. Данилкина и пресс-секретаря Хамовнического суда. Искренно и убеждённо молодая женщина говорит о том, что Виктор Николаевич Данилкин не сам, или, по крайней мере, не один писал приговор. Что он постоянно был под контролем Мосгорсуда и, может быть, под ещё более «высоким» контролем. Это поступок высочайшего мужества, как бы там не сложилось дальше. Это отнюдь не удивлённый, наивный

возглас мальчика: «Глядите, а король-то голый!», нет. Все знают (надеюсь, что и Васильева) — за этим не последует стыдливое смущение толпы.

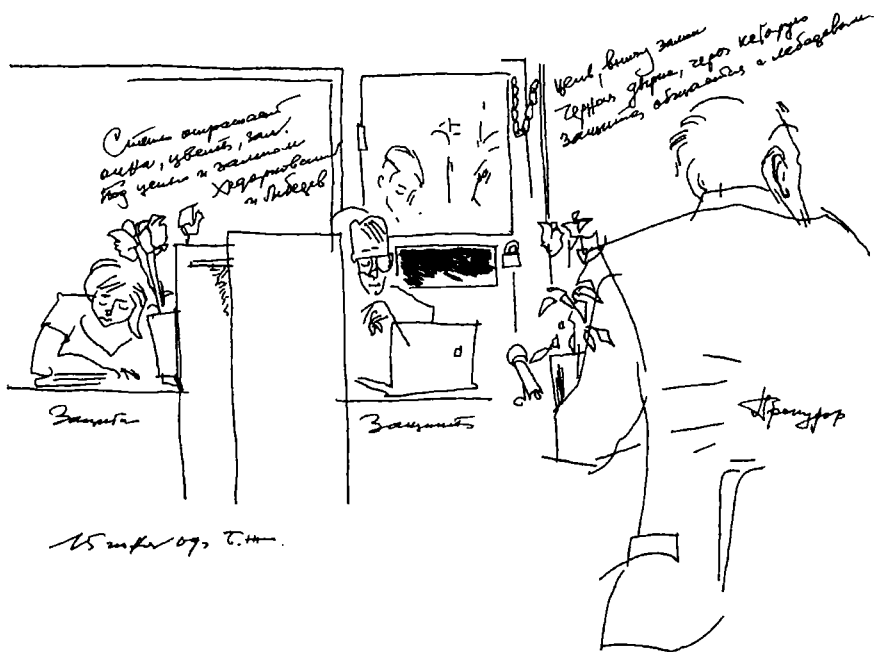
Васильева открыла секрет Полишенеля. Всё судебное сословие, все политики, вся пресса, все мало-мальски читающие граждане преотлично понимают, что представляет собою отечественное правосудие.

Как понять, зачем мы врём друг другу и самим себе?

В каком-нибудь ином государстве такие скандальные разоблачения немедленно привели бы к расследованию всех, связанных с ними обстоятельств. У нас, скорее, может последовать обвинение Н. Васильевой в клевете.

Тогда дай ей Бог силы стоять. И дай нам Бог стыда не оказаться безучастными.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви

19 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Товарищу Молотову. Для членов Политбюро.

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно Роста переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно

ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шве лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обезпечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обезпечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая госу-

дарственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что-бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил-бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели, пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже черезчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т. е. эс-эрам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем несколько), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал, как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся

помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как разстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на]вливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу разстрелять, тем лучше[.] Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответствен-

ных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин. 19.III.22.

Прошу тов. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро в круговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин.

— Л. 20–23 Машинописная копия того времени, заверенная заместителем заведующего шифрбюро ЦК РКП(б) С. Ф. Чечулиным. После второй машинописной подписи «Ленин» напечатано:

«Пометка рукою тов. Молотова:

“Согласен. Однако, предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города, а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии.

19.III. Молотов”». ¹

В конце документа машинописная помета: «Подлинник передан в институт Ленина».

1 Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 г. — М.—Новосибирск, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Дело валютчиков. Май-июль 1961 год.

Осенью 1960 года КГБ арестовал 9 человек за нарушение правил о валютных операциях и за спекуляцию валютой в крупных размерах. Среди арестованных были Рокотов Я.Т. и Файбышенко В.П.

Ниже приведена заметка из газеты «Правда» в июле 1961 г.

«В Верховном Суде РСФСР

Генеральным прокурор СССР был внесен в Верховный суд РСФСР кассационный протест на мягкость приговора Московского городского суда по делу Рокотова Я.Т. и Файбышенко В.П., осужденных 15 июня за спекуляцию валютой в крупных размерах к лишению свободы сроком на 15 лет каждый.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР удовлетворила этот протест, и дело обратила на новое судебное рассмотрение.

18-19 июля Верховный суд РСФСР... рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Рокотова Я.Т. и Файбышенко В.П. в спекуляции валютой в особо крупных размерах. Как установлено судом, Рокотов скупил и перепродал ва-

люты и золотых монет на сумму свыше 12 миллионов рублей, а Файбышенко скупил и перепродал валюты на общую сумму около 1 миллиона рублей (в старых денежных знаках).

Учитывая, что Рокотов и Файбышенко совершили тяжкое государственное преступление, Верховный суд РСФСР на основании второй части статьи 25 Закона о государственных преступлениях приговорил Рокотова и Файбышенко к смертной казни — расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Приговор встречен с одобрением присутствующими в зале суда».

Через несколько дней — несколько строк, озаглавленные «Валютчики расстреляны».

Ниже несколько мрачных подробностей о том, как происходило это трагическое дело.

До марта 1961 года ст. 25 («Нарушение правил о валютных операциях») Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» содержала только одну часть с максимальной санкцией — 8 лет. Только 23 марта была введена вторая часть 25 ст., согласно которой крупные валютные операции могли караться лишением свободы до 15 лет. Значит все, подпадавшие под юрисдикцию 25 статьи деяния, совершенные до 23 марта 1961 г., могли быть наказаны в пределах санкции *не выше* восьми лет лишения свободы.

15 июня 1961 года Рокотов и Файбышенко получили заведомо неправосудный приговор, поскольку суд употребил «обратную силу закона».

Но 19 июля на повторном суде оба были приговорены к расстрелу! Суд счел возможным постановить этот приговор только потому, что 1 июля 1961 года председатель Президиума ВС СССР Л.И. Брежнев под-

писал Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». Этот указ повысил санкцию второй части статьи 25 до *смертной казни*. И так, *закон вторично обрел обратную силу*.

Как это произошло рассказывает запись заседания Президиума ЦК 17 июня 1961 года. Она опубликована в трехтомнике «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 годы», который содержит черновые протокольные записи заседаний, стенограммы и постановления ЦК КПСС. Я цитирую эти отвратительные и страшные подробности по передаче «Документы прошлого» замечательного историка и радиопублициста Владимира Тольца. Радио «Свобода» 31 января 2009 года.

«Хрущев: Я вчера читал в газете «Из зала суда». Я возмущен, как это можно: дали 15 лет, через 5 лет он будет на свободе. Товарищ прокурор, вы что, будете свою политику проводить или будете слушать ЦК?»

Генеральный прокурор (Руденко): Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, не утвердили, установили максимум 15 лет, без смертной казни...

Хрущев: Да пошли вы к чертовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабили, грабят, а вы им законы пишете. Что такое? Ишь, какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают, а эти грабят рабочих и крестьян. Хотите, я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела, не боюсь, а вы боитесь. Я думал, расстреляют этих мерзавцев, читаю – 15 лет. Так вы же поощряете других...

Владимир Тольц: Тут Руденко попытался объяснить очевидное: он обязан судить по закону. Но Хрущев не унимался

Хрущев: Законодательство нужно пересмотреть. Руденко мы вот накажем: если вы не возьмете надзор, тогда вы просто либералом стали.

Верховный суд — т. Горнин, мы вас накажем за это дело и новых людей назначим. Нельзя так. Государство мы должны защищать. (...) А вы боитесь, (...) что у нас варварские законы. Я за варварские законы; когда не будет убийств, тогда и не будет варварских законов, а сейчас надо (...)

Руденко: Как бы вы меня ни ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применить (...)

Хрущев: Человек разложился, ничем не занимался, с малых лет начал спекулировать. Ему только одно место — в гробу. Вы его оставили. 15 лет его надо кормить, одевать, иметь отдельную камеру, держать солдат для охраны. У крестьян есть поговорка: «Худая трава с поля вон».

Владимир Тольц: Тут масла в огонь подлила «покровительница искусств», министр культуры Екатерина Фурцева, напомнив тому же Руденко:

Фурцева: У нас не было смертной казни, а потом, после случая с изнасилованием в 1951–1952 гг. Вы вошли с предложением.

Владимир Тольц: И еще недавно осуждавший сталинское беззаконие Хрущев подхватывает:

Хрущев: Сталин в этих вопросах правильную занимал позицию. Он перегибал палку, но преступников мы никогда не щадили. (...) Пусть печать выступит и разделает приговор суда.

Владимир Тольц: Руденко еще пытается сопротивляться. Он знает, что закон не может иметь обратной силы.

Руденко: Не надо этого делать, потому что лучше по существующим законам мы посмотрим.

Владимир Тольц: Но для Хрущева «воля народа» важнее законов (а ей можно управлять, и он — ее верховный выразитель)

Хрущев: У меня есть старый приятель, вместе на Донбассе работали. Он меня спросил, почему не рас-

стреливаете этих варваров? Ты думаешь, народ будет осуждать, ты боишься запачкать руки в крови? Нет, народ этого ждет, требует, вот пусть расстреляют...»

Приведу также письмо, адресованное Хрущеву Орликовым А.Л., отцом Яна Рокотова:

«Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

К Вам обращается за помощью отец осужденного на 15 лет за тяжкое преступление (спекуляция валютой) Рокотова Яна.

Я коммунист, пенсионер, инвалид, которому в течение последних двух лет ампутировали обе ноги выше колена.

Я считал бы правильным суровое решение суда, если бы не некоторые обстоятельства, возникшие после окончания судебного процесса.

После почти трех недельного срока с момента вынесения приговора Прокуратура Союза предложила новый пересмотр дела Рокотова, мотивируя свое предложение мягкостью приговора и предлагает применить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1-го июля 1961 г., т. е. смертную казнь.

Ян Рокотов совершил тяжкое преступление, за что получил самый высший срок наказания, который существовал во время суда над ним. Но когда стоит вопрос о смертной казни человека, даже преступника, то, как Вы, товарищ Хрущев, нас учили и учите, необходимо знать правду о жизни подсудимого до совершения им преступления.

Поэтому я считаю своим партийным и отцовским долгом сообщить Вам хотя бы некоторые данные, свидетельствующие, что Ян не закоренелый преступник.

Когда ему было 3 месяца, умерла его мать. Моя мать, т. е. бабушка, взяла к себе ребенка, вырастила и воспитала его. Я тем временем был откомандирован

на работу на Дальний Восток, а затем на строительство Газо-гелиевого завода, в Саратовскую область и др.

В первом классе школы с Яном опять случилась беда — девочка, сидевшая с ним на одной парте, нечаянно проколола ему глаз и он ослеп на этот глаз.

Семнадцать лет — в 1945 году, когда, окончив школу, собирался поступить в институт, он был репрессирован и почти десять лет просидел в тюрьме и лагере. Лишь в 1954 г. (до окончания срока) он был полностью реабилитирован и вернулся домой в возрасте 27 лет, не получивши в лагере никакой специальности или профессии.

После хлопот и длительных поисков работы, не имея специальности, он все же устроился на работу и работал до самого ареста.

Зачем же понадобилось некоторым журналистам во время судебного процесса освещать детство и юность Рокотова столь порочным, доводя до абсурда утверждения, что уже в третьем классе, т. е. в 9 лет Ян Рокотов сумел наспекулировать 150 тыс. рублей, а в десятом классе обладал 200 тыс. рублями, что он не хотел учиться и остался неучем. Ведь из материалов следствия и судебного процесса совершенно ясно, что Ян не мог продолжать учебу потому, что почти 10 лет без вины пробыл в лагере. Но пусть это будет на их совести.

Между тем бабушка, вырастившая Яна, не могла на него плохо влиять. Она жена старого большевика, получала персональную пенсию за свою дочь Татьяну — комсомолку, героически погибшую при защите Советской власти от банд Зеленого под Трипольем, что хорошо известно из истории комсомола. Моя мать воспитала пятерых детей, из которых двое дочерей старые большевики, участники восстания арсенальцев, участницы гражданской войны, до последнего времени

работавшие на сложных участках коммунистического строительства.

Я с самого начала революции был в армии, а после демобилизации около 40 лет работал на стройках и заводах оборонного значения, откуда и ушел на пенсию.

За свою работу награжден орденом и медалями.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что бабушка Яна Рокотова, воспитавшая таких детей, не могла плохо воспитать внука. Более вероятно, что на нем сказался тяжелый путь лагерной жизни...

Товарищ Хрущев, Вы в своих выступлениях неоднократно высказывали мысль, что и преступнику, осознавшему свою вину, раскаявшемуся в своем преступлении, можно поверить. Это Вы сделали, когда к Вам обратился уголовный преступник и благодаря оказанному ему доверию он встал на правильный жизненный путь.

Весь ход судебного разбирательства выявил, что Рокотов чистосердечно признался и раскаялся в своем преступлении, что благодаря его чистосердечным и искренним показаниям он помог как следствию, так и суду выявить и других преступников.

Это отметил и прокурор, выступавший на суде.

Он почувствовал и переоценил свою неправильную жизнь, ошибочность своего жизненного пути.

Суд осудил Рокотова за тяжесть совершенного им преступления не по той статье Уголовного кодекса, которая действовала во время совершения им преступления, дав ему самый большой срок наказания — 15 лет по статье, которая вышла после того, когда Рокотов был арестован. Таким образом, к нему уже был применен закон обратной силы.

Теперь, когда после суда уже прошло три недели... Прокуратура требует применения смертной казни по Указу, вышедшему первого июля 1961 г., т. е. через две недели после вынесения приговора Московского городского суда, осудившего Рокотова на 15 лет.

При создавшейся угрозе применения смертной казни Рокотову, я обязан обратиться к Вам и верю, и надеюсь в возможность предотвратить расстрел, принимая во внимание:

1. Рокотов не закоренелый преступник, преступление им совершено впервые.

2. Во время следствия и суда он чистосердечно признался и раскаялся, осознал свою преступную деятельность и благодаря его искренним показаниям помог следствию и суду раскрыть и других участников преступления, что он не воспользовался деньгами, как другие преступники, и не имел ни машины, ни дачи, не пьянствовал, жил в захудалой комнатухе.

Поэтому я как отец, оставшийся на старости лет без двух ног, прошу учесть вышеизложенные смягчающие вину обстоятельства и то, что Ян Рокотов десять лет юношеского возраста без вины просидел в лагере.

Не дайте совершиться беде несправедливого и незаконного применения смертной казни.

Орликов А.Л.».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Материалы независимой социологической службы
«Левада-Центр» любезно предоставлены
Л.Д. Гудковым

В таблицах I-IV приведены данные 2010 г. (N = 2000)

Таблица I

Насколько важно, с вашей точки зрения, для общего развития нашей страны реальное разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной власти?

1, очень важно	33 %
2, довольно важно	36 %
3, не слишком важно	12 %
4, совершенно не важно	5 %
9, затрудняюсь ответить	14 %

Таблица II

В правовых государствах суд представляет собой независимую ветвь власти, на которую по закону не могут оказывать давление представители других ветвей власти, как вы считаете, в современной России судебная власть является независимой?

1, да, в очень большой степени	7 %
2, да, в достаточной степени	27 %
3, нет, во многом зависима	39 %
4, нет, она полностью зависима	17 %
9, затрудняюсь ответить	10 %

Таблица III

Как вы считаете, в какой мере российские суды являются независимыми в своих решениях?

1, полностью независимы	7 %
2, в достаточной степени независимы	26 %
3, в большой степени зависимы	41 %
4, практически полностью зависимы	16 %
9, затрудняюсь ответить	10 %

Таблица IV

Как вам кажется, кто сегодня в России оказывает на судей самое сильное давление?

1, представители власти	46 %
2, представители крупного бизнеса	33 %
3, вышестоящее судебное начальство	31 %
4, коллеги, судейская корпорация	7 %
5, средства массовой информации	4 %
6, криминальные структуры	34 %
7, люди, которые дают им крупную взятку, способны оказать важную услугу	35 %
8, другое	0 %
9, я считаю, что в большинстве случаев судьи принимают решение независимо	7 %
10, затрудняюсь ответить	5 %

Таблица V

Можно ли, по Вашему мнению, сейчас рядовому человеку в России надеяться на справедливый суд?

	2006 март	2007 апрель	2009 июнь
Определенно да	4 %	3 %	3 %
Скорее, да	25 %	25 %	25 %
Скорее, нет	39 %	40 %	42 %
Определенно нет	22 %	23 %	19 %
Затруднились ответить	11 %	9 %	12 %

N = 1600

Таблица VI

Как Вы думаете, способен ли суд в России защитить рядового гражданина от произвола чиновников?

Определенно да	4 %
Скорее, да	22 %
Скорее, нет	40 %
Определенно нет	21 %
Затруднились ответить	12 %

N = 1600

2009 г., июнь;

Таблица VII

Как Вы считаете, много ли в России честных судей, которые подчиняются только закону?

Практически все	2 %
Большинство	25 %
Меньшая часть	48 %
Таких практически нет	13 %
Затруднились ответить	12 %

N = 1600

2009 г., июнь

Таблица VIII

Где простой человек может скорее добиться справедливости: в российском суде или в европейском суде по правам человека?

в российском суде	14 %
в Европейском суде по правам человека	60 %
затрудняюсь ответить	26 %

N = 1600

2007 г., июль;

Таблица IX

Готовы ли Вы, если возникнет такой случай, обратиться в суд, чтобы защитить свои интересы от несправедливых, на Ваш взгляд, действий властей?

	2004 май	2005 июнь	2009 июнь
Да	44 %	51 %	48 %
Нет	46 %	39 %	41 %
Затруднились ответить	10 %	10 %	11 %

N = 1600

Таблица X

Почему Вы не стали бы обращаться в суд, чтобы защитить свои интересы? (в % от тех, кто не стал бы обращаться)

	2004 май	2005 июнь	2009 июнь
Наши законы защищают интересы не граждан, а государственных чиновников	17 %	18 %	27 %
Наши законы несовершенны и не позволяют обеспечить защиту граждан	34 %	31 %	25 %
Суд заодно с властями и всегда принимает решения в их интересах	30 %	28 %	21 %
Нет денег, чтобы оплатить услуги адвокатов/судиться с властями	39 %	41 %	35 %
Власти все равно не обращают внимания на судебные решения	14 %	11 %	10 %
Не знаю, как это сделать/не привыкли защищать свои интересы в суде	11 %	17 %	11 %
Боюсь, нан бы не было хуже	10 %	16 %	11 %
Затруднились ответить	2 %	2 %	4 %

N = 1600

Таблица XI

Что, кроме закона, оказывает, по вашему мнению, самое сильное влияние на работу российского суда и судей?

личная выгода, деньги, взятки	55 %
связи, знакомства, просьбы знакомых	47 %
статус проходящих по делу	29 %
политическая целесообразность	11 %
указания и иные формы воздействия со стороны властных структур	24 %
давление спецслужб	11 %
угрозы криминальных группировок	17 %
ничто, кроме закона	6 %
затрудняюсь ответить	10 %

N = 1600

2007 г., июнь

Таблица XII

По вашему мнению, как часто в России берут взятки в судах ?

очень часто	26 %
довольно часто	41 %
довольно редко	10 %
очень редко	4 %
затрудняюсь ответить	20 %

N = 1600

2006 г., март

Таблица XIII

Каким образом чаще всего принимаются судебные решения в вашей местности?

все или практически все судебные решения принимаются по закону	12 %
есть судьи, которые берут взятки и поддаются давлению «сверху», но их немного	18 %
судьи, как правило, берут взятки и поддаются давлению «сверху», но есть и принципиальные судьи	25 %
даже принципиальные судьи реагируют на давление «сверху» по определенным делам	21 %
практически все судебные решения принимаются за «взятку» или под давлением «сверху»	7 %
не согласен ни с одним из них	17 %

N = 1600

2007 г., июнь

Таблица XIV

Как вы думаете, использовалась ли российская судебная система в течение последних семи лет в целях, не предусмотренных законом (т.е. в иных целях, чем отправление правосудия)?

да, проводятся показательные процессы с целью продемонстрировать обществу отношение власти к тем или иным действиям или явлениям	27 %
да, судебная система используется в политических целях, для того, чтобы избавиться от политических соперников, для преследования инакомыслящих	21 %
да, судебная система используется для того, чтобы «свести счеты», отомстить врагам	16 %

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОЦЕССУ

да, судебная система используется в конкурентной борьбе с целью захватить бизнес конкурента, испортить его репутацию или иным образом повредить ему	20 %
да, иным образом	2 %
может быть используется, но об этом мало известно	19 %
если и используется, то это целесообразно и правильно	3 %
нет, судебная система в России не используется в целях, не предусмотренных законом	4 %
затрудняюсь ответить	25 %

N = 1600

2007 г., июнь

Таблица XV

Какие группы государственных служащих, на ваш взгляд, более всего коррумпированы?

чиновники/служащие федеральных органов власти	71 %
служащие местных органов власти	46 %
работники суда и прокуратуры	41 %
работники милиции	48 %
работники ГИБДД	48 %
Врачи	20 %
учителя и преподаватели вузов	18 %
Другое	1 %
затрудняюсь ответить	6 %

N = 1600

2006 г., декабрь

Таблица XVI

Должна ли деятельность судебной системы контролироваться органами исполнительной власти?

в полной мере	27 %
в некоторой степени	29 %
Она должна быть полностью независима от исполнительной власти	27 %
затрудняюсь ответить	17 %

N = 1600

2006 г., декабрь

Таблица XVII

Контролируется ли органами исполнительной власти деятельность судебной системы в вашем городе, районе?

Она полностью независима	8 %
Она контролируется правительством России	12 %
Она контролируется местной (областной, городской, районной) администрацией	18 %
Она коррумпирована, и каждый, у кого есть деньги, может добиться в суде благоприятного решения	37 %
затрудняюсь ответить	31 %

N = 1600

2006 г., декабрь

Таблица XVIII

Оказывала ли власть давление на судей в деле Ходорковского и Лебедева (2005 г.) с целью вынесения ему (им) обвинительного приговора?

	2005 январь	2006 август
определенно да	13 %	13 %
Скорее да	37 %	31 %
Скорее нет	14 %	14 %
определенно нет	2 %	2 %
затрудняюсь ответить	34 %	41 %

N = 1600

Таблица XIX

Опасаетесь ли вы, и если да, то в какой мере, что Владимир Путин может с помощью судов и прокуратуры мстить своим противникам?

совершенно не опасаясь	35 %
не могу сказать, что опасаясь	32 %
в какой-то мере опасаясь	13 %
серьезно опасаясь	3 %
затрудняюсь ответить	17 %

N = 1600

2006 г., март

Таблица XX

Всегда ли суды в россии принимают независимые и справедливые решения?

Всегда	1 %
практически всегда	6 %
в большинстве случаев	29 %
меньше чем в половине случаев	32 %
очень редко	20 %
Никогда	3 %
затрудняюсь ответить	10 %

N = 1600

2005 г., август;

Таблица XXI

Как вы считаете, в каких отношениях находятся сейчас суд и прокуратура – и федеральная исполнительная власть (президент, правительство)?

суд и прокуратура полностью независимы от исполнительной власти	8 %
суд и прокуратура в основном независимы от исполнительной власти	14 %
суд и прокуратура в основном зависимы от исполнительной власти	33 %
суд и прокуратура полностью зависимы от исполнительной власти	23 %
затрудняюсь ответить	22 %

N = 1600

2000 г., июль;

Таблица XXII

Если вы не совсем доверяете судебным органам, то в чем причина?

берут взятки	19 %
низкий профессиональный уровень	6 %
мало полномочий	3 %
плохая законодательная база	13 %
зависимость от властных структур	11 %
связь с криминальными структурами	7 %
затрудняюсь ответить	40 %

N = 1200

1996 г., январь

Таблица XXIII

Если вы не совсем доверяете судебным органам, то в чем причина? (Причина 2)

берут взятки	13 %
низкий профессиональный уровень	9 %
мало полномочий	5 %
плохая законодательная база	16 %
зависимость от властных структур	19 %
связь с криминальными структурами	23 %
затрудняюсь ответить	15 %

N = 1200

1996 г., январь

Таблица XXIV

Согласны ли вы с тем, что при любой форме правления суды должны быть независимыми от властей и обладать реальными полномочиями, чтобы защищать права простых людей?

полностью согласен	71 %
скорее согласен	21 %
скорее не согласен	3 %
полностью не согласен	1 %
затрудняюсь ответить	5 %

N = 1700

1994 г., июнь

Таблица XXV

Вы бы согласились или не согласились с мнением, что сильный и авторитетный лидер, которому народ доверил свою судьбу, имеет право действовать, невзирая на существующие законы?

Согласен	31 %
Не согласен	51 %
затрудняюсь ответить	18 %

N = 1000

1991 г., ноябрь

Таблица XXVI

Оказывает ли власть давление на судей в деле М. Ходорковского и П. Лебедева с целью вынести им новый обвинительный приговор?

	2009 март	2009 июнь	2009 октябрь
Определенно да	8 %	13 %	6 %
Скорее, да	19 %	28 %	23 %
Скорее, нет	15 %	14 %	16 %
Определенно нет	4 %	4 %	4 %
Затруднились ответить	54 %	42 %	51 %

N = 1600

Таблица XXVII

Согласны ли Вы с тем, что М. Ходорковский преступил закон, и должен быть за это наказан, и то, что власть, не имея возможности доказать его преступления, идет на нарушения правовых норм, не имеет значения?

Согласен: не важно, что судебный процесс идет с нарушениями, главное добиться осуждения М. Ходорковского	7 %
Не согласен: суд должен решать, виновен ли М. Ходорковский в тех преступлениях, которые ему вменяются, строго следуя существующим законам	62 %
Затруднились ответить	31 %

N = 1600

2009 г., октябрь

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Пумпянский

ПРОЦЕСС

5

Сергей Ковалев

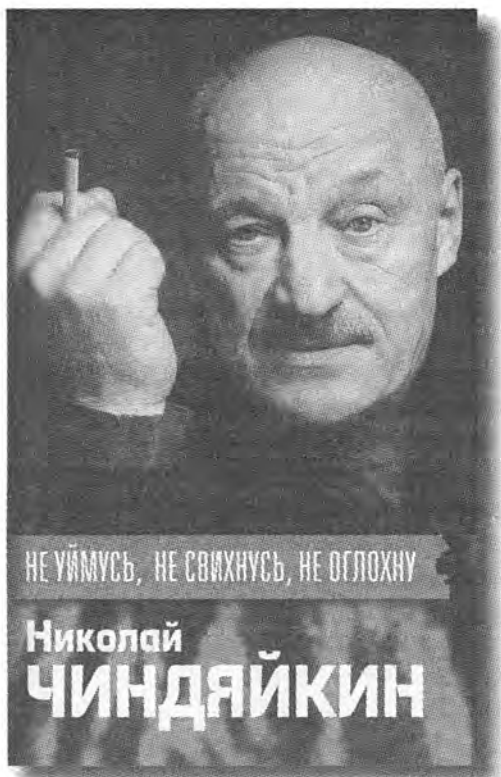
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРОЦЕССУ

127

ПРИЛОЖЕНИЯ

223

СКОРО ВЫЙДЕТ

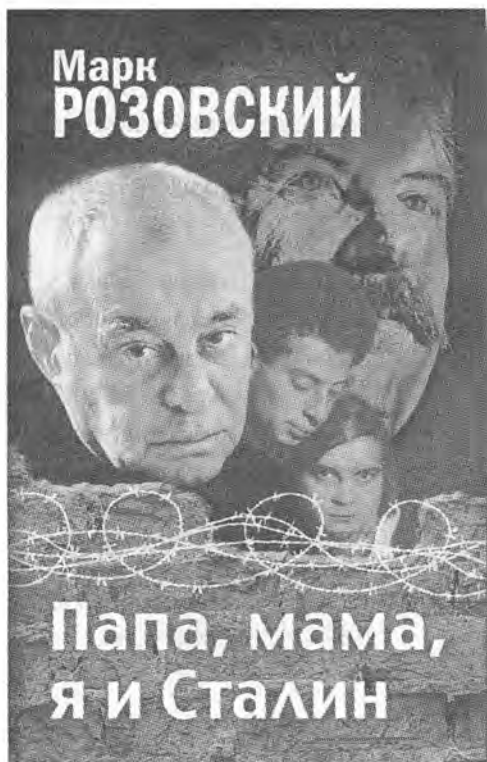
Читая эти записи, что автор вел на протяжении десятилетий, вспомнилось чье-то тонкое наблюдение, что «любой, даже самый благополучный дневник – хроника борьбы с *несуществованием*». Странно, но чтение такой хроники почему-то придает силы.

Дневник – это особый способ разговаривать: говоришь – и тебя не перебивают, не переспрашивают.

Когда возникает необходимость такого разговора?

Думаю, при появлении редного счастливого сочетания обстоятельств и внутренних возможностей человека. Когда жизнь дарит окружение талантливых личностей.

СКОРО ВЫЙДЕТ

«Папа, мама, я и Сталин»... Быть может, одна история из сотен тысяч. Одна из миллионов. И всегда единственная. Тщательно задокументированная и кошмарная в своей странной, внезапной неотвратимости. И пронзительно человеческая. Рассказанная автором подробно и предельно откровенно. Ибо все, что кажется нам теперь далеко за пределами здравого смысла, за зыбкой гранью Добра и Зла, случилось с папой автора, его мамой и самим автором в то время, когда на вершине громадной горы под названием СССР величественно возвышался жестокий отец всех и вся — И.В. Сталин.

Литературно-художественное издание

ДЕЛО ХОДОРКОВСКОГО

Александр Пумпянский
Сергей Ковалев
Борис Жутовский

Ответственный за выпуск *Игорь Смолин*
Редактор *Владимир Вестерман*
Художник *Борис Жутовский*
Оформление *Александр Щунин*
Верстка, макет *Виктория Челябинова*
Корректор *Наталья Семенова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.org

По вопросам приобретения книг издательства «Зебра Е»
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.net

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

*Сатраффын лоб город!
Дорога, по которой горит Зек, от
Идеее Ингузистов! Тюрьма -
На улице Тишина!*

Правда матросов!

ISBN 978-5-94663-312-3

9 785946 633123

ZEBRA